

**СОВРЕМЕННАЯ
РУССКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ,
ЛЕКСИКОГРАФИЯ
И ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ
2022**

**Санкт-Петербург
ИЛИ РАН
2022**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ,
ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ
2022**

**Санкт-Петербург
2022**

УДК 81'374

ББК 81.2Рус-4

С56

Редколлегия: канд. филол. наук *С.А. Ганичева*, докт. филол. наук *Е.Н. Ильина*, канд. филол. наук *М.Д. Королькова*, канд. филол. наук *О.Н. Крылова* (отв. ред.), член-корр. РАН, докт. филол. наук *С.А. Мызников*.

Рецензенты: канд. филол. наук *Е.Б. Кузьмина*, канд. филол. наук *Е.В. Колосько*.

С56 Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2022 / отв. ред. О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: ИЛИ РАН, 2022. – 220 с.

Сборник содержит статьи участников Всероссийской школы-семинара «Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 4-5 ноября 2022 г.).

ISSN 2658-3763

DOI 10.30842/26583763

DOI 10.30842/265837632022 (вып. 2022)

© Коллектив авторов, 2022

© ИЛИ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Андрианова Д.В. Аксиологическая характеристика ума и его отсутствия на материале русских пословиц XVII–XVIII веков.....	5
Беляева Е.А. Глаголы компьютерной сферы в современном русском языке: пути возникновения и отражение в словарях	14
Буренков В.А. Национальная идентичность, отраженная в словах ирландского и южноафриканского английского языка.....	23
Ду Сянь О междометиях в русских диалектах.....	31
Жулева М.И. Отражение самобытности казачества в словарях В.И. Даля и Б.А. Моисеева.....	38
Зверева А.Ю. Медиакарта как инструмент объективации региональной идентичности.....	47
Кампаделли Р.А. Ассоциации как отражение концептуального представления о мире.....	57
Карпушова А.Ю. Языковые маркеры региональной идентичности в публикациях информационных сайтов и порталов г. Волгограда.....	65
Колосовская Т.Л. Об одном «лексическом диссонансе» современной русской речи: контекстные синонимы глагола <i>отдыхать</i>	72
Костина Е.Д. Хеджирование в спонтанном монологерассказе на русском языке как элемент национальной идентичности.....	82
Ложкина В.А. Гиперкорректность как прием речевой манипуляции в русской разговорной речи.....	93
Локалина Ю.С. Конструкция <i>от слова совсем</i> как устойчивое сочетание.....	104
Макарова М.М., Борданова А.С. Фидеистический фактор в становлении национальной идентичности: культурологический аспект.....	112
Морохина В.В. Образная номинация растений в русском и коми языках.....	122

Николаева С.А. Рыболовецкий промысел в языковой картине жителей района озера Селигер.....	130
Петрова М.Ю. Производные наименования человека в контексте проблем лингвистической конфликтологии.....	140
Плесовских Д.В. Лингвистические средства изображения национального характера в литературном дискурсе и их передача при переводе.....	146
Савушкина А.С. Метод ареалов в лингвогеографическом описании смоленских говоров.....	154
Сухнева М.О. Отражение лексикографических особенностей в статьях онлайн-словарей на примере словаря Мультитран и коллокация в нем национальной идентичности..	161
Терентьева Т.Е. Фразеологическая семантика, отражающая характеристику человека (на материале устойчивых сравнений «Фразеологического словаря русских говоров Нижней Печоры»).....	169
Фалеева А.С. Средства вербализации внутреннего состояния человека в «Областном словаре вятских говоров»...	175
Хиленко Е.В. Лексическое значение существительных «страдание» и «удовольствие»: структурно-семантический и психолингвистический аспекты.....	184
Шварева Е.И. Функции растяжек гласного в дискурсивных словах <i>мда</i> и <i>нда</i>	191
Шевченко Н.В. Прозвища, основанные на именах собственных (на материале липецких говоров).....	203
Сведения об авторах	216

Андреанова Дарья Витальевна
Институт лингвистических исследований РАН

Аксиологическая характеристика ума и его отсутствия на материале русских пословиц XVII–XVIII веков

В статье анализируется аксиологический компонент русских пословиц XVII–XVIII вв. об уме и глупости. Благодаря четкому хронологическому ограничению материала удастся выявить отдельные аспекты этих паремийных концептов, не всегда совпадающие с привычными для современного носителя языка стереотипами. В частности, результаты исследования свидетельствуют о корреляции понятий ум и честь, утраченной в более поздних пословицах. Важное место занимает в картотеке исследования понятие «худой ум», которое в системе ценностных координат в паремиях рассматриваемого периода соотносится в большей степени с безнравственностью, чем с глупостью.

Ключевые слова: русская паремиология, русские пословицы, концепт ум, пословицы XVII–XVIII века, концепт глупость.

Ум как одна из несомненных культурных доминант современного человека сохраняет при этом отчетливую аксиологическую неоднозначность. В обыденном сознании ум представляется как обязательная «положительная» характеристика человека, противоположность глупости. Вместе с тем ум часто предстает как рассудочность, выхолощенная рациональность, противоположность эмпатии и самой жизни. Глупость, в свою очередь, также аксиологически неоднозначна в современной культуре, поскольку помимо очевидного отрицательного заряда, заложенного в этом понятии, отчетливо ощущается иная ипостась этого феномена, связанная, например, с фольклорной или христианской характеристикой дурачка как человека, отличного от большинства, живущего иначе, чем все.

В научном понимании ум связывается прежде всего с интеллектом, который, по определению В.Н. Телия, представляет собой «отражение достигнутого к определенному возрасту уровня когнитивного развития личности, проявляющегося в формировании познавательных функций, в степени усвоения умственных умений и знаний и служащего для успешного освоения человеком различных видов деятельности, успешной адаптации к окружающей среде» [Телия 1996: 36]. То есть в научном понимании ум в первую очередь связан с когнитивными функциями.

Более широко определяется ум в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, который связывает ум, разум с духовным началом, способностью к совершенствованию: «Ум – общее название познавательной и заключительной способности человека. Это одна половина духа его. А другая – нрав, нравственность, хотенье, любовь, страсти; в тесном [узком – Д.А.] значении ум или смысл, рассудок есть прикладная, обиходная часть способности этой (ratio), низшая степень, а высшая, отвлеченная — разум (intellectus)» [Даль 4, 1909: 1020].

Как представляется, следующий шаг в философском осмыслении ума делает В.В. Колесов, утверждая, что «ум воплощается в разуме, отливается в законченные формы рассудка и затем, в полном единении с душой и сердцем, по желанию и влечению постигает мудрость. Ум предполагает умение в разуме, здравомыслие в рассудке и умозрение в мудрости» [Колесов 2002: 102].

Пословицы, в свою очередь, можно считать определенным синтезом философии с наивными представлениями. И нужно отметить высокий исследовательский интерес к пониманию и интерпретации дихотомии концептов *ум-глупость* в том числе в русском пословичном контексте, и в том числе в компаративном аспекте на материале славянских, европейских и восточных языков [Церцвадзе 2016; Чэнь, Мартыненко 2018; Аксенчикова-Бирюкова 2019 и мн. др.]. Выводы, к которым приходят лингвисты, погруженные в эту тему, во многом дополняют друг

друга. Так, можно отметить, что ум «в первую очередь связывается в сознании русского народа с образованностью, ученостью, грамотностью, с одной стороны, и с богатым жизненным опытом – с другой. Удивительно, что столь распространенное в русском фольклоре.. представление об уме как смекалке, находчивости, изворотливости простого, малообразованного человека (русского мужика) практически не отражены в паремийном фонде русского языка» [Дзюба 2009: 194].

Анализируя семантико-аксиологические характеристики русских паремий, исследователи приходят к следующим обобщениям: «В русских паремиях выражаются такие ментальные установки, как то, что слишком прямой и простой человек – глуп; умных людей опасаются; глупый человек, как маленький ребенок, говорит то, что думает; мысли отягощают; глупого человека сразу видно; глупого от природы человека учить бесполезно..., наличие ума, в свою очередь, не является гарантией материального достатка. Однако некоторые ментальные установки в русских паремиях амбивалентны» [Алешин, Зиновьева 2020: 14].

В настоящем исследовании ограничим пословичную картотеку до единиц, зафиксированных в паремиологических собраниях и словарях русского языка XVII–XVIII веков, единиц, включающих компоненты *ум*, *глупость*, *дурак* и под. Целью данной работы является выявление семантико-аксиологической специфики русских пословиц, зафиксированных словарными источниками указанного периода, на фоне более современных восточнославянских паремий.

Одна из наиболее объемных групп пословиц, извлеченных из русскоязычных пословичных собраний XVII–XVIII веков, объединена мыслью о том, что важно следовать собственным убеждениям, жить по своему разумению, не слушать чужих советов: *Свой ум – царь в голове* (Сим.: 139); *Царствует ум голово* (Сим.: 154), *Всяк своим умом живет* (Тат. нач. XVIII: 50; Богд.: 72); *Думай всяк про себя* (Богд.: 78), *У всякого свой разум*

(Вейсманн: 341); *Всяк Еремей по себе разумей* (Сим.: 88; Богд.: 72); *Всяк (каждый) Еремей про себя разумей* (Петр. галер. нач. XVIII: 24); *Чужим (Чюжим) умом не дано жить* (Петр. галер. нач. XVIII: 38).

Ум коррелирует с честью: *Честь ум рождает* (Петр. галер. нач. XVIII: 38; Тат. нач. XVIII: 64); *Честь ум рождает (порождает), [а] бесчестье и последний (и старое) отнимает* (Сим.: 155); *Подлomu человеку ума не много* (РС нач. XVIII: 41); *Дурак стыда не знает* (Сим.: 16). Это утверждение находит свое продолжение в украинских пословицах: *Чим розумний стидається, тим дурний величається* (Пазяк: 335); *Чим мудрий встидається, тим дурень величається* (Там же: 335); *Чого мудрий стидається, тим дурень величається* (Там же: 335).

Взаимосвязь ума с нравственными категориями, которая прослеживается в приведенных выше пословицах, в определенной степени обосновывается замечанием в словаре В.И. Даля о том, что «в просторечьи ум нередко принимает значение воли. *Худой ум, худой разум* – не только глупые поступки, безрассудные, но и безнравственные, вредные, преступные. В сем случае ум потому худ, что не смог осилить воли. *У всякого свой ум и разум, свой царь в голове*, не только свои убежденья, но и своя воля и своеволие» [Даль 1909: 1021].

Приведенная выше пословица об уме и чести не имеют, по данным нашей картотеки, современных аналогов в восточнославянских языках, как не ощущается связи между разумом и волей, честью в современной семантике слова ум.

Следующая объемная группа пословиц объединена на основе мысли о том, что отсутствие ума – абсолютная величина: глупым человек рождается, и сколько бы ни учился, каким бы богатым ни был, умным ему не стать. *Дураки никогда умными не бывают* (Вейсманн: 438); *Дураков не орут, не сеют – [а (и)] сами рождаются* (Петр. галер. нач. XVIII: 26; Тат. нач. XVIII: 78); *Безумных не сеют, не орут дураков – сами рождаются от глупых отцов, от безумных матерей* (СлРЯ XI–XVII 1: 128; Вейсманн: 8); *Кто глуп родился, уже никогда не вылечится* (РС нач. XVIII:

45); *Дурака учить что мертвого лечить* (Барс.: 62; СЛЯ XVIII: 11, 165); *Дурака (дураков) учить, что мертвого лечить* (Барс.: 62; СЛЯ XVIII: 11, 165); *Дурака не научишь* (Богд.: 98); *Глупому сыну не в помощь богатство* (СЛЯ XVIII 5: 153); *Ума [и] за морем не купишь, коли дома его нет* (Вейсманн: 219). Как представляется, эта максима в современном культурном, когнитивном, психологическом вообще гуманитарном контексте скорее существует в виде своего антипода – любой человек вне зависимости от своих природных способностей может добиться значительных успехов в том деле, которое любит и над которым много работает.

Вообще нужно отметить, что пословицы XVII–XVIII века не знают жалости к дуракам, которым, как утверждается, следует быть битыми: *Дураку и в алтаре (в олтаре) не спускают (нет спуску)* (Петр. галер. нач. XVIII в.: 26; Барс.: 62; СЛЯ XVIII в. 16: 268); *Глупого и в алтаре бьют* (Сим.: 90); *Глупого попа и в алтаре бьют* (Тат. нач. XVIII: 50); *Лося бьют в осень, а дурака всегда (завсегда)* (Сим.: 117); *Дурака палкою чесать надобно* (Вейсманн: 366); *Пьян да глуп — так больше бьют, а пьян да умен — два угодыя в нем* (Богд.: 105), *Пьян да умен — два угодыя в нем, а пьян да глуп — [так] больше бьют* (Богд.: 108). Размышляя над этой пословичной жестокостью, прихожу к мысли о том, что и здесь в слове *дурак*, по-видимому, есть отголосок того отсутствия ума-воли, наличия дурного ума, т. е. безнравственности, о которых писал В.И. Даль. С другой стороны, не исключено, что побои в случае с дураком коррелируют с принятыми в то время жестокими способами воспитания и обучения, т.е. побои в данном случае – способ научить уму-разуму.

Возвращаясь к уму, нельзя оставить без внимания объемную группу пословиц, фиксируемую словарями XVII–XVIII веков, говорящих о практической пользе ума, который помогает добиваться успеха в каком-либо деле и благосостояния, а отсутствие ума, в свою очередь, становится причиной неудач и разорения: *За скудость разума палат лишаются* (Сим.: 105); [С]

умом торговать, без ума горевать (Петр. галер. нач. XVIII: 36); *Умом наживаются, а безумием и старое теряют* (Сим.: 146); *Не заставляй дурака Богу молиться, он и лоб разобьет* (Барс.: 152; СЛЯ XVIII 8: 96); *С дураком не убить бобра* (Сим.: 107; Сл XI–XVII 1: 199). < Убить бобра – получить выгоду, приобрести что-л. ценное]; *Глуп да ленив одно дважды делает* (Сим.: 91). Этим утверждениям противопоставлены те, в которых утверждается, что умному человеку тяжело приходится, в то время как дурачку все просто: *С умом жить — мучиться, [а] без ума [жить] — тешиться* (Петр. галер. нач. XVIII: 35; СЛЯ XVIII 13: 87).

Кроме того, несколько пословиц оговаривает, что и умный человек иной раз может повести себя как дурак, и наоборот: *На всякого (На каждого) мудреца довольно простоты* (Петр. галер. нач. XVIII: 31; Вейсманн: 328, 399; СЛЯ XVIII 6: 168); *Во всяком мудреце довольно простоты* (Сим.: 88; Барс.: 19); *Безумие и на мудрого бывает* (Тат. нач. XVIII: 47; Богд.: 66; СЛЯ XVIII 13: 62]; *Временем и дурак умно говорит* (РС нач. XVIII: 40). И даже одна пословица утверждает: *Мешай ум с безумием – с ума не сойдешь* (РС нач. XVIII: 44).

Еще одна максима, утверждаемая пословицами XVII–XVIII веков, подчеркивает, что умный человек, в противоположность глупому, умеет промолчать тогда, когда это необходимо: *Умный молчит, а дурак ворчит* (Богд.: 114); *У мудрых уста в сердце, а у дураков сердце в* (РС нач. XVIII: 41); Вообще же утверждается, что речь является верным показателем уровня интеллекта человека: *Каков разум, таковы и речи* (Вейсманн: 400, 553); *Что у трезвого на мысли (на мысли), то у пьяного на языке* (Вейсманн: 722; СЛЯ XVIII 13: 9); *Дурак дурацкое и говорит* (Вейсманн: 721; СЛЯ XVIII 7: 31); *Дурак любит браниться (бранится)* (Сим.: 94; СЛЯ XVIII 1: 266).

Умение решать конфликты мирным путем также является признаком ума, как утверждается пословицей *Не силою спорить, но разумом* (Вейсманн, 1731: 352).

И наконец, последняя из выявленных настоящей работой установка, характерная для пословиц, фиксируемых словарями

исследуемого периода, заключается в соотношении глупости и красоты: *Личико беленько, да разуму маленько (маленко)* (Сим.: 118; РС нач. XVIII: 87; Петр. галер. нач. XVIII: 30; Сл XI–XVII 1: 131; 8: 257; СЛЯ XVIII 1: 197); *Красота и глупость часто бывают купно* (РС нач. XVIII: 41; СЛЯ XVIII 10: 243).

Подводя итог анализу пословиц XVII–XVIII веков, характеризующих умного человека, можно отметить, что умным в этих пословицах очень часто называется не столько умный (разумный, опытный, умелый) человек, сколько мудрый или вообще достойный, которому помимо собственно интеллектуального богатства, которое может не быть абсолютным, свойственны такие важные качества как порядочность, самодисциплина и умение следовать собственным убеждениям. Ум в исследуемом пословичном контексте имеет, как представляется, достаточно широкое синкретичное значение, включающее в себя также понятие воли, а отсутствие ума может быть понято как отсутствие необходимой нравственной составляющей характера. Наличие ума в пословицах рассматриваемого периода признается полезным с практической точки зрения, поскольку умный человек достигает успеха в делах и благосостояния.

Литература

Аксенчикова-Бирюкова А.А. Компонент «ум» в русских и белорусских паремиях // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье. Сб. трудов конференции. Новозыбков, 2019. С. 442–447.

Алешин А.С., Зиновьева Е.И. Устойчивые выражения компаративной структуры: лингвокогнитивный аспект (на материале русского и шведского языков) // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020, Т. 11, № 1. С. 7–21.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.-Москва: Т-во М. О.

Вольф, третье, исправленное и значительно дополненное изд. 1909.

Дзюба Е.В. Концепт «ум» в научном освещении и наивном представлении русского народа // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2009. № 4 (68). С. 188–199.

Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с. – БСРП.

Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731. – Вейсманн.

Прислів'я та приказки: Людина. Родинне життя. Риси характеру. / упоряд.: М. М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1990. 522 с. – Пазяк.

Рукописный сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени // Памятники древней письменности. СПб., 1880. Вып. IV. Отд. 2. – РС нач. XVIII.

Сборник пословиц б. Петровской галереи // ППЗ 1961, 23–39; 249–253. – Петр. галер. нач. XVIII.

Сборник пословиц В.Н. Татищева // ППЗ 1961, 47–64; 257–259. – Тат. нач. XVIII.

Симони П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симони. Вып. I–II. СПб., 1899, I–XIX. 216 с. – Сим.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. Языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. М.: Наука, 1975–2019. – Сл XI–XVII.

Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–22. – Л.; СПб.: Наука, 1984–2019. – СЛX XVIII.

Собрание 2491 древних российских пословиц / Сост. А.А. Барсов. М., 1770. – Барс.

Собрание пословиц А.И. Богданова // ППЗ 1961, 65–118; 259–263. – Богд.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб., 1893.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки рус. культуры, 1996. 288 с.

Церцвадзе М.Г. Вербализация бинарных концептов «ум/розум» и «глупость/дурість» в русском и украинском языках (на материале пословиц и поговорок) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 117–119.

Чэнь П., Мартыненко Ю.Б. Русские и китайские пословицы и поговорки со словом «ум» // Преподаватель XXI век. М.: 2018, № 1–2. С. 373–381.

Andrianova D.V. Axiological characteristics of the mind and its absence in Russian proverbs of the 17th–18th centuries

The article analyzes the axiological component of Russian proverbs of the 17th-18th centuries about intelligence and stupidity. Thanks to a clear chronological limitation of the material, it is possible to identify certain aspects of these concepts that do not always coincide with the stereotypes familiar to a modern native speaker. In particular, the results of the study indicate a correlation between the concepts of mind and honor, which was lost in later proverbs. An important place in the card index of the study is devoted to the concept of «bad mind», which in the proverbs of the period correlates more with immorality than with stupidity.

Keywords: Russian paremiology, Russian proverbs, concept mind, proverbs of the 17th–18th centuries, concept stupidity.

Беляева Евгения Александровна
Институт лингвистических исследований РАН

Глаголы компьютерной сферы в современном русском языке: пути возникновения и отражение в словарях

Данная работа посвящена вопросу компьютерной лексики в современном русском языке, которая является неотъемлемой частью «цифрового» общения. Слова этой сферы не воспринимаются носителями русского языка как специальные или терминологические. Лексикографическое описание компьютерной лексики недостаточно полное. В основном в описательную базу толковых словарей попадают существительные и редко глаголы с «явной» терминологической принадлежностью. Происхождение слов этой сферы разнообразно, часто это заимствования (полное, частичное, семантическое, калька и т. п.). В работе рассматривается понятие вторичного заимствования. Приводится ряд исследований, показывающих, что в языке существует процесс, когда появляется новое слово, уже существующее в русском языке, но имеющего новое значение, и что этот процесс не является результатом семантической деривации в рамках русского языка. На примере глаголов компьютерной сферы проводится анализ новых слов и новых значений в русском языке, которые сопоставляются с английскими источниками, дается характеристика лексикографической фиксации в толковых словарях русского языка.

Ключевые слова: компьютерная лексика, цифровая лексика, цифровые глаголы, заимствование, вторичное заимствование, лексикография.

Компьютерная лексика заняла особое место в речи широкого круга носителей современного русского языка, пользователей цифровых технологий (компьютеров, телефонов, интернета, оргтехники и т. п.). Почти все слова заимствованные,

большая их часть англоязычные заимствования, не имеющие исконно русских эквивалентов, их нечем заменить. При этом их нельзя назвать «угрозой» для языковой идентичности, как, например, молодежный сленг, который изобилует англицизмами, являющимися более предпочтительными для подростков XXI века, чем русские слова. Многие заимствованные слова компьютерной сферы давно освоены русским языком и не воспринимается носителями языка как иноязычные вхождения. Существуют разные варианты номинации нового понятия в языке. В данной работе существенными являются следующие: а) при невозможности найти в русском языке «достойный», удобный лексический вариант, происходит первичное заимствование; б) номинация нового понятия может вызвать возвращение в активный словарный запас заимствований-архаизмов, т. е. слова употребляются в новых, не свойственных им ранее контекстах. Рассматривая заимствованное слово в совокупности его значений, бывает проблематично найти связи между значениями, сложно определить место нового значения в семантической структуре слова, особенно, если оно относится к специфической, терминологической сфере употребления.

Л.П. Крысин отметил, что в языке появляются лексические единицы, которые полностью совпадают с некогда заимствованными словами, но при этом могут иметь «иное значение, вплоть до полной омонимии» [Крысин 2004: 143]. Так появилось понятие «вторичного заимствования». В работах других авторов данный процесс получил разнообразные трактовки, например: *повторное заимствование, скрытое, частичное заимствование*. Авторы также отмечают существование трудностей в лексикографической фиксации этого процесса. Новая словарная форма может рассматриваться лексикологами либо как полисемия, либо как омонимия. В разных толковых словарях данная проблема решена по-разному. В основном, это зависит от глубины анализа семантической структуры слова.

Поддерживая само понятие «вторичного заимствования», Е.В. Маринова в своей приводит доводы о том, что если первично слово было заимствовано из одного языка, а потом из другого языка – то это «вторичное заимствование» (например, *меню* первоначально имело кулинарное значение и пришло из французского языка, а *меню* из английского языка было заимствовано позже, уже как компьютерный термин) [Маринова 2008: 3233]. Учитывая, что слова имеют разные источники происхождения и относятся к разным областям функционирования, можно считать их омонимами. Однако доступный широкому кругу пользователей материал словарей показывает, что цифровое значение (с пометами Инф., Техн. и др.) расширяет словарную статью на «кулинарное» значение (напр., [БТС 2000, Крысин 2006]).

На основе тезисов, выдвинутых Л.П. Крысиным, Н.Н. Гончарова рассматривает вопрос появления в русском языке терминологического значения в результате вторичного заимствования. Она приходит к выводу, что основанием для заимствования терминологического значения может быть: «совпадение общелитературных значений слов в языке-источнике и заимствующем языке» и «начальное отсутствие терминологического значения в языке-реципиенте» [Гончарова 2018: 103]. Нельзя забывать о семантическом развитии слова в русском языке, поэтому для того, чтобы определить происхождение нового значения, Гончарова предлагает метод, разработанный на основе идей Крысина, где для определения процесса нужно: 1) сопоставить новое значение существующей в русском языке формы слова со «старыми» значениями; 2) найти общие семы и подсеммы; 3) если они есть, то семантическая деривация произошла в русском языке; если их нет, то нужно сопоставить значение со значением в предполагаемом языке-источнике, и найти его там.

Заимствования являются основными источниками пополнения компьютерной терминологии и сленга. Работы, посвященные явлению вторичного заимствования, обычно

рассматривают имена существительные и основываются на примерах их фиксации в толковых словарях. Рассмотренные в моей работе глаголы компьютерной сферы могут быть не отражены в толковых словарях, несмотря на свою широкую употребительность. Поэтому определение происхождения семантического деривата и обоснование факта полисемии или омонимии представляют собой важную подготовительную часть лексикографической работы. В данной статье в качестве примеров рассмотрены глаголы **активировать**, **капитализировать**, **символизировать**. Компьютерная сфера функционирования этих глаголов не всегда очевидна. Спецификация их употребления подтверждается цитатным материалом и, часто, фиксацией в иноязычных толковых словарях.

Так, глагол **активировать** впервые зафиксирован в Словаре иностранных слов 1949 года и толкуется ‘усиливать активность, переводить из недейтельного состояния в деятельное, повышать энергию тела или жизнедеятельность организма’ (от лат. *activus* ‘деятельный’) [СИС 1949]. К началу XXI века в словарях русского языка дефиниция почти не изменилась. В настоящее время глагол широко употребляется в информационно-цифровых контекстах «*активировать учетную запись*», «*активировать промокод (пароль)*» и т. п.

Анализ примеров цитатного материала в НКРЯ показывает, что контексты и сочетаемость глагола разнообразны и демонстрируют функционирование глагола **активировать** в разных значениях:

— ‘привести в действие какой-л. аппарат’ (*кнопка, активирующая диктофон*);

— ‘запустить работу какой-л. программы’ (*последовательность ссылок активирует работу файрволла; протокол http, который может быть активирован администратором*);

— ‘сделать работающими функции карты’ (*карта (не) активирована*).

Ни одно из этих значений не представлено в современных словарях, но тенденция в развитии семантики наблюдается. Например, **активировать** ‘произвести активацию’, где в обновленной дефиниции в БТС на **активация** выделен оттенок ‘перевод в деятельное, подвижное состояние. *Активация ферментов*’ [БТС 2022]. Глагол также относится к области химии, но уже выделена новая сема ‘приведение в действие, запуск чего-то неподвижного’.

Английские словари уже «отреагировали» на изменения в функционировании глагола **activate**. Oxford English Dictionary [OED] дает уже обновленную дефиницию на глагол **activate** (активировать), объединяя «химическое» действие с действием «в компьютерном оборудовании»: ‘to make something such as a device or chemical process start working’ (заставить что-то, например, устройство или химический процесс начать работать). *The burglar alarm is activated by movement* (Охранная сигнализация активируется движением). *The gene is activated by a specific protein* (Ген активируется специфическим белком) [OED: **activate**]. Данная лексикографическая фиксация говорит о том, что в английском языке уже давно завершился процесс становления нового цифрового значения, которое, следовательно, получило отражение в словаре. В академических толковых словарях русского языка «компьютерное» значение у данного глагола отсутствует.

Новое значение **активировать** является примером вторичного заимствования (первое – в начале XX века из латинского, вторичное – в начале XXI века из английского), которое ведет к полисемии глагола, т. к. выделяется общая для всех значений сема ‘приведение в действие, запуск’.

Глагол **символизировать** демонстрирует другую судьбу в русском языке. По данным Большого академического словаря русского языка он был зафиксирован в Объяснительном словаре иностранных слов А.Д. Михельсона, **символизировать** ‘являться, служить символом чего-л.’ где **символ** ‘знак, условное изображение понятий и чувствований’ [БАС 25: 542]. В этом

значении слово было заимствовано из французского: *symboliser* ‘символизировать’ [Крысин 2006]. Новое значение происходит от англ. *symbol*, **символ** ‘инф. В вычислительной технике: буква, цифра, условный знак как носители информации’ [Крысин 2006]. Глагол *символизировать* в значении, например, ‘превращать в символы, записывать с помощью символов – в языке программистов, компьютерной сфере’ или ‘записывать информацию при помощи символов (букв, цифр, условных знаков как носителей информации)’ еще не получил фиксации в толковых словарях русского языка.

Ввиду того, что глаголы *символизировать* имеют разные источники заимствования, разные области функционирования, видится оправданным решение вопроса их лексикографической фиксации как омонимов.

Глагол *капитализировать* известен еще с XIX века, зафиксирован в словаре А.Д. Михельсона 1866 года в значении ‘Обратить в капитал’ [Михельсон 1866]. Слово пришло из французского языка (*capitaliser*). Это значение дошло до наших дней, слово сохранило финансовую спецификацию, приобрело новые значения как в русском языке, так и в языке-источнике. В контексте: «*Можно/нужно ли капитализировать букву в названии модели чего бы то ни было, если остальной текст вокруг названия модели набран капсом?*» (интернет) – глагол не имеет ничего общего со сферой экономики и финансов. Из контекста можно вывести дефиницию ‘нажатием клавиш превращать букву, символ из строчной в прописную’. В русском языке нет похожих на это значение сем у первого глагола *капитализировать*. Обращаясь к иностранным источникам, находим значение в OED на глагол *capitalize* ‘to write or print a letter of the alphabet as a capital; to begin a word with a capital letter’ (писать или печатать заглавную букву алфавита; начинать слово с заглавной буквы) [OED: *capitalize*]. В данном случае наблюдается явное новое заимствование, которое пока не зафиксировано в толковых словарях русского языка. В результате углубленного анализа можно прийти к выводу, что омонимия очевидна, т. к.

глаголы заимствованы из разных языков, в разные исторические периоды.

Несмотря на то, что еще в середине XX века компьютерные технологии появились в СССР, это была узкоспециальная терминология, которая находила лишь редкое отражение в специализированных словарях или словарях новых слов, однако широкому кругу пользователей она была непонятна. Компьютерная лексика, широко распространившаяся по всему миру и являющаяся приметой цифрового века, – это интернационализмы, которые в русском языке составляют как профессиональный язык, так и язык «цифрового» общения широкого круга непрофессионалов. Функционируя как в профессиональной речевой среде, так и более широких сферах (разговорной речи, художественной литературе, публицистике), заимствованная компьютерная лексика осваивается русским языком, в частности, встраиваясь в существующую лексико-семантическую и грамматическую систему, в соответствии с языковой идентичностью носителей русского языка.

При этом очень важно внимательно относиться к новым словам в русском языке и давать взвешенную оценку источнику происхождения и связям с уже существующими в языке лексическими единицами. На примере рассмотренных глаголов очевидны значительные упущения в лексикографическом описании заимствований и очевидно, что каждый случай требует индивидуального подхода. При разработке лексикографического описания таких слов необходимо учитывать сферу функционирования нового слова/значения, временной период появления слова/значения, сопоставлять новое значение с уже имеющимися у рассматриваемого слова в русском языке. В целом, механизмы развития семантики сходны в русском и английском языках, поэтому есть смысл сравнивать семантические схемы слов в обоих языках, что может помочь найти ответы на лексикографические вопросы полисемии-омонимии.

Литература

Большой академический словарь русского языка. Т. 25. СПб.: Наука, 2019. – БАС.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. – БТС 2000.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. URL: <http://www.gramota.ru/> – БТС 2022.

Гончарова Н.Н. Некоторые аспекты явления заимствования в терминологии информационных технологий // Исследовательский журнал русского языка и литературы, Т. 6, № 2 (12). Тегеран, 2018. С. 87–110.

Маринова Е.В. Обновление лексической системы современного русского языка как результат вторичного заимствования // OPERA SLAVICA, XVIII. № 4. 2008. С. 32–39.

Крысин Л.П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре // Русский язык сегодня: сборник статей. Вып. 3. М., 2004. С. 143–148.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006.

30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык / Сост. А.Д. Михельсон. М., 1866. – Михельсон.

Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. М.: Гос. издат. иностр. и нац. слов. 1949. – СИС-1949. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> – OED.

Belyaeva E.A. Computer verbs in modern Russian: ways of occurrence and reflection in dictionaries

This article is devoted to the issue of computer vocabulary in modern Russian, which is an integral part of «digital» communication. Words in this sphere are not perceived by Russian native speakers as terminological. The lexicographic description of computer vocabulary is not complete enough. Basically, the descriptive database of explanatory dictionaries includes nouns and rarely verbs with explicit terminological affiliation. The origin of computer words is diverse,

often they are borrowings (full, partial, semantic, calque etc.). In this paper the concept of secondary borrowing is examined. There is a number of studies showing that there is a process in the Russian language when a new word-form appears and this word already exists, but has a new meaning, and that this process is not the result of semantic derivation within the Russian language. Using the example of computer verbs, new words and new meanings in Russian are analyzed and they are compared with English word-sources; and the lexicographic fixation of these words in explanatory dictionaries of the Russian language is also described.

Keywords: computer words, digital words, digital verbs, borrowings, second borrowings, lexicography.

Буренков Владислав Андреевич

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Национальная идентичность, отраженная в словах ирландского и южноафриканского английского языка

Целью данного исследования является определение слов, выражающих национальную идентичность в ирландском и южноафриканском вариантах английского языка, актуальность работы заключается в экстралингвистических, текущих политических и лингвистических факторах, которые влияют на характеристику выражения национальной идентичности в лексике указанных вариантов английского языка. В результате исследования выявлены сложившиеся способы отражения национальной идентичности в Республике Ирландия и ЮАР.

Ключевые слова: ирландский вариант английского языка; южноафриканский вариант английского языка; ЮАА; СМИ; национальная идентичность; лексикография; язык.

Национальная идентичность является критически важным фактором осознания себя абстрактным лицом проживающего на определённой территории как единицы, являющейся не просто условной единицей в статистике переписи населения, а принадлежащей к народу и культуре имеющей богатую историческими артефактами историю, уверенное положение в сфере политики и твердую почву в виде национального языка, чьей красотой и уникальностью можно гордиться. Данный феномен ярко отражается в вариантах английского языка на территории государств, где исторически на протяжении столетий в состоянии употребления находился язык местных поселений и коренных людей.

Актуальность данного исследования опирается по большей части на экстралингвистические факторы, происходящие в течение XX века и влияющие на лексикографическую и лингвистическую ситуацию республик ЮАР и Ирландия в целом

и благодаря чему, представляется возможным определить, как слова ирландского и южноафриканского английского выражают национальную идентичность проживающих в этих республиках.

Исторически обе ныне признанные республики Южная Африка и Ирландия ощутили на себе существенное влияние колониальной политики Королевства Англия и позже Великобритании. Данное явление уже было объяснено с точки зрения истории, когда ирландцы формировали подразделения Ирландской Республиканской армии с целью отстаивать независимость страны, и позже общественные деятели боролись с политикой апартеида в ЮАР [Логинова: 2010].

Однако, кроме этого очевидно влияние английского языка на территории, некогда взятые под контроль англичанами. Так, существование вариантов английского языка опирается не только на факт функционирования такового как международного средства общения, но и на привнесенные коренными народами особенностями, что в течение времени зафиксировались и стали переносить некоторые культурные реалии на навязанный гостями язык.

Национальная идентичность во многом опирается на язык и его активное употребление, так в ситуации Ирландской республики сложилась ситуация, в которой большая часть населения страны находится на юге острова. Если охватывать всю территорию такового, можно установить, что Северная Ирландия практически не имеет населения способного изъясняться на Ирландском языке, а численность носителей стремится к нулю.

Несмотря на это, Ирландскую идентичность можно проследить в словах, которые можно обнаружить в ирландском варианте английского языка: *Tánaiste* – заместитель премьер-министра, *Dáil Eireann* – нижняя палата парламента Республики Ирландия, *Teachta Dála (TD)* – член нижней палаты ирландского парламента, *Taoiseach* – глава правительства Ирландии (ориг. ‘вождь’).

Приведенные выражения в первую очередь называют политические структуры и должности, однако находятся в состоянии широкого употребления и не заменяются аналогичными выражениями из стандартного английского языка. Такой феномен является безусловным проявлением национальной идентичности через слова ирландского языка, которые устойчиво отражены в ирландском варианте английского языка.

Данное явление можно проследить в сводке политических новостей Республики Ирландия:

1. *'Speaking in **Dáil Éireann**, Deputy Moynihan also asked the Minister for Foreign Affairs if the Cork Passport Office is set up for the printing of passports'*.

2. *'**Tánaiste** and Minister for Enterprise Trade and Employment Leo Varadkar said...'*

3. *'As **Teachta Dála** we have a responsibility in this regard and the good work being done in difficult circumstances needs to be recognised'*.

4. *'After the segment, they bumped into **Taoiseach** Micheal Martin, who sat with them for a coffee and a chat about Dillon'*.

5. *'The **Oireachtas** has recognised the special position of those obliged to defend themselves or their property from unlawful attack, particularly in their home'*.

6. *'They brought judicial review proceedings in the High Court against the DPP, the Minister for Justice, the Attorney General, Ireland **Dail Éireann**, while **Seanad Éireann** is also a respondent in the Hutch case'*.

7. *'**Fianna Fail TD** James Browne has been working on the new legislation for two years'*.

8. *'Speaking from the **Fine Gael** Ard Fheis in Athlone, she said: «Investigations are still ongoing. It was a really unusual and a really tragic incident»'*.

В случае языковой ситуации Южной Африки ситуация складывается несколько иначе: южноафриканский английский язык (далее ЮАА) не является первым по количеству носителей

и употребления [Девель 2020: 223]. Несмотря на это, ЮАА широко используется в межэтническом общении, средствах массовой информации и для коммуникации южноафриканцев с внешним миром [Девель 2021: 137]. Кроме этого на территории ЮАР 11 официальных и 7 не официальных языков, а самый распространенный – язык зулу.

Однако, африкаанс в сравнении с другими языками Южной Африки распространен шире всего с точки зрения охваченных территорий. Необходимо указать, что африкаанс оказал наибольшее влияние на ЮАА, что объясняется ходом завоевания территорий Южной Африки англичанами, кроме этого данная категория заимствований наиболее широко изучена и зафиксирована лингвистами [Sylva 1997: 1].

Кроме этого, многообразие заимствованной лексики, называемой африкандеризмами, опирается на проходившую на территории Южной Африки политику апартеида и попыток преподавать местные языки в школах. Вместе с достаточно низким уровнем образования в ЮАР и острой необходимости английского языка происходит массовое заимствование лексики, что, вместе с тем, несет в себе некоторую информацию о национальной идентичности проживающих на территории государства граждан [Антипова 2020: 131].

Здесь, как и в случае Республики Ирландия следует упомянуть, что рутинные обращения к языку в незначительных вещах, как например, названия улиц, населенных пунктов, заведений или даже номерные знаки на транспортных средствах, содержащие обозначения на определенном языке способны влиять на мировосприятие человека, закладывая в последнего идеи о национальной идентичности [McNucholl].

Так, ЮАА заимствует большое количество лексики и словосочетаний как из всех этнических языков Южной Африки, как правило, наименования предметов быта, растений, животных: *bongolo* – ‘осёл’, *mutsha* – ‘часть мужской традиционной одежды’, *rooibaadjie* – ‘личинка бурой саранчи’, так и гибридных выражений, появившиеся при слиянии английского и местного

языка: *amajoni* ‘английский солдат’, *boykie* – ‘вундеркинд’ [Лукашова 2021: 30–32].

Актуальное употребление заимствованной лексики, отражающей национальную идентичность людей Южной Африки можно рассмотреть на газетном материале местных СМИ:

1. *‘He also has a show called «Carl Weber Live» on DStv and a one man show called «Bloem **Boykie** Diaries»’.*

2. *‘Limpopo man remanded in custody for raping 92-year-old wheelchair-bound **gogo**’ (gogo – ‘ясновидящая’).*

3. *‘Proper use for **bonsella** money’ is to use it to reduce debt, reduce home loan interest...’ (bonsella – ‘денежный бонус, премия’)*

4. *‘Wiseman Mafonqo and Richard **Rooibaadjie**, who work at the Barkly Road hiking spot, said that they believed...’ (rooibaadjie – ‘личинка саранчи’, в данном случае фамилия).*

5. *‘Here, there is slaughtering of cows & sheep to welcome the **Makoti** (bride)’.*

6. *‘...the development site was a ceremonial site of the ancient San, Gham and **Boesman** people’.*

7. *‘At the time of their break-up, Khune was rumoured to have paid a hefty sum in **lobola** for her’.*

8. *‘...its deliberate exclusion of women from our screens for an awfully long time, with impunity, **nogal**’.*

9. *‘The song provided the name for the **Mbube** style of **isicathamiya** a capella music’.*

10. *‘It’s important to realise that some people know **‘boggerall’**’.*

Наглядный пример употребления заимствованных слов выражает национальную идентичность народов ЮАР при этом говоря на одном языке, вкладывая в общее средство общения между этносами. В первую очередь культурный след выражается при помощи повседневных слов, что рознится от случая в Ирландии.

Завершая исследование, подходим к выводам:

Национальная идентичность – многогранное явление, связанное с политикой, лингвистикой, психологией и историей. Данное исследование фокусируется на проявлении национальной идентичности в словах вариантов английского языка, но не может игнорировать сопряженные с данным понятием разделы других наук.

Языковая диверсификация выражает то, как себя представляют и позиционируют люди определенной культуры или государства, накладывая собственное наследие на пришедший извне язык международного общения. В случае Ирландской Республики данное явление ярче всего заметно в области политической жизни, где аналоговые устоявшиеся выражения, закрепившиеся в Англии – отброшены, а на их место пришли термины из местного (ирландского языка).

На материале газетных публикаций ЮАР, можно сделать вывод о ином характере выражения национальной идентичности. ЮАА был обогащен в первую очередь лексикой, называющей предметы быта, растения, животных, религию и в целом того, что окружает человека Южной Африки.

Что не менее важно, активное, не прекращающееся развитие языка, политики и человека в целом оставляет для нас дальнейшую почву для изучения данного вопроса, так как языковая ситуация может измениться, как и характеристика передачи национальной идентичности.

Литература

Антипова А.О., Сидорова Л.А. Английский язык в Южной Африке // Вопросы переводоведения, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы: сборник научных статей, Чебоксары, 29–30 апреля 2020 года / Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2020. С. 169–173.

Логинова Е.В., Лапина Л.В., Круглова Е.И. Апартеид: урок для человечества // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы первой международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 20 мая 2010 года / Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева. Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2010. С. 184–186.

Лукашова И.В. Заимствования в английском языке Южной Африки // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции, Донецк, 26–28 октября 2021 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 4. Часть 1. Донецк: Донецкий национальный университет, 2021. С. 29–32.

Девель Л.А. Лексикография южноафриканского варианта английского языка как важное направление современной лексикографии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Вып. 13, № 11. 2020. С. 222–226.

Девель Л.А. Английский Южно-Африканской Республики (ЮАР), Русский Мир и словари с парой английский-русский // Современное педагогическое образование. № 1. 2021. С. 135–139.

Africanderisms: A Glossary of South African Colloquial Words and Phrases and of Place and Other Names. Longmans, Green and Company, 1913. 579 p.

Branford J. A Dictionary of South African English. Goodwood: Oxford University Press South Africa, 4th rev.ed., 1992. 444 p.

McNicholl K., Stevenson C., Garry J. How the “Northern Irish” National Identity Is Understood and Used by Young People and Politicians. *Political Psychology*, 40. 2019. P. 487–505.

Oxford South African Pocket Dictionary. Goodwood: Oxford University Press South Africa, 4th ed, 2015. 1128 p.

Silva Penny South African English: Oppressor or Liberator? // The Major Varieties of English, Papers from MAVEN 97, Vaxjo, 20–22 November 1997.

Burenkov V.A. National identity reflected in Irish and South African English words

The aim of this study is to identify words expressing national identity in Irish and South African variants of English. The relevance of the work lies in the extralinguistic, current political and linguistic factors that influence the characteristics of national identity expression in the vocabulary of the above English variants. As a result of the study, the established ways of reflecting national identity in the English language of the Republic of Ireland and South Africa have been identified.

Keywords: language; media; national identity; lexicography; Irish variant of English; South African variant of English.

Ду Сянь

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
Институт русского языка и словесности

О междометиях в русских диалектах

Междометия представляют собой лексико-грамматический класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств и ощущений человека. В русской диалектной речи междометия широко используются для выражения многообразия эмоций и чувств. В народной речи междометия приобретают фонетические варианты и используются в составе междометных комплексов.

Ключевые слова: междометие, диалектная речь, фонетический вариант, междометный комплекс.

Междометия в русском языке – «это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [Русская грамматика: 732]. Они встречаются во всех сферах функционирования языка, включая диалектную речь. Для носителя языка часто бывает необходимо выразить свои эмоции, для чего эффективным и экономным средством выступают междометия. Эти единицы призваны выразить психическое состояние говорящего [Атека: 103].

Наиболее распространенными в русском языке являются примарные (первичные) междометия с простой фонетической структурой: гласный звук + согласный [й] и [х] (реже [ф] и другие звуки). В русских диалектах для повышения эмоциональной выразительности речи используются примарные междометия с усложненной фонетической структурой, а также междометные комплексы.

Помимо междометия *ой*, которое ‘выражает чувства боли, испуга, недоумения, радости, сомнения и т. п.’ [СРНГ 23: 103], в диалектной речи отмечены также сложные единицы *ой-ё* ‘выражает удивление; поддразнивание в шутливом разговоре’, *ой-ей-еюшки* ‘выражает удивление’, *ой-ёченьки* ‘выражает испуг’, *ой-ой-оченьки* ‘выражает удивление’, *ой-ой-ошеньки* ‘восклицание от боли’, *ой-этта* ‘выражает удивление’, *ой-бай*, *ой-пурмой* ‘выражает чувство боли, испуга, недоумения, радости и т. п.’, *ой-оно-то* ‘выражает чувство боли, недовольства трудными обстоятельствами, тяжелой жизнью’ и др. [СРНГ 23: 103–104]. Некоторые из них возникли в результате характерной для фольклора рифмовки: *Ой-ой-ошеньки! Болят боченьки; бока болят, а лежать не велят* [Пословицы: 667].

Междометие *ай* в русском языке используется для выражения боли, испуга, упрёка, насмешки. Оно часто встречается в виде повтора: *ай-ай-ай* [БТС: 31]. В диалектах междометие фиксируется как *айя* и используется для выражения удивления [СРНГ 1: 225]. В диалектной речи оно имеет другую семантику: используется как восклицание, выражающее отказ (что-либо делать), пренебрежение к какому-либо предложению; нет. – *Сходил бы за грибами. – Ай, не пойду. – Хочешь, пойдём гулять? – Ай, не хочу.* В этом значении междометие *ай* зафиксировано в Псковской и Смоленской губерниях. Известный русский фольклорист, преподаватель Псковский духовной семинарии Иван Константинович Копаневич отметил это междометие в своем собрании областных слов Псковского уезда и губернии, хранящемся в рукописном отделе Библиотеки РАН [СРНГ 1: 139; Лиценко: 182–199]. Исходя из дефиниции в словаре, в данном случае можно говорить, что происходит переход междометия в частицу.

Для выражения удивления используется фонетически осложнённое междометие *ай-та*. Оно встречается в различных районах Псковской губернии [СРНГ 1: 225]. На Урале и Дону отмечено подзывное императивное междометие *ай-ты* ‘иди-ка сюда’ [Там же], представляющее собой междометно-

местоименный комплекс, который, однако, используется с существенно преобразованной семантикой. Обычно местоимение *ты* в составе междометно-местоименного комплекса служит для усиления выражения эмоции, чувства, ощущения [Ду: 113]. Возможно, в этом комплексе мы имеем дело не с местоимением *ты*, а с фонетическим вариантом постпозитивной морфемы *то*, как и в предыдущей единице.

В русской диалектной речи встречаются и другие междометия, не отмеченные в литературном языке. Антонимичными междометиями, зафиксированными Владимиром Ивановичем Далем в своем словаре, а также юристом и этнографом-любителем Павлом Андреевичем Мулловым (1832–1893) в рукописи, которая также хранится в рукописном отделе Библиотеки РАН, являются *авава* и *акика*. Они используются диалектоносителями на Камчатке и в Восточной Сибири для отражения температурных ощущений: *авава* «аяй, холодно, студено, морозно»; *акика* «ой жарко, горячо, ожегся». Второе междометие используется также как окрик кучера или верхового ездока: «прочь, сторонись, ожгу!» [Даль: 2, 8]. В последнем случае обнаруживается перенос ощущения ожога от огня или горячего предмета на жгучую боль, жжение в результате удара, ср.: *ожечь* ‘вызвать ощущения жгучей боли, жжения; ударить, хлестнуть, причиняя такую боль’ [БТС: 704]. Синонимичное междометие *прочь*, включённое В.И. Далем в дефиницию, выражает требование уйти, отодвинуться, убрать и т.п. [БТС: 1038].

Фонетическим вариантом первого температурного междометия является единица с усиленным произношением звука [в]: *аввава*. В 1930-е годы в селе Павловском Барнаульского округа Е.П. Молчанова записала такой контекст: *Аввава, – заколел (говорят, войдя в избу в сильный мороз, постукивая средними суставами пальцев друг о друга и дуя в них)* [СРНГ 1: 196].

Побудительным является диалектное междометие *алё*, которое соответствует императивам *иди, пойдём*; оно широко

распространенно в народных говорах, отмечено от Владимирской области до Красноярского края, от Тулы до Северной Двины [СРНГ 1: 233]. В контексте оно может переходить в сказуемое: *Взял шапку и алё!* [Там же].

В новгородских и смоленских говорах встречается междометие *авой*, выражающее изумление, негодование и т. п. [СРНГ 1: 198]. Русский этнограф и фольклорист Владимир Николаевич Добровольский (1856–1920) включил его в свой словарь со следующим контекстом: *Авой, моя мамынька* [Добровольский: 4]. С редупликацией последнего слога междометие *авой-вой* выражает изумление, испуг и т. п., оно отмечено в новгородских, тверских, олонечских говорах [СРНГ 1: 198]. В междометии *авой-воюшки* используется суффикс *-ушк-*, который придает деривату уменьшительно-ласкательный оттенок значения (см.: [Ду: 71]).

Междометия используются в народной культуре во время обрядов. В.Н. Добровольский отмечает в своем словаре междометие *авле*: «Радостное восклицание во время обряда кумления». Дается пространный комментарий по его употреблению: *Во время наполнения духовских песен и обрядов крестьянские девушки в Орловской губернии меняются серьгами, крестами и образами, целуются через венок, сплетенный из березок, воспевают «кукушку» и сами в песне перекликаются, как кукушки: Авле! кукушка ряба!.. Авле! да кому ж ты кума?* [Добровольский: 3–4]. Думается, что данная единица является припевкой, используемой в народной песне и только примыкающей к междометиям, поскольку она не выражает чувств, ощущений, душевных состояний человека и его эмоциональных реакций на происходящее. Ср. описание слова *люли* в словаре: употребляется в припевах русских народных песен [БТС: 510].

В СРНГ приведено междометие *адяк*, с помощью которого выражается удовлетворение или неудовольствие чем-либо [СРНГ 1: 209]. Оно способно в контекстах употребляется в качестве сказуемого: *Когда результат какого-нибудь дела получился*

хороший, то говорят «адяк» повышенным веселым голосом и коротко, и, наоборот, когда результат дела получился плохой, то тоже говорят «адяк», но пониженным печальным голосом и несколько протяжно, напр., над моим посевом несется сильная туча с градом; ну, думаю, теперь адяк, останусь без хлеба; глядь, град пошел в другую сторону, а на мой посев пролил только сильный дождь, ну и адяк! Хлеб вышел на славу [Там же]. В диалектной речи отражен редкий случай, когда на семантику междометия влияет его интонационное оформление.

Негодование, отрицание выражается с помощью междометия *аёв*: *А-ёв, нявууж буду делать!* [Добровольский: 5, 9, 209]. В СРНГ отмечено не очень ясное второе значение этого слова: «вот, ай». С помощью суффикса *-очк-* образуется междометие с ласкательным оттенком значения *аёвочка* [СРНГ 1: 209]. В смоленских говорах встречается междометие *азаська*, используемое для отказа в просьбе с императивным оттенком значения: *иди прочь, не дам* [Добровольский: 6].

Литературное междометие *ах* ‘выражает испуг, внезапное удивление, восхищение, сожаление, возмущение и т.п.’ [БТС: 52] представлено в народной речи осложнёнными дериватами: *ахма, ахмак, ахмах, ахте, ахти, ахти-хти, ахьян: Ахти-хти, как нам замуж-то идти* [СРНГ 1: 297–298]. В песне оно может приобретать вид *ахи*, вероятно, для соблюдения ритма: *Ахи, матушка, баран, государыня, баран* [Добровольский: 17].

С начальным *у* в литературном языке используются только междометия *ух* и *уф*, которые выражают некоторое удивление, восхищение перед необычностью, величиной, силой и т.п. чего-либо [БТС: 1408]. Народная речь богаче количеством междометных единиц с этой инициальной: *ужо-те* – «пождидите» (императивный оттенок значения) [СРНГ 47: 5], *ужотто*, ‘выражает угрозу, обещание доставить неприятности’: *Я вас ужотто!* [СРНГ 47: 6], *узю* – ‘слово, выражающее недоверие’ [СРНГ 47: 31], *уй* – ‘1. Выражает чувство испуга. 2. Выражает чувство удивления, восхищения, радости’: *Она [дочь] така, уй, боева!* [СРНГ 47: 41]. В СРНГ не определено значение

междометия *узо*. Судя по контексту и параллельному употреблению междометия *ой*, оно выражает сожаление, печаль, предупреждение о возможных трудностях: *Узо, свет ты чадо милое, Уж куда ты собираешься? Узо тебе-то, чадо милой, Ой, ой, ой, Не ложить бы буйну голову, Ой, ой, ой!* [СРНГ 47: 31].

Итак, в русских диалектах встречаются как примарные междометия, так и фонетически и морфемно преобразованные единицы и междометные комплексы. Они отражают широкий спектр чувств и внутренних переживаний человека, некоторые из них обладают императивной функцией, способны в тексте становиться сказуемым. Изучение образования и функционирования междометий в русских народных говорах перспективно для определения творческой энергии языка, психолингвистических особенностей народно-поэтической речи.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. – БТС.

Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.: [в 2 т.] / авт.-сост. В.И. Даль. 2-е изд. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольф, 1879. 685 с. – Пословицы.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: ГИИНС, 1955. 700 с. – Даль.

Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1914. 1022 с.

Ду Сянь. Междометные комплексы в русской народной речи // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2021 / отв. ред. О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 67–73.

Ду Сянь. О междометных комплексах в художественном тексте (*Ух ты* в текстах XVIII–XXI веков) // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2021. № 2–3. С. 109–114.

Лиценко Н.Ф. Собрание фольклора в Псковском крае (к проблеме становления региональной фольклористики): Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 314 с.

Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 784 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1 / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.; Л.: Наука, 1965. 222 с. – СРНГ 1.

Словарь русских народных говоров. Вып. 23 / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. Л.: Наука, 1987. 375 с. – СРНГ 23.

Словарь русских народных говоров. Вып. 47 / Гл. ред. С.А. Мызников, ред. О.Д. Кузнецова. СПб.: Наука, 2014. 354 с. – СРНГ 47.

Ameka F. Interjections: The Universal yet Neglected Part of Speech // *Journal of Pragmatics*. 1992. № 18. P. 101–118.

Du Xian About interjections in Russian dialects

Interjections are a lexico-grammatical class of unchangeable words that serve for the undifferentiated expression of human feelings and sensations. In Russian dialect speech, interjections are widely used to express a variety of emotions and feelings. In folk speech, interjections acquire phonetic variants and are used as part of interjection complexes.

Keywords: interjection, dialect speech, phonetic variant, interjection complex.

Жулева Мария Игоревна

Оренбургский государственный педагогический университет

**Отражение самобытности казачества в словарях
В.И. Даля и Б.А. Моисеева**

На материале «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и «Оренбургского областного словаря» Б.А. Моисеева в статье определяются особенности казачьей лексики, зафиксированной в словарях. Подобное сопоставление представляется актуальным, поскольку В.И. Даль в течение восьми лет собирал материалы для своего словаря на территории Оренбургской губернии. Как показала сплошная выборка соответствующих лексем из указанных словарей, в них, с одной стороны, имеется группа слов без каких-либо изменений лексического значения, а с другой – в «Оренбургском областном словаре» Б.А. Моисеева, имеются единицы, которых или нет в словаре В.И. Даля, или они зафиксированы в ином значении. Выявление особенностей казачьей лексики в определенной степени позволяет судить о ее динамике и особенностях на территории Оренбуржья.

Ключевые слова: диалектные слова, диалект, тематические группы, словарь, Оренбургская область, оренбургское казачество, казачья лексика, словарь В.И. Даля, «Оренбургский областной словарь» Б.А. Моисеева.

Оренбургские говоры характеризуются богатством и большим разнообразием. Масштабное переселение людей в Оренбургскую губернию привело к значительным изменениям языковой ситуации на данной территории: переселенцы из разных уголков России основали множество населенных пунктов и перенесли самые разнообразные русские говоры [Моисеев 2010: 13–14]. Этими процессами обусловлено наличие в словарном составе оренбургских говоров диалектных слов, распространенных в разных губерниях.

Исследования диалектологов подтвердили многие положения относительно языковой ситуации в Оренбургском крае, в свое время выдвинутые В.И. Далем [Бекасова 2022a]. Преподаватели Оренбургского госпединститута внесли неоценимый вклад в изучение оренбургских говоров, в том числе собрали и систематизировали богатый материал в рамках полевых работ со студентами. В.И. Даль положил начало исследованиям оренбургских говоров, а их системное изучение началось спустя столетие, в середине XX века. Следует упомянуть оренбургского краеведа и диалектолога Б.А. Моисеева, в 2010 году представившего вниманию читателей «Оренбургский областной словарь», где зафиксировано 5 698 слов и словосочетаний (переиздание – 2019 г., подробнее см.: [Бекасова 2022b: 241]). Данный словарь, в сопоставлении с лексическими единицами с пометой «оренбургское» в словаре В.И. Даля позволяет провести исследования изменений диалектной лексики на территории Оренбуржья [Бекасова 2016; Бекасова 2018].

Во время пребывания в Оренбурге у В.И. Даля возникла мысль о создании «сокровищницы меткого народного слова» (В.В. Виноградов). Как отмечает Б.А. Моисеев, языковой материал, накопленный в течение восьми лет кропотливой работы В.И. Даля на оренбургской земле, послужил основой для данного словаря [Моисеев 2010: 14]. На сегодняшний день одной из перспективных тем региональных исследований, находящихся в центре внимания местных ученых, является изучение оренбургского казачества, его культуры, быта, традиций и т.п. Однако первые серьезные попытки исследований казачества были предприняты намного раньше членом-корреспондентом РАН П.И. Рычковым.

История оренбургского казачьего войска, образованного в целях закрепления границ Российской империи в Заволжье и на Южном Урале, и расширения территорий на Восток, берет начало в середине XVIII века [Машин 1976: 4]. Уже спустя полтора столетия Оренбуржье по праву можно было назвать

одной из крупнейших казачьих областей страны. В результате многочисленных походов, оказавших существенное влияние на язык казачества, в их речь были привнесены как иноязычные заимствования, так и церковнославянские элементы [Бекасова 2017: 38; Бекасова 2022б: 16–37, 210–213, 228–237].

Как отмечает В.В. Колесов, лексика говоров постоянно претерпевает изменения, и в процессе развития часть слов выходит из употребления, устаревает [Колесов, Ивашко, Капорулина 1990: 183]. С целью выяснить, какие оренбургские казачьи слова из словаря Б.А. Моисеева сохранились в речи без изменений, а какие были указаны и в словаре В.И. Даля в ином значении, нами было проведено исследование на материале указанных словарей.

В ходе анализа оренбургскую казачью лексику, представленную в областном словаре Б.А. Моисеева, удалось разделить на 3 группы. В первую вошли слова, не претерпевшие существенных изменений ни в области лексического значения, ни в области звукового оформления: *амбар, арчак, батовать, бушмет (бушмет), заторочить, катаур, лава, ленчик, маяк, нагрудник, насека, подушка, симы (сима), тебеньки (тебенек), темляк, торочкины (торочить), чепрак (чапрак)* [Моисеев 2010; Даль 1989–1991]. Укажем на одну из особенностей оформления словарных статей, в которых приведены В.И. Далем перечисленные слова – в основном они даются без указания отношения к казачеству вообще, тем более оренбургскому.

Во вторую группу нами были отнесены диалектные слова, содержащиеся в словаре Б.А. Моисеева, но не отраженные В.И. Далем. Это такие слова, как *вольты, выводка, выстилаться, выстилка, джигитовка, джуламейка, китки, кремнёвка, линеец, лобовой, малолеток, махальный казак, нахвостник, огнёвщик, околодок, пахвички, повалиц, полчебеньки (вар. полтебеньки), пристороги (вар. приструги), путалище, размуничивать, расход, саква, седловка, стандарт, фронтальная лошадь* [Моисеев 2010]. Отметим, что указанные слова не употребляются оренбуржцами

в повседневной речи и являются незнакомыми для носителей языка, не имеющих отношения к казачьей среде.

Наибольший интерес для исследований представляют слова третьей группы, которые имеются в обоих словарях, но по-разному отражены в каждом из них, поэтому требуют подробного рассмотрения. В словаре В.И. Даля слово *выстилать* зафиксировано в таких значениях, как ‘одевать вещь’, ‘количество хлеба, расстилаемое ... для молотьбы’, ‘выстлань под скотину’ [Даль I: 317]. В словаре Б.А. Моисеева слово *выстилать* составитель связывает с казачеством, определяя его как ‘раскладывание казачьего обмундирования и снаряжения для проверки начальством’ [Моисеев 2010: 33]. Как можем увидеть, лексическое значение слова существенно различается: если В.И. Даль попытался собрать и достаточно подробно представить возможные варианты, то по словарю Б.А. Моисеева слово бытует только в среде казачества, в связи с чем у читателя возникают достаточно четкие представления о лексическом значении ранее незнакомого слова.

В «Оренбургском областном словаре» указано, что *багреньем* называли ‘зимний лов рыбы баграми на реке Урал’, которым занимались казаки [Моисеев 2010: 18]. В словаре В.И. Даля слово содержится в статье *багор*, и означает ‘лов красной рыбы на р. Урал’ [Даль I: 35]. Однако В.И. Даль дополняет данное значение, указывая, что *багрить* могут только служилые казаки [Бекасова 2017: 40-42].

Одно из четырех значений слова *карея*, указанных Б.А. Моисеевым, связано с оренбургским казачеством: ‘построение казаков, когда всадники встают полукругом’ [Моисеев 2010: 57]. В одном значении слово *каре*, *карея* или *карей* отметил В.И. Даль, отразив его как ‘военный строй войска квадратом, и фронтом или лицом на все четыре стороны полукругом’ [Даль II: 92]. Кроме того, им выделено отличие *кареи* и *колонны*: в отличие от сплошной колонны, *карея* является пустой в середине.

Отметим различие в толковании слова *кроки*. На первый взгляд, лексическое значение слова, предлагаемое составителями обоих словарей, окажется одинаковым, однако при более глубоком анализе можно заметить различия в семантике слова. В.И. Даль представляет обобщенное толкование, нежели Б.А. Моисеев, отмечая, что *кроки* – ‘наскоро наброшенный рисунок, очерк’ [Даль II: 197]. В свою очередь, в «Оренбургском областном словаре» автор предлагает рассматривать указанное слово с точки зрения его употребления в казачьей среде: *снимать кроки* означает ‘делать топографическую съемку’, суть которой состоит в изучении и описании местности [Моисеев 2010: 74]. Слово *кроки*, зафиксированное Б.А. Моисеевым, судя по иллюстративному материалу, имеет большое значение для казачьего войска, их снятие позволяет определить особенности местности: «*Меня всегда в разведку посылали: я могу кроки снимать*» [Моисеев 2010: 74].

Различия в семантике наблюдаются в слове *ополчение*: В.И. Даль фиксирует слово в форме *ополченье*, и пишет, что оно употребляется в значении войска, народной дружины, ‘собранной по чрезвычайному случаю’ [Даль II: 682]. В казачьей речи это слово находит употребление, но в ином, можно сказать, противоположном значении и объясняется Б.А. Моисеевым как ‘отставные казаки, которые отбыли положенный срок службы’ [Моисеев 2010: 116]. Отметим, что Б.А. Моисеев производил сбор полевых материалов в 50–70 гг. XX века от носителей языка, которые жили в первой половине XX века. Следовательно, в их речи еще сохраняются свойственные казачьей речи слова, отражающие реальный уклад казачьей жизни дореволюционного времени.

Слово *подтока* в словаре Б.А. Моисеева определено как ‘тупая сторона казачьего копья’ [Моисеев 2010: 131]. В.И. Даль, несмотря на сходство слов в написании, трактует это слово в ином значении, не связывает его с казачеством: *подток*, *подтекать* – ‘течь подо что-то’, быть подмоченным снизу [Даль III: 210].

В словаре Б.А. Моисеева слово *поле* имеет четыре лексических значения, причем только одно из них, относится к казачеству: ‘две стороны казачьего седла’ – относится к казачеству [Моисеев 2010: 134]. В словаре «Живого великорусского языка» указанному слову посвящена достаточно объемная, содержательная и очень подробная, словарная статья [Даль III: 267–268]. Однако ни одно из упоминаемых В.И. Далем значений не является по смыслу близким тому, которое отразил Б.А. Моисеев из области казачьей лексики.

Слово *сетка*, употребляющееся в повседневной речи, нашло отражение в обоих словарях, но в разном лексическом значении. По В.И. Далю – это ‘вещь или чертеж перекрестной решеткой, клетчатый’. Несколько иное толкование можно найти у Б.А. Моисеева, где делается акцент на слове в том лексическом значении, с которым оно бытовало в казачьей среде: ‘сетчатый мешок для сена в походе, который имел каждый казак, куда входило 5–8 кг сена’ [Моисеев 2010: 155]. Существенных различий в толковании слова не наблюдается: В.И. Даль дает более общее объяснение слова, в отличие от Б.А. Моисеева, не ограничиваясь казачьей тематикой.

Привычное слуху не только оренбуржца, но и любого россиянина, слово *стакан* в его бытовом понимании зафиксировано В.И. Далем, который подробно останавливается на перечислении материалов, из которых может быть изготовлено это изделие [Даль IV: 314]. Оказывается, что в казачьей речи это слово употребляется в ином значении и обозначает ‘узкое копыто лошади’, подходящей для строевой службы [Моисеев 2010: 161]. Отметим, что подобное название основано на идентичности, сходстве формы копыта с предметом домашней утвари. Более того, Б.А. Моисеев упоминает о существовании другой разновидности копыта – чашкой, т.е. широкого.

Разными предстают объяснения слова *теплушка* в словарях В.И. Даля и Б.А. Моисеева. В словаре XIX века отмечены две формы этого слова: *теплуха* и *теплушка*,

употреблявшиеся говорящими в значении теплого помещения ('избушки, комнатки, кухоньки, стряпной') [Даль IV: 399]. В «Оренбургском областном словаре» отражено лексическое значение слова, в котором оно распространено в казачьей среде: 'казачий мундир, входящий в состав военного обмундирования' [Моисеев 2010: 167].

Лексическое значение слова *трубач* согласно установкам в словаре В.И. Даля отражено более обобщенно, чем у Б.А. Моисеева [Даль IV: 436]. Если в первом источнике оно определено как 'играющий на трубе, музыкант', то в областном словаре дается сходное объяснение, но делается акцент на казачью среду – 'горнист, трубач в казачьем войске'.

Сравнение диалектной лексики, представленной в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и «Оренбургском областном словаре» Б.А. Моисеева, показало, что известный лексикограф отразил многообразие значений, которым обладает слово в русском языке – как в литературном, так и в народной речи. Б.А. Моисеев, словарь которого является диалектным, представил подробное описание и отметил специфику речи оренбургского казачества, уделив значительное внимание казачьей лексике, дал подробные объяснения, понятные читателям, совершенно не знакомым с казачьим бытом и службой.

Литература

Бекасова Е.Н. Об особенностях изменения лексики в оренбургских русских говорах // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромский край. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: КГУ, 2016. С. 50–55.

Бекасова Е.Н. Об особенностях семантического пространства русских диалектов (на материале Новгородского и Оренбургского областных словарей) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2017. № 3(11). С. 38–46.

Бекасова Е.Н. В.И. Даль: Лингвистические предвидения // Южного Федерального университета. Филологические науки. 2022а. Т. 26. № 3. С. 10–20.

Бекасова Е.Н. Языковое пространство Оренбуржья. Врпо: Tribun EU, 2022б. 254 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Репр. воспр. изд. 1955, 1889–1882. М.: Русский язык, 1989–1991.

Колесов В.В., Ивашко Л.А., Капорулина Л.В. Русская диалектология: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высшая школа, 1990. 207 с.

Машин М.Д. Из истории родного края. Оренбург, казачье войско. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд-во, 1976. 192 с.

Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. 5 698 слов и словосочетаний. Мин-во образования и науки Рос. Федерации, Оренб. гос. пед. ун-т. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 192 с.

Bekasova Elena N. Peculiarities of Linguistic Worldview Transformation on the Territory of Later Settling // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. WUT 2018 IX International Conference «Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects». Vol. XXXIX–WUT. 2018. P.: 548–553.

Zhuleva M.I. Reflection of the identity of the Cossacks in the dictionaries of V.I. Dahl and B.A. Moiseeva

In an article based on the material of the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, V.I. Dahl and «Orenburg Regional Dictionary» B.A. Moiseev, the features of the Cossack vocabulary, recorded in dictionaries, are determined. Such a comparison is relevant, since V.I. Dal collected materials for his dictionary for eight years on the territory of the Orenburg province. As shown by a continuous selection of the corresponding lexemes from these dictionaries, on the one hand, they have a group of words without any changes in lexical meaning, and on the other hand, in the «Orenburg Regional Dictionary» by B.A. Moiseev, there are units that

or not in the dictionary of V.I. Dahl, or they are fixed in a different meaning. The identification of the features of the Cossack vocabulary to a certain extent allows us to judge its dynamics and features on the territory of the Orenburg region.

Keywords: dialect words, dialect, thematic groups, dictionary, Orenburg region, Orenburg Cossacks, Cossack vocabulary, V.I. Dahl, «Orenburg Regional Dictionary» B.A. Moiseev.

Зверева Александра Юрьевна

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Медиакарта как инструмент объективации региональной идентичности

Статья посвящена изучению вербальной репрезентации брендированного образа локальной речевой культуры регионов Российской Федерации. Важнейшим материалом для анализа выступили регионально маркированные медиатексты, которые создают единое когнитивное представление «Вкусной карты России».

Актуальность исследования объясняется значимостью гастрономических образов в аспекте формирования региональной идентичности и имиджа географических точек в медиасреде. В данной статье представлены результаты, полученные в ходе сопоставительного анализа традиционных блюд как мировых гастрономических столиц, так и региональных, для поддержания региональных брендов (Вологодское масло, сокольская стуженка и др.).

Научная новизна данной работы связана с разработкой концепции медиатекста в формате культурной медиакарты, применением лингвокогнитивного подхода к изучаемым явлениям и необходимостью комплексного подхода к изучению понятия медиаобраза локальной речевой культуры. Результатом контент-анализа публикаций, которые напрямую связаны с медиапроектом «Вкусная карта России» являются следующие выводы автора. Медиакарта является особым содержательным и структурным типом медиатекста, который оформлен как сверхмедиатекст, обладающий нелинейностью, целостностью, сегментированностью, иерархичностью, открытостью, вариативностью. В медиасреде современного мира можно выделить особую группу медиакарт культурные, тематически ограниченные культурой отдельно взятого региона и чаще всего

обладающие лингвопрагматическими характеристиками travel-медиатекстов.

Как результат деятельности, стремящейся привлечь внимание к туристическим достопримечательностям региона, изменяется его когнитивное пространство-медиаобраз региона. В нем появляются ранее не свойственные региону дополнения-гастрономические бренды, отдельные черты региональной культуры, новые ценности и смыслы. В результате происходит редакция стереотипных представлений о регионе, повышается ценность гастрономического бренда.

Ключевые слова: массовая коммуникация; медиакарта; локальная речевая культура; гастрономический туризм; медиаобраз; бренд; гипертекст.

Рассуждая о важности текста массовой коммуникации или «медиатексте», можно сказать, что такие тексты отражают наиболее актуальные для общества идеи в определенный момент времени. Смысл этих медиатекстов часто бывает представлен в новых формах, изучаемых в медиалингвистике. В последние годы в медиалингвистических исследованиях выделяются различные структурные разновидности медиатекстов: гипермедиатекст, который рассматривается как совокупность медиатекстов в гипертекстовом пространстве [Дускаева 2018: 74–75], макромедиатекст или «состав текстов в одном номере, в выпуске теле- или радиопрограммы» [Дускаева 2018: 74–75], сверхмедиатекст, как объединение текстов на основе общности предмета или темы речи [Дускаева 2018: 75].

В данной статье речь пойдет о новом формате медиатекста, а именно о *медиакarte* и его гипертекстовой составляющей. В качестве материала для исследования мы обратимся к медиакартам, используемым в современной российской туристической индустрии. Благодаря структурированной подаче информации в данной сфере скапливаются значительные объемы сходных по форме описаний туристических объектов, достопримечательностей, туристических точек притяжения

различных регионов России, но при этом претендующих на полноту описания охватываемой территории.

В качестве теоретического осмысления рассматриваемого нами явления уместно обратиться к введенному Ю.Н. Драчевой термину «культурной медиакарты» как структурно-смыслового типа тематически ограниченного медиатекста, который организован по принципу географической карты и обладает теми свойствами гипертекста, которые обычно выделяют исследователи этого феномена [Драчева 2021]. К таким гипертекстовым свойствам исследователь Т.И. Рязанцева относит следующие: нелинейность, целостность, сегментированность, иерархичность, открытость, вариативность и др. [Рязанцева 2010]. Учитывая гипертекстовые свойства культурных медиакарт, исследователи определяют такой тип текста как «сверхмедиатекст» [Драчева 2021].

В культурологических и лингвистических исследованиях анализ подобных текстовых образований основан, в первую очередь, на применении различных методик когнитивной медиалингвистики, которые дают возможность описать в ходе контент-анализа способы представления в коллективном сознании образа объективной реальности в виде лингвокогнитивных моделей: медиаобраза, бренда, стереотипа и др. Под лингвокогнитивными моделями в нашей работе понимаются когнитивные образования, которые имеют ту или иную форму вербализации и соответственно могут быть исследованы с привлечением лингвистических методов. Внимание к содержательным и формально-структурным особенностям анализируемого материала подводит нас к понятиям региональной идентичности и культурного ландшафта.

Интерес в данной работе представляет описание процессов преобразования медиаобраза различных регионов Российской Федерации, которое происходит под влиянием брендинга территорий, без сомнений отраженного в развитии культурных медиакарт России, а также осуществляется при продвижении коммерческих и некоммерческих проектов в сфере туризма и в

связанных с ним сферах. В силу специфики внешнего выражения информации на различного рода картах местности мы обращаемся также к достижениям картографии. Это одна из первых наук об исследовании, моделировании и отображении пространственного расположения, сочетания и взаимосвязи объектов, явлений природы и общества. На стыке картографии и семиотики, лингвистической науки, изучающей свойства знаков и знаковых систем, сформировался особый раздел – картографическая семиотика, в контексте которой разрабатывается общая теория систем картографических знаков, как языка карты. Знаки на карте – это зрительное представление объектов, процессов, явлений и их местоположений, различных характеристик. В частности, объектом нашего внимания становятся гастрономические карты, в свернутом виде отражающие особенности национальной и региональной кухни.

В каждой стране свои оригинальные кулинарные традиции. По большей части региональные блюда базируются на местных ингредиентах и специях, а рецепты их приготовления бережно хранятся и передаются из поколения в поколение. Гастрономический туризм – это особый вид туризма, основная цель которого знакомство с той или иной страной через призму национальной гастрономии. Для гастрономического туриста еда – в первую очередь категория культуры. Сегодня именно гастрономический туризм стал одной из самых быстроразвивающихся инновационных сфер путешествий. Появление гастрономических медиакарт способствовало активизации различных форм гастрономического туризма. Так, гастрономическая карта мира способна напомнить, что кухня Италии славится оливковым маслом, помидорами, моцареллой и базиликом (в туристическом контенте даже интерпретация цветом национального итальянского флага связана с национальной кухней: белый цвет-сыр, зеленый-базилик, а красный-томаты) [Итальянский флаг]. Прецедентные названия блюд в формате гастрономической карты создают образы различных национальных культур: это и французские сыры,

лягушачьи лапки и улитки, это российские первые блюда – уха, щи, солянка, ботвинья, рассольник, окрошка, свекольник – и многое другое.

Одним из удачных примеров систематизации сведений о российской кухне в туристическом дискурсе можно назвать проект Алексея Козловского «Вкусная карта России» 2013 года [Вкусная карта России]. Цель этого проекта – связать блюда традиционной народной кухни с различными регионами России, способствуя тем самым развитию регионального гастрономического туризма. Карта отображает данные примерно сорока регионов России. Гастрономическая карта в проекте Алексея Козловского представляет собой гипертекст открытого характера в форме медиакарты, в основе своей подразумевает смешанное: и административно-территориальное, и географическое – деление страны на территории, претендуя на отражение свойств комплексного культурного (в первую очередь – гастрономического) ландшафта России. В данном исследовании обращение к этой карте преимущественно будет связано с осмыслением процессов внешнего проявления феномена региональной идентичности жителей европейского Севера России: это Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область и Ненецкий автономный округ, Вологодская и Мурманская области. Продвижение гастрономического туризма с помощью исследуемой нами карты опирается на названия традиционных блюд северной европейской кухни.

Так, **Архангельскую область** на данной медиакарте представили *козули* – это вкусные расписные пряники, первоначально являвшиеся традиционным продуктом питания поморов, служившие для них главным атрибутом Рождества. В наши дни слово *козуля* хорошо известно также жителям Мурманской области и Урала, а сам пряник используется как детская игрушка, оберег от злых духов. Слово, по мнению исследователей, образовано от поморского локализма *козуля* ‘завиток, змейка’. Этим словом традиционно называется

расписной архангельский пряник со жженым сахаром, выпекаемый по старинным рецептам. Также архангельскую кухню представляют *ватрушки* (по мнению В.И. Даля, связанные с вотруха, означающим «начинка» [Даль]), *тетёрки* / *тетёры* (обрядовое северное печенье, приготовленное из скатанного в жгуты теста, выложенного в форме волн, петель, спиралей, решеток, кругов, растений, фигурок птиц, реже животных – название этого печенья связано с северным именованием птицы, самки тетерева [там же]), *кулебяки* (от глагола *кулебячить* ‘валять руками, сваливать, мять, гнуть и складывать, стряпать и лепить’ [там же]), напитки из северных ягод (в том числе и поморский *кёж* (изначально «кисель из ржаных высевок» [там же]) – горячий ягодный кисель), а также *рыбники* (знаменитый красный поморский рыбник, например, выкладывался таким образом, что внешне выглядел как красная рыба из лососевых). С рыбным промыслом жителей Архангельского края связана также поморская *уха*.

Кухня **Вологодской области** представлена на гастрономической карте как традиционными названиями кушаний (чагодощенские *серые щи* из квашеной капусты, *уха* из свежей рыбы в Устье-Кубенском, дареный белозерский *снеток* (рыба семейства корюшковых, ловимая в Белом озере и других, по названию которой и наименовали пирог, с рыбой [там же]), вытегорский *дежень* – блюдо из творога и толокна (ржаной пирог из простого, грубого хлебного теста и пастообразное холодное блюдо из смеси творога, молока, сливок и овсяного толокна [Похлебкин]) и др.) и выпечных изделий (обжариваемый на свином сале кичменгский *пряженик* (Лепешка, пирожок, обжаренные в масле [Даль]), приготовленные из пресного ржаного теста бабаевские *калитки* (пирожки, блюдо, приготавливаемое из пресного теста или даже из хлебного мякиша, без добавления каких-либо подъемных средств [там же]) и др.), так и более поздними названиями молочных продуктов (знаменитое *вологодское масло*, изготовление которого началось в конце XIX века стараниями Н.В. Верещагина, а также

сокольская *сгущёнка*). В туристическом дискурсе употребление блюд местной кухни достаточно часто связано с описанием проводимых в регионах новых народных праздников: так, северная ягода *морошка* стала царицей одноименного фестиваля, который каждое лето проходит в Тотьме, а *устьянская уха*, которая попала в книгу рекордов России, варится в огромной кастрюле емкостью в 2,5 тыс. л. на «Празднике лодки», который ежегодно проводится в Устье-Кубенском.

Кухня **Республики Коми**, представленная на гастрономической карте России, – это *шаньга* (карел. *sän'gi* 'урожай' [там же]), она стала первым блюдом из Республики Коми, официально нанесенным на «Вкусную карту России». Данное название перешло из языка коми, часто встречается в сказках и народном эпосе. Данное изделие в наши дни распространено и в Карелии. В толковом словаре В.И. Даля описывается как «хлебец квашенный, ржаной, ячный (житный), пшеничный, облитый маслом, сметаной; ватрушка с кашей, с мятым картофелем или с, посдобленная сверху сметаной» [там же]. Это также тушёная в молоке рыба (*йола чери*) и *морковная каша*.

В **Мурманской области** местные жители заняты ловлей рыбы и выращиванием оленей. Поэтому их кухню на гастрономической карте России представляют блюда из рыбы, оленины и ягод: *олений* бульон, салат *из морошки и рыбы*, *рыбные* пироги, супы и похлебки, сыроваренная *оленина*, квашеная *рыба* и ягоды в *оленьем жире*. Описание гастрономических свойств этих блюд в текстах туристической проблематики осуществляется в контексте рассказов о суровой природе Севера, традиционных промыслах северян, их верованиях, обычаях и праздниках.

Таким образом, концепция региональной гастрономической идентичности может представлять собой действенный инструмент продвижения региона на рынке не только въездного, но и внутреннего туризма. В некоторых регионах, особенно обладающих высоким уровнем исследования гастрономической

культуры и обладающих необходимыми ресурсами, может развиваться и гастрономический туризм – особая форма познавательного туризма, основная цель которого – знакомство туристов с гастрономической культурой данного региона. Следовательно, медиакарта становится в таких случаях маркетинговым инструментом, а блюда приобретают свойства региональных брендов. В структуре медиаобраза региона вербальное оформление брендированных блюд нацелено на создание региональной идентичности, неслучайно поэтому оно активно задействует потенциал локальной речевой культуры. Посвященные региональным блюдам медиатексты формируют сверхмедиатекст «Вкусная карта России», культурную медиакарту открытого типа, включение в состав которой новых компонентов (в данном случае – названий и описаний блюд местной кухни) легитимизирует в массовом сознании связь региона и гастрономического бренда. Соответственно внутри региона происходит процесс уточнения региональной идентичности, определения отношения региона к тому или иному гастрономическому бренду через СМИ. Наиболее ожидаемым результатом этого процесса видится принятие бренда как части региональной идентичности. Можно сделать вывод о том, что средства массовой коммуникации: в первую очередь, региональные и федеральные, отчасти и международные – создают медиаобраз вкусной России, богатой на разнообразные гастрономические бренды, актуализируя посредством брендирования блюд местной кухни смысловые, эмоциональные, ценностные и поведенческие составляющие феномена региональной идентичности.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. С. 136–137.

Вкусная карта России. URL: <https://www.kulina.ru/articles/79698/>.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal>.

Драчева Ю.Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы: дисс. ... докт. филол. наук. Архангельск: [б. и.], 2019. 545 с.

Драчева Ю.Н. Феномен культурной медиакарты России как способ конструирования региональной идентичности аудитории // MEDIAОбразование: медиавключенность vs медиаизоляция: материалы VI Международной научной конференции / под ред. А.А. Морозовой. Челябинск: ЧГУ, 2021. С. 34–39.

Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. Т. 9. 2010. № 3. С. 26–50.

Итальянский флаг. URL: <http://italy4.me/interesnoe-ob-italii/flag.html>.

Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / Л.В. Балахонская, А.А. Беловодская, А.В. Болотнов и др.; научный редактор Л.Р. Дускаева. М.: Флинта, 2018. 435 с.

Похлебкин В.В. Кулинарный словарь, 2002. URL: <https://sheba.spb.ru/za/pohliobkin-slovar-1988.htm>.

Редькина Т.Ю. Этические и культурно-речевые нормы в трэвел-медиаексте // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1. С. 150–160.

Рязанцева Т.И. Гипертекст и электронная коммуникация. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 256 с.

Zvereva A.Y. Media card as a tool for objectification of regional identity

The article is devoted to the study of the verbal representation of the branded image of the local speech culture of the regions of the Russian Federation. The most important material for the analysis were regionally labeled media texts, which create a single cognitive representation of the «Tasty Map of Russia».

The relevance of the study is explained by the significance of gastronomic images in the aspect of the formation of regional identity and the image of geographical points in the media environment. This article presents the results obtained during the comparative analysis of traditional dishes as the world's gastronomic capitals and regional ones, in order to maintain regional brands (Vologda butter, Sokolskaya condensed milk).

The scientific novelty of this work is connected with the development of the concept of a media text in the format of a cultural media card, a linguocognitive approach to the phenomena studied and the concept of a media image of local speech culture. The result of content analysis of publications that are directly related to the media project «Tasty Map of Russia» are the following conclusions of the author. A media frame is a meaningful and structural type of media text, which is designed as a super-media text with non-linearity, integrity, segmentation, hierarchy, openness, variability. In the media environment of the modern world, a special group of cultural media cards can be distinguished, thematically limited by the culture of a particular region and most often having linguopragmatic characteristics of travel media texts.

As a result of activities seeking to attract attention to the tourist attractions of the region, its cognitive space- the media image of the region – is changing. There are additions that were not previously characteristic of the region-gastronomic brands, individual features of regional culture, new values and meanings. As a result, there is a revision of stereotypical ideas about the region, the value of the gastronomic brand increases.

Keywords: mass communication; media map; local speech culture; gastronomic tourism; media image; brand; hypertext.

Кампаделли Розалия Аннарита

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Ассоциации как отражение концептуального представления о мире

Статья посвящена ассоциациям (объект исследования ассоциативной лингвистики и психолингвистики) между мыслительными образами, возникающими в уме человека и являющимися результатом процесса восприятия и осознания мира. Ассоциации к определенному концепту, отражающему составляющую действительности, образуются через призму родного языка и фиксируются в нем. Язык выполняет двойную функцию: в нем хранятся знания и представления человека о мире и в то же время он имеет важную роль в процессе осознания и понимания самого мира, культуры, с которой язык тесно связан. В статье описаны понятия языкового мышления, языковой ментальности и языкового сознания, которые являются компонентами, взаимодействующими в когнитивном процессе восприятия мира. Также представлены основные русскоязычные ассоциативные словари, играющие важную роль в контексте ассоциативных исследований; ассоциативный эксперимент, как способ выявления ассоциаций; типы ассоциаций и их разные классификации на примере ассоциаций к слову-стимулу *Италия*.

Ключевые слова: концепт, сознание, мышление, ассоциация, ассоциативный эксперимент, ментальные образы, Италия.

Знания и представления о мире возникают в психике человека и организуются в виде концептов, которые составляют систему ментальных образов [Богоявленская 2013: 8]. Концепты отражают действительность и ее составляющие, формируются через призму родного языка, а также фиксируются в языке. Концепты заключают в себе основные черты компонентов реальности, общепринятые представления о них, позволяющие их опознать, понять, интерпретировать. Совокупность всех

концептов представляет собой концептосферу [Там же: 8]. Один и тот же концепт, существующий в различных культурах, отличается, потому что зависит от языка, в котором он зафиксирован и через который он осознан человеком, от культуры, частью которой он является, от личного опыта индивида. Это объясняется тем, что концепты образуются в сознании человека через процесс сопоставления лексического значения слова с исходной формой языковой единицы, указывающей на концепт; создается смысловое ядро, которое приобретает также этнокультурные черты; семантическое значение обогащается также различными смысловыми коннотациями, на которые оказывают влияние такие аспекты, как культура, личный опыт говорящего, контекст употребления слова и др. [Тканчук 2007: 173].

Р.И. Павилёнис [1983], Н.Д. Арутюнова [1999], В.В. Карасик [2002], Дж. Лакофф [2004], В.И. Карасик [2010], Н.Н. Болдырев [2016] и др. внесли значительный вклад в изучение концептов.

Концепты отражают мышление говорящих на том или ином языке. Мышление является процессом восприятия мира человеком. Последний образует в своём сознании общее и опосредованное представление о действительности. Языковое мышление – это отображение и последующее разделение действительности как в языковой системе, так и с помощью языка. Языковая ментальность – это аспект языкового мышления, поскольку является способом представления действительности при помощи языка [Гудкова 2015: 35]. С языковой ментальностью связано понятие «ментального лексикона», под которым подразумевается ментальный словарь. Он состоит из информации не только о семантических и грамматических характеристиках языковых единиц, а также о том, как слова хранятся в человеческом сознании, активизируются, применяются в речи говорящими [Ментальный лексикон].

Сознание – это способность и само действие индивида воспроизводить окружающий мир в мышлении. Под «языковым

сознанием» подразумеваются «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определявшие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах данного языка» [Языковое сознание, онлайн]. В изучение языкового сознания большой вклад внесли такие авторы, как Б.Л. Уорф и Э. Сепир, создатели гипотезы лингвистической относительности; В. Гумбольдт, автор работ «О мышлении и речи», «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества»; Л. Вайсгербер, автор книги «Родной язык и формирование духа», и другие.

Ментальные образы, состоящие из концептов, взаимосвязаны друг с другом. Данная связь выражается через ассоциации, под которыми подразумевается «связь между отдельными представлениями, в силу которой одно представление вызывает другое (псих.)» [Ассоциация, онлайн]. Ассоциации являются объектом исследования ассоциативной лингвистики и психолингвистики. Первым лингвистическим исследованием ассоциаций является работа «A study of association in insanity» (1910) Х.Г. Кента и А. Дж. Розанова. Описанный в ней эксперимент стал основой первого словаря ассоциативных норм английского языка [Ассоциативный эксперимент, онлайн]. Большой вклад в лингвистическое изучение ассоциаций внес Дж. Диз, автор «The Structure of Associations in Language and Thought. Baltimore: The Johns Hopkins Press» (1965) [Ассоциативный эксперимент, онлайн]. Важную роль в контексте ассоциативных исследований имеют следующие русскоязычные словари: «Словарь ассоциативных норм русского языка» А.А. Леонтьева (1977); «Ассоциативный фразеологический словарь русского языка» Д.О. Добровольского, Ю.Н. Караулова (1994); «Русский ассоциативный тезаурус» (1997), который считается «словарем-первопроходцем» проведения ассоциативного эксперимента в отечественной психолингвистике [Борисова 2019: 267]; «Русский ассоциативный словарь» Г. Черкасовой, Ю.Н. Караулова, Н.В. Уфимцевой и др. (2002); «Русский сопоставительный ассоциативный словарь» Г.А. Черкасовой (2008);

«Ассоциативный словарь употребительной русской лексики» А.В. Рудаковой, И.А. Стернина (2011); «Учебный ассоциативный словарь русского языка» Е.Ф. Тарасова, В.В. Дронова, Е.С. Ощепковой (2017) и другие. Данный вид словарей позволяет ознакомиться не только с семантическим значением лексических единиц, но и с механизмом управления речевой деятельностью русскоговорящими. Это возможно благодаря тому, что в значении слов и ассоциаций с ними связанных проявляется связь между языковым знаком, его смыслом и языковой личностью.

Существует два типа ассоциаций: языковые (лингвистические) и экстралингвистические. Языковыми являются следующие ассоциации: синтагматические, парадигматические (субординация, суперординация, координация), фонетические. Тематические ассоциации относятся к экстралингвистическим [Ассоциативный эксперимент, онлайн]. Под «синтагматическими» ассоциациями подразумеваются реакции, грамматический класс которых отличается от грамматического класса слов-стимулов. В данном случае слово-стимул и реакция составляют словосочетание. Рассмотрение такого вида ассоциаций позволяет выявить клише, стереотипы, являющиеся традиционными в определенном обществе. О парадигматических ассоциациях, наоборот, можно говорить, когда слово-стимул и реакция относятся к одному и тому же грамматическому классу.

Выявление ассоциаций и их анализ возможны благодаря ассоциативному эксперименту (далее АЭ). Структура АЭ состоит из двух главных компонентов: слово-стимул и реакция на него, а именно слово или словосочетание, которое приходит первым на ум испытуемого без размышлений.

Рассмотрим ассоциации на примере концепта *Италия*.

В «Русском ассоциативном словаре» представлена следующая статистика по запросу «Италия»: всего реакций на стимул – 102, различных реакций на стимул – 55, одиночных реакций на стимул – 41, отказов – 1 [Италия, онлайн]. На основе классификации парадигматических ассоциаций Ю.А. Борисовой,

реакции на слово-стимул *Италия* могут быть сгруппированы по следующим критериям:

- смысловая противопоставленность, когда отношения между ассоциатами являются антонимическими (*страна чудес/сказочная страна – плохой предмет*);
- смысловая близость, когда отношения между ассоциатами являются синонимическими (*теплая – жаркая, красивая – прекрасная, сказочная страна – страна чудес – розовая страна*);
- предметные отношения части и целого (*Италия – Рим, Рим – Колизей*);
- родо-видовые, когда отношения между ассоциатами являются гиперо-гипонимическими (*страна – Италия, город – Венеция*).

В данном словаре отмечается преобладание имен существительных (45), из которых самым частотным является *страна* (21). Данное слово употребляется два раза в словосочетании с именами прилагательными *прекрасная* и *розовая* и один раз с именем существительным *чудо*, которые выражают положительное отношение к Италии. Реакции на слово-стимул *Италия*, выраженные именами прилагательными (6), связаны со средиземноморским климатом Италии и подчеркивают красоту страны.

В «Русском ассоциативном словаре» отсутствуют звуковые соответствия, а именно те ассоциаты, имеющие фонетическое сходство [Борисова 2019: 268].

На основе выделения Ю.А. Борисовой разных видов тематических ассоциаций, относящихся к категории парадигматических ассоциаций, можно также различить следующие ассоциации к концепту *Италия*:

- корреляция «объект – его местонахождение» (*Флоренция – Тоскана, кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре – Флоренция*);
- корреляция «объект – действие» (*карнавальные маски – маскироваться, Феррари – вождение*);

– корреляция «объект и его признак» (*Италия – античная, Болонский университет – старинный, пицца – вкусная*);

– корреляция «причина – следствие» (*пицца – сытость, лето – отдых*);

– корреляция «образ действия – объект» (*элегантно – одежда, шумно – итальянцы*);

– корреляция по общему признаку (*башня Палаццо Векьо – башня Азинелли, спагетти – фетучини*) [Борисова 2019: 268].

Согласно критериям образования ассоциаций, предложенным Ю.Н. Карауловым, ассоциации к концепту *Италия* могут также формироваться следующим образом:

– по сходству (*элегантность – изысканность, собор Санта-Мария-Ассунта в Сиене – Соборная базилика Санта-Мария-Ассунта в Орвието*);

– по контрасту (*море – горы, Средиземное море – Апеннины, северная – южная*);

– по смежности в пространстве или времени (*запах вкусной еды вызывает чувство голода, жаркая погода вызывает желание пойти на море*);

– причинно-следственные (*вкусная еда – сытость, жесты – выразительность*) [Ассоциация, Большой психологический словарь онлайн].

Выявление самых частотных ассоциаций позволяет определить уровень стереотипности реакций, представляющих фиксированную схему, которая повторяется и является общепринятой. Уровень стереотипности может быть определен также на основе «коэффициента разнообразия (Кр) ответов-реакций» Г.А. Мартиновича. Формула для определения данного уровня – « $Kp = B:A$ », где А – количество употребленных реакций, В – количество разных реакций [Мартинович 1997: 8]. Уровень стереотипности может быть определен также исходя из количества и вида стереотипных реакций среди испытуемых женского и мужского пола: гендерный критерий.

Таким образом, можно утверждать, что анализ ассоциаций в ходе АЭ позволяет раскрыть аспекты мышления говорящих на

определенном языке, которые являются традиционными для их культуры, и дает возможность выявить взаимоотношение между языковыми единицами на основе не только их лексического значения, но и личного восприятия и интерпретации индивида.

Литература

Ассоциативный эксперимент // CogLab Spb. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DMgHydPEwKU&t=24s> (дата обращения: 20.06.2022).

Ассоциация // Толковый словарь Ушакова. 2000–2022. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/741486> (дата обращения: 03.11.2022).

Богоявленская Ю.В. Проблема типологии концептов в современной лингвистике // Лингвокультурология. 2013. № 7. С. 6–16.

Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 1А. С. 265–275.

Гудкова Я.А. Антонимия в поэзии (на материале произведений Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» и А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и их поэтических переводов). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015. 128 с.

Италия // Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 20.06.2022).

Мартинович Г.А. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте. СПб., 1997.

Ментальный лексикон // Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило. 2000–2022. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/1984/%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BE%D0%BD (дата обращения: 02.11.2022).

Тканчук А.Н. Когнитивные аспекты вербализации лингвокультурологического концепта // Вестник Сибирского государственного университета им. академика М.Ф. Решетнева. 2007. № 2 (15). С. 172–177.

Языковое сознание // Толковый переводоведческий словарь. 2000-2022. URL: https://pervodovedcheskiy.academic.ru/2014/%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 02.11.2022).

Campadelli R.A. Associations as a reflection of the conceptual view of the world

The article focuses on the topic of associations (object of research in associative linguistics and psycholinguistics) among mental images which arise in human mind, and which are the result of the process of perception and awareness of the world. Associations with a certain concept, which reflects a component of reality, are formed through the prism of the native language, and are also fixed in the language. Language performs a dual function: it stores a person's knowledge and ideas about the world, and at the same time it has an important role in the process of awareness and understanding of the world itself, of the culture, with which the language is closely related. The article describes the concepts of linguistic thinking, linguistic mentality and linguistic consciousness, which interact in the cognitive process of perceiving the world. The main Russian-language associative dictionaries, which play an important role in the context of associative research, the associative experiment as a way to identify associations, as well as the types of associations and their different classifications, for which are given examples of associations with Italy, are also presented.

Keywords: concept, consciousness, thinking, association, associative experiment, mental images, Italy.

Карпушова Алина Юрьевна

Волгоградский государственный университет

**Языковые маркеры региональной идентичности
в публикациях информационных сайтов и порталов
г. Волгограда**

В статье на материале публикаций информационных сайтов и порталов г. Волгограда выявляются языковые маркеры региональной идентичности. Анализируются лексические и морфологические средства, позволяющие определить соотношенность с волгоградским регионом. Устанавливаются специфические черты региональной идентичности г. Волгограда.

Ключевые слова: региональная идентичность, медиатекст, языковой маркер, топоним, антиномия.

Для современного мира, несмотря на свойственные ему тенденции к глобализации и поликультурности, остаются актуальными идеи формирования и выражения региональной идентичности. С одной стороны, языковая глобализация и национальная идентичность определяются сегодня как противоборствующие тенденции в развитии лингвокультур (В.М. Алпатов, О.Н. Астафьева, В.И. Добренков, А.Н. Маслова, А.С. Панарин, Н.Е. Покровский, С.Л. Удовин, С.Г. Тер-Минасова, А.И. Уткин, А.Ю. Шадже, З. Бауман, У. Бек, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, М. Кастельс, Т. Левитт, Дж. Маклин, Р. Робертсон). С другой стороны, говоря о глобальном и локальном, следует отметить, что эти понятия не являются взаимоисключающими: различные локальные культуры вступают в тесное взаимодействие именно под влиянием глобализации [Маслова 2008: 146–153].

Важным становится вопрос о существовании особой идентичности, присущей жителям определенного региона. Под региональной идентичностью мы понимаем самоидентификацию с определенным географическим пространством (регионом), его

культурой, историей и сообществом. При этом значимым представляется и вербализация отношения жителей региона к другим географическим объектам, территориям, что также формирует его идентичность.

Ученые отмечают, что область изучаемых объектов, репрезентирующих региональную идентичность, включает в себя не только диалектные единицы и лексику городов, регионализмы, но и медиатексты, которые тоже обладают региональными чертами и воспринимаются жителями региона как часть культуры края [Ионова 2012: 345–370].

Источниками для выявления языковых маркеров региональной идентичности настоящего исследования послужили публикации информационных сайтов и порталов г. Волгограда: «V1.ru», «Информационный Волгоград», «Блокнот Волгоград», которые освещают значимые общественно-политические и культурные события города и области.

Отобранные единицы мы распределили по группам, основываясь на классификации П.Г. Асташкиной, занимающейся вопросами национальной идентичности в медиадискурсе [Асташкина 2019]. В рамках предложенной классификации языковые маркеры принято делить на лексические и морфологические.

Проведенный анализ языковых фактов позволил прийти к следующим результатам.

Среди лексических средств основополагающей номинацией жителей региона традиционно является единица *волгоградец*: *Отметим, что одно из ключевых требований волгоградцев — не заменять троллейбусы автобусами* [URL: <https://v1.ru/text/transport/2022/10/09/71721152/>]; *Если на поле волгоградцы были в меньшинстве, то на трибунах ситуация прямо противоположная* [URL: <https://v1.ru/text/sport/2022/10/09/71721782/>].

Уникальной для волгоградского края является устойчивая номинация *дитя / дети Сталинграда*, указывающая на определенный статус людей, ставших свидетелями трагических

событий военного времени – Сталинградской битвы: *«Ходить страшно. А если убьет?»: в центре Волгограда в квартире дитя Сталинграда обвалился потолок* [URL: <https://v1.ru/text/gorod/2022/10/24/71762846/>].

Наименования жителей региона представляют ценность, поскольку играют важную роль в объединении людей по территориальному признаку, что также влияет на уровень самоидентификации.

Широко распространены маркеры-топонимы, так как именно они указывают на связь медиатекста и его ключевого смыслового компонента. Наиболее частотными топонимами в исследуемом материале являются *Волгоград*, *Волгоградская область*, *Волжский* – три главных составляющих региона: *Сегодня, 24 октября, Волгоград сковали утренние пробки* [URL: <https://v1.ru/text/transport/2022/10/24/71760650/>]; *Жителей Волгоградской области предупредили о ночных заморозках* [URL: <https://v1.ru/text/gorod/2022/10/24/71761952/>]; *Повышение интереса к знанию правил дорожного движения, формирование культуры взаимоуважения и взаимопонимания на дороге стали главными задачами тематического фестиваля в Волжском* [URL: <https://v1.ru/text/gorod/2022/10/24/71754743/>].

Приведенные топонимы являются традиционными, однако в текстах встречаются и различные перифразы. Например, город Волжский именуется часто описательным оборотом *город-спутник Волгограда*: *В городе-спутнике Волгограда ограничат продажу алкоголя во время праздников* [URL: <https://inform-volgograd.ru/obshchestvo/volzhsnij-gotovitsya-na-tri-dnya-otkazatsya-ot-alkogolya/>].

Топоним Волгоград регулярно заменяется единицей *город-герой*, характеризующей почетное звание города: *Несколько сотен человек прибыли в город-герой на двухэтажном поезде* [URL: <https://v1.ru/text/gorod/2022/10/08/71720678/>].

Интересен и другой случай, когда публикация отсылает к прошлому названию города – *Сталинград*: *Реконструкторы устроили для волгоградцев «оживший» урок военной истории*

Сталинграда [URL: <https://v1.ru/text/gorod/2022/10/08/71720840/>]. В предложении логично сочетаются две номинации, свойственные разным историческим периодам. Читатель понимает, что речь идет о его городе, в котором проходит реконструкция Сталинградской битвы.

Согласно постановлению Волгоградской городской думы от 30 января 2013 года, г. Волгоград именуется городом-героем Сталинградом в памятные исторические даты (напр., начало и окончание Сталинградской битвы, День победы), тем не менее в самих публикациях историческое название *Сталинград* в упомянутые дни используется редко и непоследовательно: *“Цветы” и “волны” раскрасили небо над Сталинградом* [URL: <https://gorvesti.ru/society/tsvety-i-volny-raskrasili-nebo-nad-stalingradom-82267.html>].

Номинация *Царицын* (название города с 1589 по 1925 годы) зафиксирована в публикациях портала «V1.ru»: *Сегодня вечером волгоградцев ждет масштабный царицынский бал на площади у музея «Россия — моя история»*. Единица *царицынский* дается без каких-либо уточняющих характеристик и объяснений, поскольку авторы ориентируются в первую очередь на жителей края, которые хорошо знакомы с историей города.

Как видно из приведенных контекстов, горожане идентифицируют себя не только с регионом в настоящем, но и с его историей. Эта связь прослеживается и в культурном коде города, который находит свое выражение в номинации важных объектов: *На холмах Мамаева кургана разместились экспонаты — боевые машины, пушки и даже полевая кухня. Всё это было собрано за много лет реконструкторами из разных городов. Именно главную высоту России выбрали площадкой для проведения исторического фестиваля «Путь к Победе»* [URL: <https://v1.ru/text/gorod/2022/10/08/71720840/>]. Связь с историческим прошлым города является значимой составляющей выражения региональной идентичности. В случае с Волгоградом важным событием, формирующим фундамент культуры города, является именно Сталинградская битва. Следует отметить, что

волгоградцы не так часто идентифицируют себя с Царицыном, с купеческим городом. Важность для жителей представляют именно события 40-х годов XX века. В приведенном контексте используется перифраза *главная высота России*, отражающая принадлежность жителей не только к региону, но и к государству в целом. Следует отметить, что региональная идентичность проявляется одновременно в двух процессах: в объединении «своих» и противопоставлении «чужим».

В медиатекстах может наблюдаться противопоставление регионов друг другу, что позволяет подчеркнуть свою обособленность, например: *Сине-голубые на домашнем стадионе сыграли вничью, но для болельщиков однозначно стали победителями* [URL: <https://v1.ru/text/sport/2022/10/09/71721782/>]. Субстантивированное прилагательное *сине-голубые* выступает номинацией волгоградской футбольной команды и отсылает к традиционным цветам формы игроков. Употребление перифразы свидетельствует о том, что жители города знакомы с таким неформальным названием, а значит ее использование не вызовет сложности в процессе декодирования аудиторией смысла сообщения. К тому же определение *домашний (стадион)* прямо указывает на связь команды с регионом.

Можно утверждать, что региональная идентичность актуализирует антиномию «свой–чужой» опосредованно: *Также пост о том, что на набережной ранним утром был замечен депутат Алексей Волоцков и Максим Опалев, писал местный телеграм-канал «Остров свободы»* [<https://v1.ru/text/gorod/2022/10/08/71720957/>]. Указание на признак медиаресурса с помощью прилагательного *местный* в данном случае говорит читателям о региональной принадлежности канала, подчеркивая существование и неместных источников информации. Однако прямых лексических противопоставлений в нашем материале не выявлено.

Среди значимых лексических маркеров, являющихся средством репрезентации региональной идентичности, можно назвать и культурные бренды. Так, например, Волгоград

позиционирует себя как горчичная столица, поскольку на его территории расположен уникальный музей «Старая Сарепта», где проводится единственный в России ежегодный фестиваль горчицы: *Митинг, фестиваль горчицы и «Ротор»: куда сходить на выходных в Волгограде* [URL: https://v1.ru/text/entertainment/2022/09/23/71679596/#card_3]. Текст публикации не содержит комментариев об истории фестиваля, его особенностях и причинах проведения в Волгограде, потому что событие хорошо знакомо жителям.

Ключевым морфологическим маркером региональной идентичности выступает в публикациях интернет-порталов притяжательное местоимение *наш*: *Однако наши держались достойнейшим образом и сумели защитить ворота* [URL: <https://v1.ru/text/sport/2022/10/09/71721782/>]; *В этом году самую величественную горную вершину страны захотело увидеть на 15% волгоградцев больше, чем в прошлом. Мобильный трафик туристов из нашего региона вырос на 15%, а общий объем переданных фото и видео составляет около 1 ТБ* [URL: <https://v1.ru/text/gorod/2022/10/24/71761655/>]; *«Нашим автобусам по 10 лет. Поломки неизбежны»: транспортники оправдывают давку и дорогой проезд в автобусах Волгограда* [URL: <https://v1.ru/text/transport/2022/06/02/71378201/>].

Приведенные единицы реализуются в различных контекстах, что подчеркивает идентификацию во всех сферах жизни города. Благодаря их использованию объекты, о которых говорится в медиатексте, воспринимаются как часть общей территории, истории, культуры, социума, объединяющей жителей региона.

Форма *мы-обобщенного* как традиционное морфологическое средство идентичности в нашем материале не зафиксирована.

Таким образом, отбор языковых средств в публикациях информационных сайтов и порталов г. Волгограда позволяет говорить о важности формирования региональной идентичности, которая реализуется с помощью единиц лексического и

морфологического уровней, актуализируя различные смыслы, в том числе антиномию «свой – чужой» и эксплицирование имиджа региона в целом.

Литература

Асташкина П.Г. Язык медиа и национальная идентичность: русско-немецкие параллели. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2019.

Ионова С.В., Волкова А.Е. Информация о Волгограде в наименованиях региональных изданий // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 1. С. 345–370.

Маслова А.Н. Процессы глобализации с социологической точки зрения: определения и концепции // Актуальные проблемы экономической социологии. 2008. Вып. 9. С. 146–153.

Karpushova A.Y. Language markers of regional identity in publications of information sites and portals of Volgograd

In the work, based on the material of publications of information sites and portals of Volgograd, language markers of regional identity are identified. Lexical and morphological means are analyzed to determine the correlation with the Volgograd region. The specific features of the regional identity of Volgograd are established.

Keywords: regional identity, media text, language marker, toponym, antinomy.

Колосовская Татьяна Леонидовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Об одном «лексическом диссонансе» современной русской речи: контекстные синонимы глагола *отдыхать*¹

Исследование выполнено в рамках грамматики конструкций, которая была создана Ч. Филлмором и получила развитие не только в зарубежной, но и в отечественной лингвистике. Внимание данной научной области сосредоточено на изучении конструкций, элементы которых не рассматриваются как отдельные единицы и которые приобретают в речи устойчивую коннотацию. В центре внимания настоящего исследования находится глагол *ОТДЫХАТЬ*, который в повседневной русской речи развивает новое значение, не зафиксированное толковыми словарями: 'не иметь какому-то объекту возможности конкурировать с другим объектом по какому-то признаку, который изначально у этого первого объекта был выражен наиболее ярко'. Данное значение порождает оценочную конструкцию <Р – N₁ **отдыхает*>, компоненты которой поддаются варьированию. В результате у глагола *ОТДЫХАТЬ* в повседневном дискурсе появляются такие контекстные синонимы, как *КУРИТЬ*, *ПЛАКАТЬ*, *УТИРАТЬ* (*слёзы*), *КУСАТЬ* (*локти, ногти*), *ГРЫЗТЬ* (*локти, ногти*), *ХОДИТЬ*, *ТОПТАТЬСЯ*, *ПЕРЕМИНАТЬСЯ*, *СТОЯТЬ*, *ПОЁЖИВАТЬСЯ*. Все эти глаголы приобретают в составе оценочной конструкции сопоставительное значение. В работе рассматривается вопрос о возникновении такого значения у каждого из глаголов данной группы – на основе выборки примеров из устного и газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка и Генерального интернет-корпуса русского языка. Важность изучения данной конструкции и ее

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

синонимов подтверждается их отсутствием в «Русском Конструктиконе».

Ключевые слова: коллоквиалистика, грамматика конструкций, корпусный подход, оценочная конструкция, грамматические варианты, контекстный синоним.

Проблема лексикографического описания языковых единиц в лингвистике всегда актуальна, так как лексический уровень языка является самым подвижным, в языке регулярно появляются новые слова или возникают новые значения у старых слов. И все это новое довольно сложно вовремя уловить и зафиксировать в словарях. По мнению А.Н. Морозовой, «до сих пор недостаточно разработанным остается вопрос о способах, позволяющих описать лексическое значение как воплощение сложнейшего соотношения понятия, слова и смысла, понятийной и языковой картины мира, выявить особенности “жизни” слова, в котором отражено определенное понятие» [Морозова 2017: 35]. В повседневной коммуникации носители языка часто наделяют слова новым содержанием, а «границы между фразеологически связанным значением и фиксированным употреблением его как неотъемлемого элемента одного-двух фразеологических оборотов оказываются в некоторых случаях зыбкими, неопределенными» [Виноградов 1977: 182].

Толковые словари русского языка – главный источник для определения значения слов, но следует понимать, что словарь составляет продолжительный период времени, отражает лишь определённый временной срез и долго служит верным помощником в толковании тех или иных единиц, не отражая изменений, происходящих в современном языке. Именно поэтому в лингвистических исследованиях важно использовать корпусный подход, «основанный на функциональной и концептуальной концепции значения языковых единиц и уделяющий основное внимание тому, как строится речь в процессе коммуникации» [Гвишиани 2000: 6–7]. Настоящее исследование построено на выборке примеров из устного (УП) и

газетного (ГП) подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ).

Лексико-семантическое поле глагола *отдыхать/отдохнуть* долгое время не представляло особого интереса для коллоквиалистики. В толковых словарях зафиксированы следующие его значения: (1) ‘отдыхом восстанавливать силы; проводить свой отдых где-н. *Спортсмены отдыхают после тренировок*’, (2) ‘восстанавливать свои силы сном (*прост.*). *Не буди его: отдыхает после обеда*’ [Ожегов, Шведова 1999: 486]. В новых толковых словарях (языка и речи) [Скляревская 2001; Крысин 2017] данный глагол попросту отсутствует.

Лишь в современных словарях неформальной лексики зафиксированы сдвиги в семантике глагола *отдыхать/отдохнуть*: (1) ‘кроме *прош. насмешл. жарг.* значительно уступать кому-л. в чем-л. *Все, «Зенит» не догонишь, остальные могут отдыхать*’ [Химик 2004: 402], (2) ‘быть не у дел, быть отстраненным от чего-л., не участвовать в чем-л.; быть в проигрыше, быть поверженным, униженным и т. п. *Отдыхай!* – *уйди, будь свободен, пошёл вон, ты меня не интересуешь, мне до тебя нет дела*’, (3) ‘кто-л. не может состязаться в чем-л. с кем-л. *Немцы сняли «Достучаться до небес» (фильм) – Тарантино отдыхает!*’ [Елистратов 2000: 303–304].

Именно на основе данных новых значений возникает и начинает активно функционировать в повседневной коммуникации оценочная конструкция (ОК) $\langle P - N_I *отдыхает \rangle^1$, которая является не столько разговорной, сколько представляет собой имитацию разговорности, так как встречается по преимуществу в газетном дискурсе.

Вслед за Е.В. Рахилиной, Ю.Л. Кузнецовой [Рахилина, Кузнецова 2010], в настоящем исследовании под оценочной конструкцией понимается ‘языковое выражение, которое имеет оценочный характер и у которого есть аспект плана выражения

¹ (*) означает наличие грамматических вариантов глагола в рамках данной конструкции.

или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей’.

В составе данной ОК глагол приобретает сопоставительное значение ‘не иметь возможности конкурировать с другим объектом (Р) по какому-то признаку, который изначально у N₁ был выражен наиболее ярко’ [Колосовская 2022], ср.:

1) *Размах форума поражает сразу, как только попадаешь на территорию **выставочного комплекса** (Р). Первая мысль, которая приходит в голову: **авиасалон МАКС** (N₁) **отдыхает**. Повсюду все новое, современное – от выстроенных павильонов до представленных в них технологий* [ГП НКРЯ].

Однако в современной речи, помимо глагола *отдыхать*, подобное значение начинают выражать и другие единицы. Так, глагол *курить* в сочетании *нервно курить в сторонке/углу* и под. приобретает сопоставительную семантику и становится, таким образом, контекстным синонимом глагола *отдыхать*:

2) *Этот 395-й полк несколько раз ходил на них и выходил с существенными потерями, потому что это были очень подготовленные ребята. За одним таким «аистом» гонялись чуть ли не неделю, он перестрелял человек пять или семь наших, но так и не смогли его поймать. Причем гонялся за ним **наш спецназ** (Р), честно могу сказать, еще какие боевики были! **Тех, кого сейчас в кино показывают** (N₁), **нервно курят в углу*** [ГИКРЯ].

3) *# Windows10# HoloLens# **windows10** (Р) шикарна. И презентация в целом тоже со всеми новыми игрушками. Гугл (N₁) и **эпл** (N₁) **нервно курят в сторонке** и скоро будут в конвульсиях. Готов продать соседа на органы за# HoloLens# XBOX и# SurfaceHub* [ГИКРЯ].

На основе рассматриваемой ОК с глаголом *курить* появляются и другие единицы, образующие собственные синтаксические конструкции, например: < Р – (N₁) Adv **плачет* >:

4) *Герой книги – рекламщик Октав, фигурирующий в другой книге Бегбедера, «99 франков», приезжает в Россию в поисках*

нового лица модной косметической компании. И находит его в лице **14-летней Лены** (Р), которая выдает себя за чеченку, чтобы, вы не поверите, у нее было больше шансов попасть в мировой модельный бизнес. Короче, **Кейт Мосс** (N₁) и **Наоми Кэмпбелл** (N₁) тихо плачут в стороне, а Ахмед Закаев в Лондоне сладостно потирает руки [ГП НКРЯ];

5) Но, поистине, **украинский экономический гений** (Р) не имеет себе равных. Заблокировать поставки угля из близлежащих ДНР и ЛНР, запретить ввоз топлива из России с тем, чтобы закупать его на другом континенте в полтора раза дороже – **лауреаты нобелевской премии** (N₁) горько плачут в сторонке. Ну, в конце концов, если людям некуда деньги девать, то почему бы не купить американского угля [ГП НКРЯ].

Заметим, что в примере (4) присутствуют более чем два объекта сравнения. В качестве N₁ здесь выступают одновременно две личности **Кейт Мосс** и **Наоми Кэмпбелл**.

В примере (5) глагол *утирать* не используется без прямого дополнения *слёзы*, что создает вместе с обстоятельством места в *сторонке* еще одну устойчивую ОК. В контексте (6), наряду с этой новой конструкцией употребляется и исходная ОК <Р – N₁ *отдыхает>, усиливая таким образом сопоставление объектов и возвышая один из них над другим по признаку неожиданности и сенсационности. Пример (7) примечателен прямым значением глагола *курить*, которое необходимо для повышения значимости признака сравнения:

6) *Чтобы выкопать тело для эксгумации. Доказать всем, чей это сын. И получить причитающееся с погибшего отца. Голливуд* (N₁) *утирает слезы*, Голливуд (N₁) *отдыхает*. Потому что когда говорят и показывают «**Новые русские сенсации**» (Р) – никакой Тарантино вместе со Спилбергом им в подметки не годятся [ГП НКРЯ];

7) *Перед моей офигительностью* (Р). Нобелевские лауреаты чувствуют свою неполноценность. **Анджелина Джоли** (N₁) *утирает слёзы в сторонке*. Мужчины нервно курят. Я пиарю пиарщиков [ГИКРЯ].

Синонимичные между собой глаголы *кусать* и *грызть* являются в примерах (8)–(9) еще и контекстными синонимами глагола *отдыхать*, ср.:

8) Уважаемая газета *Sunday Times* напечатала список английских толстосумов. "Богатеньким Буратишкой номер 1" оказался **Пол Маккартни** (Р), который хотя и бьет балду уже несколько лет, но миллиардером все-таки стал. Его касса на сегодняшний день составляет 713 млн. фунтов стерлингов (миллиард с копейками грина). МОЛОДОЙ: **А Мик Джаггер** (6-й в списке) (N₁) и **Элтон Джон** (7-й) (N₁) кусают докты – у них в карманах побрякивают какие-то жалкие 150 млн. фунтов стерлингов [ГП НКРЯ];

9) «Партия Роста продемонстрировала свою последнюю разработку – **летающий стул** (Р). **Илон Маск** (N₁) нервно грызет ногти», – отметил другой юзер. [ГП НКРЯ].

Следующую группу контекстных синонимов для *отдыхать* (10)-(11) составляют глаголы активного действия, выражающие «процессы, замкнутые на субъекте действия (непредельные процессы)»: *ходить*, *топтаться*, *переминаться* [Авилова 1976: 112]. Отметим, что с данными единицами, так же как и в примерах выше, тесно взаимодействуют наречие (*нервно*), и словоформы со значением места (*в курилке*, *в сторонке*):

10) [Тимур, муж] *Чем? Ну/ музыки нет/ я* (Р) *бы станцевал вам здесь. Хотя могу и без музыки.* [Виктория Карасёва, жен, 26, 1980, радиоведущий] *Давайте/ так/ ха... отлично/ Майкл Джексон* (N₁) нервно ходит в курилке/ отдыхает. *Спасибо/ браво!* [УП НКРЯ];

11) *К слову, далеко не каждая зарубежная YouTube-звезда может похвастаться подобными результатами. Например, скандально известный американский блогер Логан Пол* (N₁), *в начале 2018 года прославившийся на весь мир роликом с глумлением над трупом самоубийцы, нервно топчется в сторонке вместе со своими жалкими 19 миллионами зрителей. Откровенно уступает Лайк Насте* (Р) *в количестве просмотров и самый популярный ютубер Феликс Чельберг, известный под*

псевдонимом *PewDiePie* (97, 7 миллиона подписчиков) [ГП НКРЯ];

12) В общем, **трехдверная машина** (Р) прекрасно подходит для эгоистов, любящих погонять в одиночку и не только по асфальту, но и по крепкой снежной целине. Удивительно качественная кожаная отделка и хорошо продуманный интерьер создают атмосферу уюта и комфорта. Мягкая подвеска справляется с глубокими ямами, а яркий внешний облик привлекает внимание с первого взгляда. А значит, **Mini Cooper SD Countryman** (N₁) уже нервно переминается в сторонке [ГП НКРЯ].

В ряд контекстных синонимов глагола *отдыхать* попал и неактивный глагол *стоять*, который «можно связать с понятием страдательности», т. е. объект бездействует [Авилова 1976: 112]:

13) Вуаля, через час-другой (если диск *Ubuntu 8.04* был под рукой) имеем **свеженькую систему** (Р) с работающей сетью, синезубом, видеокамерой, красотами *compiz (Microsoft Vista)* (N₁) скромно стоит в сторонке с ее *Aero*). Со всеми плюсами и минусами *linux* как таковой. Все подключаемое по *USB* распознается и работает, даже то, что на *Windows XP* не запускается без танцев с бубном и поиском драйверов по всему интернету [ГИКРЯ].

Наконец, глагол *поёживаться* также входит в цепочку глаголов с сопоставительным значением. Своим возникновением и реальным окружением он обязан объекту конструкции N₁ *Николаю Василчу Гоголю*:

14) Как только я включил камеру и **Вика** (Р) стала рассказывать историю своей первой любви, я понял, что это уровень «*Ромео и Джульетты*», где, правда, Ромео – рок-музыкант, показывающий со сцены жопу, и наркоман, употребляющий с 16 лет героин, а Джульетта – Спасительница, ангел-хранитель домашнего очага, по совместительству поэтесса и фотомодель. **Шекспир** (N₁) *отдыхает*. **Николай Василч Гоголь** (N₁) нервно поеживается в шинели... [ГП НКРЯ].

В результате анализа корпусного материала удалось выявить контексты, которые демонстрируют распространённость и активность конструкции <P – N₁ + V_F>, а также отследить время возникновения каждого из глаголов в составе ОК. Ситуация выглядит следующим образом: *отдыхать* (1990–1999), *кусать* (2001), *курить* (2004), *ходить* (2006), *топтаться* (2006), *плакать* – (2007), *грызть* (2007), *стоять* (2008), *утирать* (2008), *поёживаться* (2011), *переминаться* (2012).

Таким образом, оценочная конструкция <P – N₁ **отдыхает*> появилась в русском языке на рубеже XX–XXI вв. и развила значение, мотивированное глаголом *отдыхать*. Она может претендовать на собственный статус в Грамматике конструкций, а также на лексикографическое описание в «Русском Конструктиконе» [<https://constructicon.github.io/russian/about/>].

Исследование важно для коллоквиалистики (в частности, направления грамматики конструкций), для обновления словарного пространства, а также в практике перевода и преподавания русского языка как иностранного.

Литература

Авилова Н.С. Вид залога и семантика глагольного слова. М.: Прогресс, 1976. 328 с.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений // *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162–189.

Гвишиани Н.Б. Современный английский язык. Лексикология. *Modern English Lexicology Vocabulary in Use: Новый курс для филологических факультетов университетов.* М.: МГУ, 2000. 221 с.

Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ). URL: <http://www.webcorpora.ru/> (дата обращения: 16.10.2022).

Елистратов В.С. Словарь русского арго. Материалы 1980–1990 гг. М.: Русские словари, 2000. 694 с.

Колосовская Т.Л. Отдых и немножко нервно: об одном необычном синонимическом сближении в повседневной русской речи // *Studia Slavica XX*. Таллин: Таллинский ун-т, 2022. В печати.

Крысин Л.П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. К–О. М.: Изд. Дом ЯСК, 2017. 860 с.

Морозова А.Н. К проблеме описания лексического значения в учебном словаре (на примере слова «time») // *Поволжский педагогический вестник*. Самара, 2017. С. 34–40.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 01.11.2022). – НКРЯ.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Конструкции в Грамматике конструкций // *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник, 2010. С. 19–24.

Русский конструктик. URL: <https://constructicon.github.io/russian/about/> (дата обращения: 01.11.2022).

Скляревская Г.Н. (ред.). Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М.: Астрель, Аст, 2001. 894 с.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 708 с.

Kolosovskaya T.L. One «Lexical Dissonance» of Modern Russian Speech: Contextual Synonyms of the Verb *to Rest*

The study was carried out within the framework of the grammar of constructions, which was created by Charles Fillmore and was developed not only in foreign, but also in domestic linguistics. The attention of this scientific field is focused on the study of constructions whose elements are not considered as separate units and which acquire a stable connotation in speech. The focus of this study is the verb *ОТДЫХАТ* (*to rest*), which in everyday Russian speech develops a new meaning that is not fixed by explanatory dictionaries: ‘not to have an opportunity for some object to compete with another

object on some attribute that was initially expressed most vividly in this first object.' This meaning leads evaluation construction $\langle P - N_I$ **otdykhaet* \rangle ($\langle P - N_I$ *is/are resting* \rangle) in which the components vary. As a result, the verb *OTDYHAT'* (*to rest*) in everyday discourse has such contextual synonyms, such as *KURIT'*, *PLAKAT'*, *UTIRAT'* (*slyozy*), *KUSAT'* (*lokti, nogti*), *GRYZT'* (*lokti, nogti*), *HODIT'*, *TOPTAT'SYA*, *PEREMINAT'SYA*, *STOYAT'*, *POYOZHIVAT'SYA*. All these verbs acquire a comparative meaning as part of an evaluative construction. The paper considers the question of the occurrence of such a meaning in each of the verbs of this group – based on a sample of examples from oral and newspaper subcorps. The chronological issue of the emergence of a comparative interpretation for each of the verbs is considered based on the search and selection of examples from the Russian National Corpus, as well as the General Internet-Corpus of Russian. The importance of studying this construction and its synonyms is confirmed by their absence in the «Russian Constructicon».

Keywords: colloquialistics, grammar of constructions, corpus approach, evaluation construction, grammatical variants, contextual synonym.

Костина Екатерина Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Хеджирование в спонтанном монологе-рассказе на русском языке как элемент национальной идентичности

В статье представлены результаты количественного анализа маркеров «осторожной» модальности (*кажется, может быть, что-нибудь* и под.) в 12-ти монологах-рассказах шести типичных экстравертов и 6-ти глубоких интровертов на тему «Как Вы проводите свободное время?» Для обозначения таких языковых элементов, маркирующих «осторожную модальность», используется термин «хедж» (от англ. *hedge* – ‘уклонение от прямого ответа, страховка’). Исследование выполнено на материале корпуса русской устной спонтанной речи САТ («Сбалансированная аннотированная текстотека»), созданного в СПбГУ. В работе выявляется специфика использования приемов (средств) хеджирования в русскоязычном дискурсе по сравнению с англоязычным, анализируются количественные характеристики использования стратегий хеджирования на исследуемом материале. Рассматриваются функции использования хеджирования в спонтанной речи говорящих и выявляются основные стратегии использования маркеров «осторожной» модальности в устной речи говорящих с разным психотипом.

Ключевые слова: психолингвистика, национальная идентичность, экстраверты, интроверты, спонтанная речь, монолог-рассказ.

На современном этапе развития психолингвистики как науки все большую значимость приобретает понятие *образа мира* – совокупности представлений о предметном мире в сознании индивидуума. Человек воспринимает мир через систему предметных значений, которые актуализируют не всю информацию сразу, а только ту, которая представляется важной

по тем или иным причинам для каждого отдельно взятого сознания [Леонтьев 1997].

На формирование образа мира влияют в том числе основные характеристики психотипа человека – *экстраверсия* и *интроверсия*. Согласно К. Юнгу, экстраверсия – это направленность наружу, вовне [Юнг 1995]. Исследователи отмечают, что это активная и энергозатратная установка психики [Журавлева 2008], ведущая к расширению сферы активности. Спонтанная речь экстраверта характеризуется быстрым темпом, ярким выражением эмоций, относительно невысокой направленностью внимания на содержание порождаемого текста [Teiger, Barron-Teiger 1998].

Для *типичного интроверта* характерна рациональность, заблаговременность действий, спокойствие и последовательность. Его круг общения, как правило, неширок, ограничен близкими людьми, а чувства находятся под постоянным контролем [Айзенк 1995]. Психолингвистическое исследование корреляции прагматических маркеров устной речи с психотипом говорящего показали, что интроверты употребляют в своей речи прагматические маркеры¹ в два раза чаще, нежели экстраверты [Горбунова 2021]. Реплики интровертов характеризуются большей подготовленностью и продуманностью [Журавлева 2008].

На формирование образа мира влияет и *лингвокультурная традиция*. Т.В. Ларина в качестве отличительной особенности русского коммуникативного стиля выделяет *эмоциональность* (то есть свободное проявление эмоций) и *коммуникативную естественность*, противопоставляя это англоязычной эмоциональной *сдержанности* и *эмотивности* [Ларина 2009].

Английское слово *emotional* (эмоциональный) содержит отрицательные коннотации, в нем присутствует указание на то,

¹ *Прагматические маркеры* – такие единицы дискурса, «которые подвергаются процессу *прагматикализации* и в результате практически утрачивают свое исходное лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, то есть выполняют в дискурсе только определенные *функции*» [Богданова-Бегларян 2021: 13].

что проявление неконтролируемых эмоций оценивается негативно [Wierzbicka 1999: 19]. Эмотивность Т.В. Ларина понимает как антиконфликтную стратегию, «сознательную, контролируемую демонстрацию эмоций, которая используется в стратегических целях: воздействие на окружающих, демонстрация лояльности, доброжелательности, предупреждение возможного конфликта» [Ларина 2009: 64].

Наблюдения такого рода определили как общую – исследование языкового поведения личности, – так и частную задачу настоящего исследования – выявление особенностей использования стратегий хеджирования в русской устной спонтанной речи.

В статье анализируется 12 спонтанных монологов-рассказов студентов-филологов – шести типичных экстравертов (Э) и шести глубоких интровертов (И) – на тему «Как Вы проводите свободное время?». Все информанты прошли специальное психологическое тестирование с помощью опросника Г. Айзенка ЕРІ (*Eysenck Personality Inventory*) [Личностный опросник 1995]. Все монологи содержатся в корпусе русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) (блок речи студентов), созданного на базе СПбГУ (см. о нем подробнее: [Звуковой корпус... 2013]). Цель исследования заключалась в анализе единиц «осторожной» модальности в устных монологах говорящих с разным психотипом.

Впервые исследование процесса *хеджирования* (от англ. *hedge* – ‘уклонение от прямого ответа, страховка’) было проведено Дж. Лакоффом [Lakoff G. 1973]. В настоящее время это понятие пересекается с большим количеством различных дискурсивных явлений устной спонтанной речи (например, маркеры-аппроксиматоры, парентетические конструкции [Антонова 2015] и некот. др.). В данной работе принято определение стратегии хеджирования на основе *теории речевых актов*. Хеджирование – это стратегия, направленная на ослабление иллокутивной силы высказывания, которая придает

высказыванию расплывчатость, частично снимает с говорящего ответственность за сказанное и смягчает категоричность его утверждений.

В исследуемом материале выделено 37 лексем, относящихся к хеджам. В основном в эту категорию вошли вводные слова, неопределенные местоимения и наречия, наречия меры и степени: *буквально, в основном, в принципе, вроде, вроде того, всякий, грубо говоря, действительно, довольно, довольно-таки, допустим, как бы, какие-нибудь, какое-то, как-то, куда-нибудь, куда-то, мне кажется, можно сказать, на самом деле, наверное, не знаю, некоторый, немножко, ну, получается, почти, практически, примерно, просто, скажем так, так или иначе, так сказать, такой, там, честно говоря, что-нибудь.*

Необходимо отметить, что процесс хеджирования изучался гораздо более активно в англоязычной и англо-саксонской среде. Это может быть связано с особенностями русскоязычной коммуникативной культуры, которые были описаны выше. Стратегия хеджирования распространена в англоязычной языковой среде за счет неотъемлемой составляющей англосаксонской культуры – коммуникативной эмотивности, которая непосредственно связана с традиционной английской «вежливостью». Перспектива настоящего исследования видится в сопоставлении стратегий хеджирования на русском языке – с их использованием носителями других языков.

Материал исследования был обработан автоматически и вручную. Все монологи подверглись *токенизации* – процессу обработки текста, который заключается в разбиении его на отдельные значимые единицы, *токены* (англ. *tokens*) [Захаров, Богданова 2011]. Из материала были исключены паузы хезитации, реплики экспериментатора, паралингвистические пометы (<смех>, <вдох> и т. д.). В каждом из 12 токенизированных монологов вручную были выделены хеджи, подсчитана частотность их использования для каждого монолога отдельно (см. табл.).

Таблица. Частотность использования стратегий хеджирования в монологах-рассказах экстравертов и интровертов.

	психотип	N (кол-во токенов)	H (кол-во хеджей)	X _i (соотношение H/N)
	экстраверт	348	4	0,011
	экстраверт	543	31	0,057
	экстраверт	1714	33	0,019
	экстраверт	305	12	0,039
	экстраверт	64	2	0,031
	экстраверт	272	7	0,025
	интроверт	253	24	0,094
	интроверт	136	15	0,110
	интроверт	99	9	0,090
0	интроверт	148	11	0,074
1	интроверт	354	34	0,096
2	интроверт	85	6	0,070

Среднее арифметическое использования хеджей для группы экстравертов составило 0,03; величина стандартного отклонения – 0,016. Для группы интровертов среднее арифметическое составило 0,089; стандартное отклонение – 0,014. Таким образом, на исследуемом материале среднее значение частотности использования хеджей интровертами и экстравертами существенно различается (Э – 3 %, И – 8,9 %). Несомненно, для проверки статистической значимости этих результатов необходимо увеличение выборки, однако данное исследование можно считать пилотным, своеобразной апробацией методики анализа подобного материала.

В научной литературе в качестве основных функций хеджирования называют несовпадение реального и вербализуемого в процессе речепорождения – с «идеальным» в сознании говорящего [Lakoff G. 1973] и снижение иллокутивной силы высказывания [Lakoff R. 1973]. На проанализированном материале была выделена дополнительная

функция – использование стратегий хеджирования во время разговора о стрессовой ситуации, имевшей место в прошлом. Говорящий как будто заново переживает те отрицательные эмоции, которые испытывал когда-то, что сказывается и на его речевом поведении. Для анализа этой функции было выбрано по одному монологу из каждой группы с наибольшим показателем частотности хеджирования: экстраверт (Э1), частота хеджинга – 0,057; и интроверт (И), частота хеджинга – 0,096.

При эмпирическом сравнении двух монологов становится понятно, что в монологе интроверта (1) хеджи распределены равномерно, в то время как в монологе экстраверта (2)-(4) выделяются места «скопления» хеджей в тех речевых ситуациях, когда он вспоминает о негативном опыте или испытывает стресс, ср.:

(1) *ну // каникулы /// ну вот эти каникулы прошли как-то уж очень-н... / н-незаметно распорядок дня вообще как-то переменялся / ночью бодрствовала днём спала // н-н-о-о /// тоже отдых / тоже зато высыпая / высыпалась / смотрела телевизор в основном так // зато ходила гулять // кофе-хаузы /// **всякие** /// кафешки / да-а // это я-я / конечно люблю посидеть **где-нибудь** / поболтать в «Суши» // с Надей как раз вчера ходили (смеется) // вот так провели тоже где-то пару часиков / в очень / милой беседе // э-э с не менее // миленьким // обедиком х-м // в-о-от // ну в каникулы как обычно /// обычно /// к бабушке **куда-нибудь** уезжаю / в деревню **куда-нибудь** / хотя-я / уже давно там не была /// тоже в основном / спишь / то **куда-нибудь** ходишь ездешь // вот **в принципе наверно и всё** (И);*

(2) *у меня вся семья была дома / сам я никуда не выходил / даже в магазин // это / очень негативно сказывалось на моём психоэмоциональном состоянии // мне просто необходимо живое общение с людьми / **куда-нибудь** выбраться / **что-нибудь** увидеть / в **чём-нибудь** поучаствовать / э-э ощутить себя вот частью социума / а-а **какое-то** внимание получить от людей / м-м-м **в принципе** / набраться энергии **можно сказать** (Э1);*

(3) у меня это не рассматривается / как / э-э / сейчас я попытаюсь вспомнить слово / это не **какой-то** меркантилизм или **что-то вроде того** / э-э-э / когда ко мне обращаются за помощью / я тоже стараюсь помочь / э-э по мере возможностей / и-и **в принципе** всё человеческое взаимодействие м / на мой взгляд всегда строилось на том чтобы / э-э / занять / **какую-то** / выгоду друг с друга в разном объёме (Э1);

(4) поэтому я стараюсь / по возможности **куда-нибудь** выбираться / за **какими-нибудь** новыми впечатлениями / а-а / чтобы проявить **какую-нибудь** активность // **наверное** у меня всё (Э1).

Контекст (2) можно определить как рассказ о стрессовой ситуации, поскольку в нем информант вспоминает о тяжелом для него периоде дистанционного обучения и связанным с этим ограничением социальных контактов, что вызывает у экстраверта дискомфорт.

Стресс в контекст (3) связан с затруднением говорящего в поиске нужной лексики и попыткой изменить высказывание, чтобы его фраза не выглядела социально неодобряемой (*это не какой-то меркантилизм или что-то вроде того*).

Контекст (4) связан с завершением монолога, а начало и конец монолога – наиболее трудные места для спонтанного речепорождения, поэтому в них часто возникают различные паралингвистические элементы [Богданова-Бегларян 2022], скопление пауз хезитации и хеджей.

В монологе другого экстраверта (Э2, частота хеджинга – 0,019) также наблюдается увеличение интенсивности использования хеджей в схожих стрессовых ситуациях:

(5) что меня / **грубо говоря** увольняют вот поэтому я решил сегодня что вот мне нужно будет **как-то там** позвонить в парочку салончиков / **ну там что-нибудь** перетереть с ними чтобы **так ну** / тем более что-о // ну **как-то** несерьёзно / в конце концов третий курс времени нет а я не работаю (Э2);

(6) я их не видел ровно десять лет ну **практически** то есть уже десять лет один месяц / и мы хотели все пересечься **как-то**

*поговорить правда / вот когда они были ещё / в школе / ну когда они в пятом классе то есть я же посмотрел фотографии они были намного / (ухмыляясь) ну сейчас они изменились / и-и // **как-то** не в лучшую **по-моему** / сторону (Э2);*

*(7) хотя с другой стороны вот стал общаться с-с э-э / **некоторыми** людьми с которыми до этого не общался **там** // э // появляются **какие-то** новые знакомства // **ну то есть** в основном / **получается** что трачу время в основном на общение // **ну-у** или / или на тренировки // **ну или** иногда на учёбу (Э2).*

В контексте (5) говорящий описывает предстоящее увольнение, и по характеру его речи становится понятно, что эта тема является для него болезненной, в результате на этом отрезке наблюдается «скопление» хеджей: неопределенные местоимения, наречия и т. д.

В контексте (6) информант описывает свои впечатления от встречи с одноклассниками, которых не видел десять лет. Он пытается скрыть свое разочарование от осознания того, как сильно, и не в лучшую сторону, девушки изменились внешне, поэтому «прячется» за использование большого количества хеджей. В этом контексте совмещаются функции снижения иллокутивной силы высказывания и преодоления стрессовой ситуации.

В контексте (7) говорящий завершает монолог и начинает формулировать выводы относительного сказанного.

Общее распределение хеджей по психотипам показало, что интроверты употребляют стратегию «осторожной» модальности чаще, чем экстраверты (8,9 и 3 % соответственно). Стратегии хеджирования в монологе экстраверта совпадают с эмоционально напряженными участками, в то время как в выбранном монологе интроверта хеджи распределены равномерно.

В целом, как уже отмечалось выше, данная антиконфликтная стратегия характерна больше для англоязычной культуры, что связано с английскими особенностями

коммуникативного стиля: низкой эмоциональностью и высокой эмотивностью.

Перспективами настоящего исследования являются: увеличение выборки информантов, а также анализ стратегий хеджирования в речи носителей других языков.

Литература

Айзенк Г.Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии, № 1, 1995. С. 111–132.

Антонова В.А. Парентетические конструкции современного русского языка в лингвокультурологическом аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 19 с.

Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–51.

Богданова-Бегларян Н.В. Над кем смеетесь? Над собой смеетесь! (о смехе как реакции говорящего на собственную речевую деятельность) // Слово и жест. Научная конференция, посвященная памяти Е.А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2022 года. Материалы конференции / Отв. ред. С.О. Савчук. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2022. С. 7–11. URL: <https://www.ruslang.ru/conference/grishinskietcheniya-2022> (дата обращения: 17.11.2022).

Горбунова Д.А. Прагматические маркеры русской устной речи: корреляция с психотипом говорящего. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2021. 138 с. (машинопись).

Журавлева А.А. Влияние психотипа личности диктора на специфику его устной речи // Доклад на международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2008». Бекасово: 4–8 июня 2008 г.

Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 161 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 288 с.

Личностный опросник ЕРІ (методика Г. Айзенка) // Альманах психологических тестов. М.: КСП, 1995. С. 217–224.

Юнг К.Г. Психологические типы: Пер. с нем. // Под общ. ред. В. Зеленского. СПб.: Ювента, М.: Изд. фирма «Прогресс-Универс», 1995. 715 с.

Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // *Journal of Philosophical Logic*, № 2, 1973. P. 458–508.

Lakoff R. Language and Woman's Place // *Language in Society*, vol. 2, no. 1, 1973. P. 45–80.

Teiger P., Barron-Teiger B. The Art of SpeedReading People. Little, Brown, Boston: 1998. 224 p.

Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 p.

Kostina E.D. Hedging in a spontaneous monologue-story in the Russian language as an element national identity

The article presents the results of a quantitative analysis of markers of «cautious» modality (*kagetsja (it seems), moget byt' (maybe), chto-nibud' (something else)*, etc.) in 12 monologue-stories of 6 typical extroverts and 6 deep introverts on the topic «How do you spend your free time?» The term «hedge» is used to refer to such linguistic elements marking «cautious modality» (from English hedge — ‘avoiding a direct answer, insurance’). The study is based on the corpus of Russian oral spontaneous speech SAT («The Balanced

Annotated Text Library»), created at St. Petersburg State University. The paper reveals the specifics of hedging techniques (means) usage in Russian-language discourse compared to English-language discourse, analyzes quantitative characteristics of hedging strategies usage in the studied material. The functions of the use of hedging in the spontaneous speech of speakers are considered, and the main strategies for using markers of «cautious» modality in the oral speech of speakers with different psychotypes are identified.

Keywords: psycholinguistics, national identity, extroverts, introverts, spontaneous speech, monologue-story.

Ложкина Виктория Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет

Гиперкорректность как прием речевой манипуляции в русской разговорной речи

В статье рассматриваются изменения в нормах русской вежливости, возникшие на рубеже XX–XXI веков. «Новая русская вежливость» проявляется, в частности, во введении в широкое употребление гиперкорректной речевой формулы *<*можно пожалуйста + Inf/Acc>*. Такая, чрезмерно маркированная, вежливость служит своеобразной «подушкой безопасности» в коммуникативном акте и помогает адресанту добиться желаемого результата. В языковой картине мира носителя русского языка компонент *пожалуйста* является неотъемлемой частью косвенного речевого акта (просьбы). В статье приводятся примеры неудачной коммуникации, когда просящий не использует в речи «волшебное слово» *пожалуйста*. Кроме того, анализируется роль маркера вежливости *пожалуйста* в конкретной коммуникативной ситуации. В работе описаны также сфера употребления рассматриваемой речевой формулы, ее грамматические варианты и первое зафиксированное употребление. Несмотря на то что данная речевая формула по-прежнему остается грамматической «аномалией», поколение современной молодежи не чувствует избыточности в ней слова *пожалуйста*.

Ключевые слова: категория вежливости, речевое манипулирование, разговорная речь, гиперкоррекция.

«Национально-культурная идентичность обретается посредством приобщения человека к миру культуры» [Латыпова 2016: 23]. К культуре, несомненно, относится и родной язык, на котором говорит человек. Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался развитием человечества во многих сферах, в том числе возросла потребность в национальном самоопределении через слово.

Общеизвестен факт, что в этот период в русский язык приходит много иностранных слов, отношение к которым у всех исследователей индивидуальное. Нельзя отрицать, что меняющаяся картина мира повлияла и на самосознание русского человека, его главный инструмент для коммуникации и социализации – повседневную речь.

Прошлый век ознаменовался ускоренным техническим развитием, что привело к радикальным переменам в картине мира каждого человека. Б.Д. Парыгин выдвинул гипотезу, что во второй половине XX века происходит «персонификация личности» человека [Парыгин 1999: 103]. Это связано с социально-психологическими изменениями в обществе, вызванными влиянием научно-технического прогресса.

Б.Д. Парыгин отмечает необходимость роста уровня социальной культуры в сложившихся обстоятельствах, потому что иначе учащаются случаи коммуникативных конфликтов. «Тенденция односторонней персонификации личности, означающая рост требовательности по отношению к другим и недостаточную критичность в отношении себя, если эта тенденция не сопровождается ростом социально-психологической культуры человека, культуры общения, восприятия и понимания других людей, может повлечь за собой недостаточное понимание людьми друг друга в процессе общения, их эмоциональную неудовлетворенность друг другом» [Парыгин 1978: 113]. Культура общения выступает гарантом стабильных социальных отношений. Именно поэтому с детства носителя русского языка учат нормам общения в определенных коммуникативных ситуациях. Так, в пособии для студентов средних специальных учебных заведений сказано: «По тому, как человек знает этикет, соблюдает его, судят о нем самом, его воспитании, общей культуре, деловых качествах» [Введенская, Черкасова 2011: 53].

«Новая русская вежливость»

Новое время приносит и новые формулы для выражения вежливости. Р. Ратмайр обращает на это внимание в работе

«“Новая русская вежливость” – мода делового этикета или коренное прагматическое изменение?» [Ратмайр 2009]. Автор считает, что «новая русская вежливость» появляется в экономической среде на рубеже XX–XXI веков и постепенно из сферы обслуживания распространяется в другие. И.В. Высоцкая и О.И. Северская, наоборот, высказывают предположение, что это явление происходит из культурной сферы. В частности, исследуемая в настоящей работе речевая формула <**можно пожалуйста + Inf/Acc*>¹, на их взгляд, возникла в русском языке в результате калькирования англоязычной конструкции *May I please* и распространилась через посредство телевидения (в какой-либо телепередаче или мультфильме). Именно в детской и подростковой речи эта речевая формула начинает активно употребляться и сегодня «воспринимается как нейтральная» [Высоцкая, Северская 2019: 227].

Понятие речевой формулы

Следует уточнить, что для описываемой формулы пока в лингвистике нет устоявшегося термина, однако в настоящем исследовании <**можно пожалуйста + Inf/Acc*> называется речевой формулой (РФ) по ряду причин.

Речевые формулы неоднократно становились предметом описаний с самых разных точек зрения: прагматики, социолингвистики, лингводидактики. Еще Л.П. Якубинский писал: «Говорение в связи с определенными шаблонами быта влечет образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора» [Якубинский 1986: 48]. Такие «шаблонные фразы» и являются речевыми формулами. М.И. Всемиров в работе, посвященной методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ), дает собственное определение РФ: «Под речевыми формулами понимают разнообразные по длине, но устойчивые по форме отрезки письменных и устных текстов, в том числе способы выражения смысла, обороты речи,

¹ (*) означает наличие вариантов грамматической реализации речевой формулы.

коллокации, идиомы, крылатые фразы, пословицы и поговорки, речевки, мемы и т. д.» [Всемиров 2015: 107].

А.А. Зубарева указывает на связь речевой формулы с этикетными нормами. Именно устойчивые речевые формулы составляют базу речевого этикета, а выбор той или иной формулы зависит от коммуникативной ситуации [Зубарева 2007: 18].

Таким образом, речевая формула обладает следующими признаками:

- 1) устойчивый набор единиц;
- 2) зарождение в устной речи и переход в письменную;
- 3) привязка к определенной коммуникативной ситуации.

Все эти признаки присущи и единице, ставшей объектом настоящего исследования

Гипотеза исследования

Гипотезу исследования можно сформулировать таким образом: гиперкорректная ¹ речевая формула <**можно пожалуйста + Inf/Ass*> является одним из способов (приемов) речевого манипулирования.

В разговорной речи обнаруживаются две противоположные тенденции: 1) стремление к экономии речевых средств («неполные и нечленимые предложения, аббревиатуры и сложносокращенные слова, многие лексические единицы (*Публичка, Ленинка, нетленка*) (здесь и далее в цитате курсив автора. – *В. Л.*), в том числе маркеры-аппроксиматоры, заменяющие ряд перечисления (*и так далее, и все такое (прочее), пятое-десятое*) или чужую (или свою собственную, сказанную ранее) речь (*бла-бла-бла, ля-ля-тополя*)» и 2) неэкономное наращение формы [Богданова-Бегларян 2018: 23]) (в нашем случае – гиперкорректность). Грамматически неправильное употребление лексемы *пожалуйста* говорит о

¹ *Гиперкорректность (гиперкоррекция)* (греч. *hyper* ‘над, сверх’ и лат. *correctio* ‘исправление’) в настоящем исследовании понимается как попытка носителя языка, не обладающего навыками устной речи, говорить хорошо, что зачастую приводит к ошибкам «от усердия».

стремлении говорящего «говорить красиво и очень вежливо» с целью получить желаемое.

Материал исследования

Исследование строится на следующем материале.

1. Пользовательский подкорпус (80 контекстов употребления речевой формулы в разговорной речи, на телевидении, в печатных текстах). Источниками послужили данные НКРЯ (его газетного, устного, акцентологического и основного подкорпусов), фрагментов телевизионных шоу, переписки пользователей в социальных сетях.

2. Два социолингвистических опроса, проведенных в феврале-мае 2022 года среди носителей языка двух возрастных групп с целью выявления корреляции между употреблением данной речевой формулы и возрастом говорящего.

3. Собственные (авторские) примеры неудачной коммуникации¹ при отсутствии в высказывании маркера вежливости *пожалуйста*.

Фиксация и сфера распространения речевой формулы

Речевая формула *<*можно пожалуйста + Inf/Acc>* зародилась в устной речи и перешла в письменную (точнее – в устно-письменную речь в социальных сетях). Об этом писали И.В. Высоцкая и О.И. Северская [Высоцкая, Северская 2019], об этом же свидетельствует и собранный материал.

Самая ранняя письменная фиксация рассматриваемой речевой формулы, которую удалось обнаружить в Национальном корпусе, датируется 2005 годом. Это контекст из основного подкорпуса НКРЯ:

• *А Вы мне можете, пожалуйста, посоветовать что сказать ему насчет мамы?*² [Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)].

¹ О.Н. Ермакова и Е.А. Земская под *коммуникативной неудачей* понимают «неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего (полное или частичное непонимание), нежелательный эмоциональный эффект» [Ермакова, Земская 1993: 31].

² Здесь и далее примеры даются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Но еще в 2001–2002 годах эта формула звучала в телесериале «Твин Пикс» (реж. Д. Линч). В одной из сцен персонаж произносит фразу: «*May I have a glass of water, please?*» – что в русском дубляже звучит так: «*Можно мне стакан воды, пожалуйста?*» Интересно отметить, что в последующих переводах (например, 2012 года) гиперкорректности в этой фразе уже нет.

Относительно сферы распространения рассматриваемой речевой формулы можно утверждать, что в последнее время она расширила свое употребление. Из устной разговорной речи она перешла в интернет-коммуникацию (*А многие темы у Вас уже разобрали? Можете, пожалуйста, подсказать тогда, какие еще возможно выбрать.* [2021, Ж, 18–20, переписка с однокурсниками в социальной сети]), на телевидение (*Можно, пожалуйста, пригласить Юлю?* [2022, М, 25–30 лет, телеканал ТНТ, телепередача «Холостяк»]), в печатные интернет-издания (*А можно, пожалуйста, поесть ваших фруктов?* [2015, интернет-книга А. Якубовской «Вова Сладколадкин и волшебный компьютер»]).

Грамматические варианты речевой формулы

В ходе анализа материала обнаружилось следующие грамматические реализации речевой формулы:

- 1) <*Можно пожалуйста + Inf/Асс*> (*Можно, пожалуйста, синтезатор до вечера? / А можно официанта пожалуйста пригласить?*);
- 2) <*Можете пожалуйста + Inf*> (*Можете, пожалуйста, мне сигнализировать, когда Данил придет на работу?*);
- 3) <*Можешь пожалуйста + Inf*> (*Можешь пожалуйста тегнуть там потом всех?*).
- 4) <*(Не) мог бы ты пожалуйста + Inf*> (*Вика, ты могла бы еще на одну подвинуться, пожалуйста?*);
- 5) <*Не могли бы вы пожалуйста + Inf*> (*А вы не могли бы пожалуйста сказать страницу, я не могу найти*);
- 6) * <*Могу (ли) я пожалуйста + Inf*>.

Интересно, что последняя реализация не встретилась в ходе исследования, однако является потенциально возможной. Это можно трактовать и как косвенный признак манипулятивного характера рассматриваемой речевой формулы. Интенция говорящего всегда направлена вовне, а не на самого себя.

Сравнение результатов социолингвистических опросов

В феврале-мае 2022 г. были проведены два социолингвистических опроса среди разных возрастных групп. Первую группу респондентов составили студенты СПбГУ (114 человек), чей возраст колеблется от 18 до 25 лет. Большинство из них (69 %) не получают филологического образования. Во вторую группу вошли представители «старшего поколения» (> 31 года), всего 30 человек. Их распределение по возрасту таково: 31–49 лет – 36 %; 50+ лет – 64 %. Среди них 90 % людей с высшим образованием и 80 % – с филологическим. Участникам предлагалось ответить на вопросы относительно грамматической правильности приведенных высказываний (в числе вариантов ответов было и предложение с <**можно пожалуйста + Inf/Acc*>), степени вежливости высказываний, а также о сфере употребления речевой формулы.

В ходе эксперимента выяснилось следующее.

1. Большинство респондентов в каждой возрастной группе выбирают грамматически правильный вариант ответа на вопрос *Какое высказывание кажется Вам наиболее правильным?* («младшие» (65 %) и «старшие» (52 %) «отдали голоса» за вариант *Дайте мне, пожалуйста, хлеба*). Однако в каждом опросе на втором месте по популярности оказывается контекст с гиперкорректной формулой: *Можно мне, пожалуйста, хлеба?* («младшие» – 27 %, «старшие» – 20 %).

2. В качестве наиболее вежливого вопроса обе группы респондентов называют предложение с гиперкорректностью: *Можно мне воды, пожалуйста?* («младшие» – 69,3 %, «старшие» – 17 %). Очевидно, что гипервежливость формулы ощущается не только молодежью, но и взрослыми людьми.

3. Основной сферой употребления речевой формулы является непринужденное домашнее общение, сфера обслуживания (кафе, магазин), интернет-переписка.

Речевая манипуляция

Гиперкорректная речевая формула относится к приемам скрытой манипуляции¹. Маркер вежливости *пожалуйста* помогает построению успешной коммуникации. Характерными признаками такой коммуникации являются: 1) результативность (достижение говорящим желаемого); 2) предметность (общий контекст, понимание предмета); 3) эффективность (сохранение баланса отношений) [Стернин 2001: 62]. Примером неудачной коммуникации служит случай в одном из студенческих общежитий: летом 2022 г. на просьбу студента оформить пропуск для гостя (*Можно гостя оформить?*) работница ответила резким негативным высказыванием: *Устроили тут проходной двор*. И, несмотря на то что адресант добился желаемого результата (гостя оформили и пропустили в общежитие), он ощутил сопротивление со стороны лица, которому был адресован речевой акт. Третье условие удачной коммуникации (эффективность) не соблюдено. Очевидно, что использование слова *пожалуйста* как своеобразной «подушки безопасности» становится необходимостью в сфере услуг. Без этого «волшебного слова» говорящий нарушает социальную норму общения и рискует не достичь желаемого.

Еще одним примером особого – манипулятивного – характера слова *пожалуйста* может послужить диалог двух студентов (20–21 год). На просьбу товарища (*Можешь дать мне воды, пожалуйста?*) второй студент не выразил готовности поделиться. Просящий, чувствуя коммуникативный риск,

¹ Ср.: «Неявные (слабо осознающиеся самим говорящим) манипулятивные единицы (МЕ): русские контактные глаголы (КГ, глагольные формы с ослабленной семантикой, привлекающие внимание адресата к высказыванию (обычно в форме императива или 2 л.: *знаешь/те, понимаешь/те, представь/те, прикинь, слушай/те* и под.); некоторые конструкции-коллокации (КК), созданные на их основе (*знаешь как...; видишь как...; не видишь что ли?!*); еще ряд разговорных КК (*с ума сошёл что ли?! дурак что ли?!*); а также маркеры *да?* и *ну?* – часто с вопросительной интонацией [Богданова-Бегларян 2021: 290].

повторяет: *Пожалуйста!* Этот диалог можно трактовать так: «Я использую “волшебное слово”, поэтому у тебя нет причин мне отказать».

Таким образом, в ходе исследования может быть сделан ряд выводов.

1. Речевая формула *<*можно пожалуйста + Inf/Acc>* находится в активном словарном запасе носителей русского языка.

2. Эта речевая формула расширила сферу своего употребления (из устной повседневной речи перешла в интернет-коммуникацию, на телевидение и в печатные интернет-издания).

3. Представители младшего поколения меньше чувствуют неправильность формулы, однако и младшее, и старшее поколение отмечает ее предельную вежливость.

4. В гиперкорректности можно увидеть прием речевой манипуляции, нацеленной на «уход» от коммуникативных неудач и уменьшение коммуникативных рисков.

Литература

Богданова-Бегларян Н.В. Фонетический Тяни-Толкай: о двух разнонаправленных тенденциях в построении устного текста // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. Фонетика. Вып. 18 / Гл. ред. А.М. Молдован. Отв. ред. выпуска М.Л. Каленчук. М., 2018. С. 22–31.

Богданова-Бегларян Н.В. О неявных средствах манипуляции в повседневном дискурсе // Речевое воздействие в разных дискурсах. Том 5 / Под ред. Ж. Сладкевич, А. Клиркевич, К. Велондек. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. 2021. С. 289–298.

Введенская Л.А., Черкасова М.Н. Русский язык и культура речи: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 380 с.

Всемирнов М.И. Речевые формулы в адапционном тестировании по русскому языку как иностранному (субтест «говорение») // Мир русского слова. 2015, № 4. С. 106–108.

Высоцкая И.В., Северская О.И. «Можно, пожалуйста, ...» как речевая формула «новейшей русской вежливости» // Сибирский филологический журнал. 2019, № 3. С. 225–233.

Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского языка) // Русский язык и его функционирование. Коммуникативно-прагматический аспект / Отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1993. С. 30–64.

Зубарева А.А. Формулы русского речевого этикета: социолингвистическое исследование. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2007. 19 с.

Латыйпова В.М. Национально-культурная идентичность как важнейшая проблема современности // Вестник КазГУКИ, № 2, 2016. С. 22–25.

Парыгин Б.Д. Научно-техническая революция и личность. М.: Политиздат, 1978. 240 с.

Ратмайр Р. «Новая русская вежливость» – мода делового этикета или коренное прагматическое изменение? // Вопросы языкознания. 2009, № 1. С. 63–81.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 227 с.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17–58.

Lozhkina V.A. Hypercorrectness as a Method of Speech Manipulation in Russian Colloquial Language

The article discusses the changes in the norms of Russian politeness that arose at the turn of the XX–XXI centuries. The "new Russian politeness" is manifested, in particular, in the introduction of the hypercorrected speech formula <**mozhno pozhaluysta + Inf/Acc*> into widespread use. Such overly marked politeness serves as a kind of "safety cushion" in a communicative act and helps the addressee to achieve the desired result. In the language picture of the world of a native Russian speaker, *pozhaluysta* is an integral part of

an indirect speech act (request). The article provides examples of unsuccessful communication when the requester does not use the "magic word" *pozhaluysta* in speech. In addition, the role of the courtesy marker *pozhaluysta* in a specific communicative situation is analyzed. The paper also describes the scope of use of the speech formula in question, its grammatical variants and the first recorded use. Despite the fact that this speech formula still remains a grammatical "anomaly", the generation of modern youth does not feel the redundancy of the word *pozhaluysta* in it.

Keywords: politeness, speech manipulation, colloquial speech, hypercorrection.

Локалина Юлия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Конструкция *от слова совсем* как устойчивое сочетание

Статья посвящена анализу конструкции *от слова совсем*, активно функционирующей в современном русском языке как устойчивое сочетание. Особое внимание в работе уделяется используемым терминам: «конструкция», «интенсификатор» и «интенсификация». Важным для настоящего исследования является история употребления *от слова совсем*, а также ключевой компонент конструкции – наречие *совсем*. Конструкция *от слова совсем* выполняет в предложении роль интенсификатора, который «усиливает» семантику той или иной единицы в этом предложении. Свободные сочетания со словоформой *от слова* привели к распространению подобных конструкций (*веселый от слова ужасный; пошел от слова побежал*), поэтому в статье отдельно анализируется и устойчивая модель $\langle X \text{ от слова } Y \rangle$, причиной появления которой можно считать общую языковую тенденцию к интенсификации: *я ее не знаю, от слова совсем; потерять не хочется от слова «совсем»; вложений не требует от слова совсем*. Результаты анализа представлены на материале контекстов из личных блогов интернет-пользователей.

Ключевые слова: конструкция, интенсификатор, интенсификация, наречие, устойчивая модель.

В современном русском языке активна тенденция к гиперболизации и интенсификации. Это позволяет утверждать, что конструкция *от слова совсем* и подобные ей не случайно распространились в речи носителей языка.

В настоящей работе для описания исследуемой единицы используется термин *конструкция*. Объясним его употребление.

Согласно подходу, предложенному Ч. Филлмором в конце 1980-х годов (см. работы: [Fillmore et al. 1988; Fillmore, Kay 1999])

и др.), главная идея грамматики конструкций сформулирована так: «Основным мотивом для создания Конструктивной грамматики (КГ) является необходимость разработки системы грамматического описания, в которой обозначенные конструкции (более или менее “идиомоподобные” формы выражений) представлены в той же формальной системе, что и регулярные, “ядерные”, модели или правила» (перевод мой. – Ю. Л.)¹ [Кау 1998: 1]. Из этого следует, что конструкция определяется как основная единица языка. При этом, согласно Е.В. Рахилиной и Ю.Л. Кузнецовой, «под конструкцией понимается языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19]. Исследователи отмечают важный аспект грамматики конструкций: «Элементы и значения каждого из участвующих в данной конструкции уровней существуют не по отдельности, а в тесной взаимосвязи друг с другом [там же: 21].

М.В. Копотев в работе «Принципы синтаксической идиоматизации» пишет: «Все синтаксические единицы являются конструкциями, то есть любая синтаксическая единица накладывает определенные ограничения на переменные, и принципиальной разницы между идиоматизированными и свободными конструкциями не существует» [Копотев 2008: 19]. Следуя такому подходу, в настоящем исследовании используется термин *конструкция*.

Анализируемая конструкция *от слова совсем* появилась в Интернете совсем недавно. Первое ее употребление зафиксировал С.С. Белоусов в работе 2016 года «От слова совсем как грамматическая конструкция» [Белоусов 2016]. Ему удалось найти пример использования конструкции на одном из форумов, где мужчина из города Волгодонска в 2005 году написал

¹ В оригинале: «The major motivation for Construction Grammar (CG) is the need to develop a system of grammatical description in which the marked constructions (more or less “idiomlike” forms of expressions) are represented in the same formal system as a regular, “core” patterns or rules».

следующее: «Единственный крупный минус – водонепроницаемость отсутствует, от слова “совсем”» [Airsoftgun.ru].

Исследователи, анализирующие конструкцию *от слова совсем*, отмечают, что «рассматриваемое фразеологизированное выражение» произошло от «свободного сочетания *от слова*, которое обычно употребляется как отсылка к этимологии слова. Однако в новом значении «*от слова совсем* отсылает к оси синтагматики, то есть *совсем* <...> синтагматически связано со словами этого или предыдущего предложения» [Вознесенская, Северская 2019: 477].

Анализируемая конструкция связывается с «главным» предложением с помощью наречия *совсем* – своего ключевого компонента.

Наречие *совсем* – это наречие меры и степени, указывающее на различную степень проявления какого-либо признака [Русская грамматика 1980]. Такие наречия определяются как лексические и фразеологические единицы, выполняющие «функцию указания на степень величины или на оценку признака субъекта речи» [Ховалкина 1996: 80].

С.А. Григорьева в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» определяет *совсем* как наречие, указывающее на «большую интенсивность итогового состояния» [Григорьева 2003: 1082].

Определение наречия *совсем* дано и в «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка», где отмечено значение ‘завершения / кульминации процесса’, названного словом, взаимодействующим с данным наречием [Баранов и др. 1993: 148]. И наконец, академический словарь дает такое определение: ‘совершенно, полностью’ [МАС IV: 177].

Из данных определений можно заключить, что наречие *совсем* отражает градуальность, т. е. указывает на высокую степень величины признака. Именно это и стало причиной формирования в современном языке конструкции *от слова совсем*, которой наречие «подарило» ту же семантику.

Определив значение наречия, можно говорить и о роли самой конструкции в предложении, начав с тенденции к гиперболизации в современном русском языке. На это обратила внимание А. Вежицкая, которая отметила, что гиперболизованность русской речи как средство «выражения любых оценок, как положительных, так и отрицательных» [Вежицкая 1996: 84], является яркой чертой современного языка, использующего интенсифицирующие средства. Действительно, часто в разговорной речи носителей языка, в рекламе, в Интернете и в других источниках можно услышать такие словосочетания: *суперпитательный батончик*, *грандиозный скандал* и т. п. Исследуемая конструкция является именно таким «усилителем» значения, ср.:

- 1) *А я ж ее совсем не знаю (насколько?), от слова совсем;*
- 2) *Я не приемлю критику (насколько?), от слова совсем;*
- 3) *Вложений не требует (насколько?) от слова совсем;*
- 4) *Я не разбираюсь (насколько?) в советской литературе от слова совсем;*
- 5) *Хочу сказать, что повторять этот прекрасный опыт не хочется (насколько?) от слова «совсем».*

Заметим, что исследуемая конструкция в предложении выполняет ту же функцию, что и наречие – функцию меры и степени.

Кроме конструкции *от слова совсем*, в современном русском языке появилось множество других похожих единиц. Причиной их появления служит та же тенденция к интенсификации.

Функционально-семантическая категория *интенсивности* обладает свойством всеобщности: средства ее выражения охватывают языковые единицы разных уровней: глаголы, прилагательные, наречия, местоимения, существительные, фразеологические единицы, целостные тексты и проч. [Безрукова 2004]. По мнению П.А. Леканта, под *интенсификацией* понимается ряд функционально-семантических операций, включающих подчеркивание (акцентирование), усиление,

полноту, градацию (обычно высокую ее степень), обобщение и оценку [Лекант 2011: 58].

Причиной появления подобных конструкций является также и существование в русском языке такой устойчивой модели, как *<X от слова Y>*. Она выполняет функцию объяснения и верификации (путем апелляции к источнику). Это характерно для научного дискурса, для отсылок к этимологическому источнику. Однако данная конструкция стала развиваться по другому направлению, в результате чего в языке появились такие употребления:

- *«Успех» от слова «успеть»*
- *Предприниматель от слова «предпринимать»;*
- *Обожаю снимать красивых женщин, от слова “женственность”.*
- *Возможности подключить безлимитный НЕТ, от слова НИКАКОЙ (частный сектор, просят \$ 400 за подключение – такой wifi нам не нужен);*
- *«Семейные узы» (1982–1989) – прекрасны от слова совершенно. Невероятно смешной, добрый, а временами и драматичный сериал [Белоусов 2016: 74].*

По этим примерам можно заключить, что конструкция имеет как отрицательную, так и положительную семантику.

Кроме этого, анализируемая конструкция «допускает использование слов, которые вряд ли могут употребляться в одной предикативной конструкции»:

- *Идя в кино (к слову, зал был полон от слова «целиком»), я не знала, что это лишь одна из частей;*
- *Твое мнение интересно от слова нисколько [там же: 74].*

Такое развитие и «успех» конструкции *<X от слова Y>* можно объяснить спецификой самой системы языка, которая допускает реализацию таких типических конструкций.

Таким образом, рассматриваемая в настоящей работе конструкция *от слова совсем* настолько распространилась среди носителей языка, что стали появляться подобные ей варианты от свободного сочетания *от слова*. Можно утверждать, что

устойчивая модель <X от слова Y> не имеет предела в употреблении, поскольку может «подстраиваться» под любой контекст. Думается, что результаты проведенного исследования могут быть полезны лингвистам самых разных специальностей, поскольку открывают некоторые новые пути анализа единиц современной русской речи.

Литература

Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

Безрукова В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка). Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 222 с. (машинопись).

Белоусов С.С. От слова совсем как грамматическая конструкция // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2016, № 7–1 (160). С. 72–77.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. / Отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Вознесенская М.М., Северская О.И. «Ни разу от слова совсем»: усилительная семантика сленговых аграмматизмов // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. научных трудов Международного научного симпозиума. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 470–480.

Григорьева С.А. СОВСЕМ 1, ОКОНЧАТЕЛЬНО, (эмоц.-усил.) ВКОНЕЦ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 1082.

Копотев М.В. Принципы синтаксической идиоматизации. Хельсинки: Helsinki University Press, 2008. 126 с.

Лекант П.А. Субъективная аналитическая категория интенсификации в русском языке // Аналитизм в лексико-

грамматической системе русского языка. Монография / П.А. Лекант (ред.). М.: МГОУ, 2011. С. 130–136.

Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Конструкции в Грамматике конструкций // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 19–24.

Русская грамматика. Том I / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 783 с. // Русская грамматика. URL: <http://www.rusgram.narod.ru/index1.html> (дата обращения: 26.10.2022).

Словарь русского языка: в 4-х т. Т. IV: С – Я / Ред. А.П. Евгеньева. Изд. 3-е, стер. М.: Русский язык, 1988. 797 с. – МАС.

Ховалкина А.А. Лексическое выражение степени величины признака в современном русском языке. Симферополь: Таврия, 1996. 80 с.

Fillmore C.J., Kay P., O'Connor M.C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of let alone. Language, 1988. 538 p.

Fillmore Ch.J., Kay P. Grammatical Construction and Linguistic Generalization: The What's X doing Y construction', Language, Vol. 75, 1999, 1–33.

AIRSOFTGUN.RU [сайт]. URL: <https://airsoftgun.ru/phpBB/viewtopic.php?t=5383> (дата обращения: 27.10.2022).

Kay P. An Informal Sketch of a Formal Architecture for Construction Grammar. 1998. Pp. 1–19. www.icsi.berkeley.edu/~kay/cg.arch.ps (дата обращения: 20.04.2022).

Lokalina J.S. The Construction *ot slova sovsem* as a Stable Conjunction

The article is devoted to the analysis of the construction *ot slova sovsem*, actively functioning in the modern Russian language as a stable combination. Special attention in the work is paid to the terms used: «construction», «intensifier» and «intensification». Important for this study is the history of the use *ot slova sovsem*, as well as the key component of the construction – the adverb *sovsem*. The

construction *ot slova sovsem* performs the role of an intensifier in a sentence, which «intensifies» the semantics of this or that unit in this or that sentence. Free combinations with the wordform *ot slova* led to the spread of such constructions (*hilarious ot slova horrible; went ot slova ran*), so the article also separately analyzes the stable model <*X from the word Y*>. The reason for the appearance of this model can be considered a general language tendency to intensification: *I do not know her, ot slova sovsem; I do not want to lose ot slova «sovsem»; it requires no investment ot slova sovsem*. The results of the analysis are presented on the material of contexts from personal blogs of Internet users.

Keywords: construction, intensifier, intensification, adverb, stable model.

Макарова Мария Максимовна

Борданова Анна Сергеевна

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

**Фидеистический фактор в становлении национальной
идентичности: культурологический аспект**

В статье рассматривается природа языкового знака, основные аспекты фидеистического склада языка, особенности данных структур и фидеистические проявления в современном русском языке (проиллюстрированные как словами, так и морфемами): рассматриваются некоторые часто употребляемые фидеистические структуры с ядерным значением сакральности. Кратко затрагивается историческая составляющая фидеизма: приводятся примеры культур с развитым религиозным складом ума, сакрализацией определенных жизненных аспектов и процессов, а также отражением фидеизма в речи и письме. Затрагиваются исторический и социальный аспекты развития русского языка, их становление и путь через лингвистические реформы и преобразования. Поднимается тема опасности десакрализации языкового знака. Подчеркивается возрастающая роль библиотек, в частности региональных библиотечных информационных центров, в сохранении и приумножении национальной идентичности граждан, основополагающим фактором которой названо патриотическое воспитание подрастающего поколения. Выделяются причины сохранения языка как главного фактора национального самосознания граждан.

Ключевые слова: фидеизм, фидеистическая парадигма, национальная идентичность, национальное самосознание, культура, история, патриотизм.

Язык заключает в себе самую простую, элементарную картину мира; религия – самую сложную, при этом в содержание религии входят компоненты разной психической природы. Язык

выступает как предпосылка и универсальная форма, оболочка всех других форм общественного сознания; религия – как универсальное содержание, исторически первый источник, из которого развилось все последующее содержание общественного сознания. Можно сказать, что язык – это универсальное средство, техника общения; религия – это универсальные смыслы, транслируемые в общении, заветные смыслы, самые важные для человека и общества [Мечковская 1998: 9]. Слово необходимо изучать не только с грамматической и исторической точки зрения, но и как единицу-носителя сакральной информации, культурного и генетического кода языковой личности.

Вербальный фидеизм, религия слова (от лат. *fides* – вера) – это область повышенного внимания к слову, «лихорадочное», страстное, глубоко личное к нему отношение [Степанов 2001: 376]. Слово в фидеистической трактовке рассматривается феноменом не грамматического, а духовного порядка, погружаемым внутрь сознания, в отличие от внешнего, объективного, информирующего слова, в котором «человек отсутствует» [Бибихин 1993: 34]. Фидеизм в той или иной степени прослеживается в культурах с развитым религиозным складом ума, сакрализацией определенных жизненных аспектов и процессов, а также устной, а впоследствии, и письменной речи. Так, к фидеистическим культурам можно отнести исламские страны и различные мистические течения в иудаизме. Фидеизм прослеживался и в славянском языке. Он отражался в так называемых «*стогнах*» – аналогично «*чакрам*» в восточных культурах – энергетических словах-носителях силы, укрепляющих дух их произносящего.

Фидеистическая схема коммуникации диалогична, т.е. содержит «двух участников действия, двух агентов или два актанта, ... вступающих в круговорот общения»: носителя веры и внушающего доверие [Степанов 2001: 379]. Исходя из данного понятия, очевидно, что больше всего слов, содержащих концепт фидеизма, приходится на молитвы, заклинания, клятвы, славянские веды и обценную лексику, иначе говоря,

направленные на двустороннюю, или одностороннюю (напр. заклинание себя) коммуникацию.

Национальная идентичность – сложный многофакторный аспект, определяющий национальное самосознание личности, который, наряду с этим, складывается из бесчисленного ряда факторов: социокультурная и политическая ситуация, происхождение, местообитание, вероисповедание, круг общения, изучаемые языки и пр.

Общественные тенденции сейчас таковы, что люди неодинаково реагируют на модернизацию / «архаизацию языка». Так, молодое поколение в большей степени ратует за языковые нововведения, нежели люди зрелого и преклонного возраста. И этому есть рациональное объяснение. За любой системой письма стоит философия того или иного народа и отдельной языковой личности, а внесение правок в полноценный «лингво-догмат» расценивается как «предательство традиций».

Отсюда и возникает логичное сопротивление общества корректировкам письменности (несмотря на удобство изменений, упрощающих язык). И здесь снова стоит обратиться к национальной идентичности народа, в лингвистическом коде которого языковые преобразования (особенно внезапные и кажущиеся беспричинными) вызывают негативные ассоциации. Истина в том, что всегда подобные корректировки подкреплены задачами идеологическими. Так, лингвистическая деградация общества тесно связана с десакрализацией слова [Маковский 1996: 10].

По словам Успенского, в большинстве случаев, «нельзя однозначно отделить фидеистические слова от слов логических, объективных» [Успенский 1993: 49]. Присущие им сакральный смысл и энергию вкладывает сам говорящий, искренне верящий в то, что его речь – истинная правда, стремящаяся наружу для дальнейшего роста в материю истинной силы. Иными словами, воодушевленность человека по отношению к своим словам, бережное, «интимное отношение к предмету наречия» [Копочева 2005: 238] и есть основа фидеистического уклада слова.

Помимо слов религиозного значения, к фидеистическим проявлениям можно отнести и видоизмененный с течением времени русский мат. И сразу возникает вопрос: стоит ли рассматривать мат как сложное социокультурное явление, национальное достояние и как следствие уничтожения табу, или же как «грех языка» [Баданин 2014: 5], подрывающий «здоровье всей нации, ее духовное здравоохранение» [там же: 18]. Однако, с какой бы стороны ни изучалась обценная лексика, очевидно, что человеком в нее вкладывается колоссальная внутренняя энергия и сила, что и подтверждает фидеизм данных языковых структур.

Таким образом, можно сформулировать ведущие факторы сохранения языка, как национальной составляющей:

1. **Необходимость в общности нации.** Национальная идентичность всегда является фактором, объединяющим и сплачивающим население перед лицом возможной опасности. Сохранение лингвистического «спасательного круга» не даст народу разобщиться в трудные времена, укрепит морально и поддержит духовно.

2. **Необходимость принадлежности к социуму.** Человек по своей природе – существо биосоциальное. Социальная идентичность в этом плане – один из глобальных институтов, принадлежность к которому культурно и социально обусловлена, а потому является естественной и неотъемлемой частью сформировавшейся личности.

3. **«Языковая консервация» и «территориальное отчуждение».** Данный фактор можно сформулировать как «утопичный» и трудный если не невозможный в своей реализации на практике. Так, необходима территориальная удаленность от всевозможных факторов языкового влияния, таким образом, обеспечивается полноценная консервация языка, но без развития такового. Подобным образом бережно и педантично сохраняется архаичный строй языка и речи у отшельников-старообрядцев.

Современная российская библиотека – это то место, где соединяются передовой и консервативный подходы: происходит

оцифровка старых дореволюционных изданий с применением новейших компьютерных технологий. Региональные библиотечные и информационные центры работают непосредственно с источниками – книжными памятниками, архивными документами, а также продвигают литературу родного края, литературу малых народов и, таким образом, сохраняют и обогащают литературный, культурный и языковой колорит страны. Итак, предлагаются следующие возможные способы сохранения национальной идентичности:

1. *Введение новых дисциплин патриотической направленности в программу среднего и высшего образования* (напр. «Вопросы о родном языке», или «Специфика становления русского языка»).

В силу сложности и многофакторности самого понятия «идентичности», введение подобных дисциплин для учеников младших классов будет неэффективно, и это вполне объяснимо: для детей младшего и среднего школьного возраста стоит акцентировать внимание на активных патриотических мероприятиях: проведении интерактивных классных часов, посещения этноярмарок, лингво-фестивалей или библионочей в ведущих библиотеках и музеях города.

2. *Поддержание и продвижение характерной для России тенденции «национальные символы ≠ бренд».* Данный общественно-культурный феномен обусловлен в основном доминирующей на протяжении большого отрезка времени монархической формой правления в стране, кроме того поддерживаемой религией: неуважительное отношение к государственной символике всегда каралось законом, вызывало общественное порицание. На контрасте ситуация обстоит в современных США, где изображение государственного флага встречается вплоть до нижнего белья, что неприемлемо для русской культуры. Таким образом, можно заметить, что для сохранения национальной идентичности в большей мере необходим консервативный подход, нежели демократичный.

3. *Многогранное и целенаправленное изучение фидеизмов и фидеистических конструкций, создание соответствующих толковых словарей, специализирующихся исключительно на лексике фидеистической направленности.* При поиске материала по данной теме пришлось столкнуться с катастрофическим дефицитом научных работ по данной тематике, неупорядоченностью материала, и, главное, дезинформацией. Так и возникла идея о создании специализированных словарей с упорядоченной информацией о фидеизмах. Особый момент, заслуживающий внимания – специфика разграничения фидеизмов от библеизмов, и архаизмов, для чего необходима помощь квалифицированных историков, лексикологов, лексикографов и религиоведов.

4. *Расширение историко-лингвистического кругозора молодежи с помощью специальных проектов библиотек РФ, с профильным направлением, и таким образом поддержание и продвижение библиотечной системы РФ.* Очень яркий пример – деятельность ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина», профиль комплектования которой отражает национальную идентичность, включая в себя модули «История», «Государственность», «Русский язык» и базовые электронные коллекции «Территория», «Власть», «Народ», «Русский язык».

Одна из форм работы с электронными ресурсами Президентской библиотеки – проведение интерактивной олимпиады «Россия в электронном мире» по предметам русский язык, история, обществознание. Данные дисциплины как нельзя лучше нацелены на воспитание национальной идентичности. И здесь опорной точкой могут стать задания, например, о выявлении, изучении фидеизмов в старославянских и церковнославянских источниках. Подобный труд, бесспорно, является практически значимым и актуальным для лингвистики, языкознания и, более того, для патриотического воспитания. И здесь видится проектная линия библиотек с институтами русского языка, профильными вузами, духовными семинариями, языковыми исследовательскими центрами и может

рассматриваться как один из аспектов формирования национальной идентичности, сохранения русского языка, фидеизмов. Это лишь один пример в сфере интеграции культурологии и языкознания.

5. Изучение и поиск фидеизмов в Библии и словарях, начиная с санскрита, старославянских, церковно-славянских и заканчивая архивными документами, историческими свидетельствами и пр.

В Таблице 1 приведены примеры некоторых часто употребляемых фидеистических структур (как слов, так и морфем).

Таблица 1

Выявленная фидеистическая конструкция	Перевод на иностранные языки (с целью выявления аналогичного фидеистического признака у слов и морфем)	Значение языковой структуры
<i>оле</i>	olé (исп.) w-állah (араб.)	рус. для придания возвышенности, сакральности, трепетания перед Богом, либо наоборот скорбь (в православных молитвах) исп. (восклицание радости, удовольствия и возбуждения) араб. восклицание «ради Аллаха!» (часто перед битвой)
<i>аллилуйя</i>	hallelujah (англ.) алѣлугиѡ (древнерус.) халелу Йах (ивр.)	Единое для всех языков значение: «Восхвалите Бога!» «Восхвалите Яхве!» (ивр.)

-яр ярый (война) яровой (земля, весна) ярило (весна) ярошь (война) яркий (весна, веселье) ярмо (земля, возможно по форме отсылает к Ярило) яре (старорус. <i>воины</i>) от данного слова произошли бояре	rabia (лат.) - ярость яра́ (болг.) «блеск, зарево» ζῆρος (греч.) «огненный, сильный»	Общеславянское – jaǫь (ярошь) старорусский корень -яр и производные от него слова (от имени Ярило – бога войны, землепашцев, весны и веселья) ярый (несущий в себе силу света)
-вед (старорус.) веды (санскр. <i>véda</i> — «знание», «учение») ведьма ведать вдова (праслав. или праиндоевр. <i>vъdova</i>)	valdyti (лит.) ведать widow (англ.) вдова вещица (болг.) ведьма witch (англ., швед.) ведьма	ведать (знать) ведьма (ведающая, знающая) вдова (разделенная – от лат. <i>divido</i> – «разделяю», «делю») веды (сборник древнейших священных писаний индуизма на санскрите)
-род природа роды родитель	восходит к общеславянскому глаголу <i>orditi</i> («расти») rodīč (чеш.) родитель roditelj (болг.) родитель narodziny (польск.) роды rôrod (словац.) роды	род (дающий ра: дающий свет, жизнь) природа (при жизни, при Боге) роды (ра производят) родитель (жизнь дающий)
-ра (старослав.) ура радость рай красный	hurrah (англ.) ura (тюркские языки) урагшаа (монг.) urra (итал.)	-ра: свет, огонь (в санскрите); в рус. и итал.: возглас радости в англ.: клич радости и подъем (у моряков) ура: у света у Бога в тюркских языках: императив «<i>бей!</i>» рай: у Бога монг.: «вперед!» красный: присущий к ра (присущий жизни)

Бог божба убогий божеский богатство	Bóg (польск.) Бог bůh (чеш.) Бог оубогъ (древнерус.) нищий, увечный	Одно из значений слова <i>Бог</i> – «богатство» божба-клятва именем Бога убогий-без бога (лишенный богатства) божеский – по Божьему уставу

На фидеистические структуры приходятся одни из самых часто употребляемых слов в современном русском языке, которые отражают самые востребованные и жизнеутверждающие догматы. Примечательно, что именно эти слова менее всего подверглись историческим изменениям и преобразованиям, что иллюстрирует насколько бережно народ относится к своему языковому достоянию – вот почему так опасна десакрализация языка, упоминаемая М.М. Маковским: слова, не имеющие сакральной ядерной структуры, нейтральные слова, в которые людьми вкладывается меньше всего эмотивной и духовной составляющей, очень быстро вытесняются другими или же вовсе исчезают из употребления.

Язык – главный, определяющий фактор национальной идентичности. Вот почему надо сохранять его: по возможности оберегать от неологизмов, сокращений, обращаться к архаике, восстанавливать утраченные языковые обороты и формы, изучать исчезающие языки, а также языки коренных народов, и, наконец, пропагандировать и продвигать среди населения идею сохранения языка.

Литература

Баданин М.А. Правда о русском мате. Изд. «Библиополис», СПб., 2014. 32 с.

Бибихин В.В. Язык философии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 416 с.

Копочева В.В. Слово в фидеистической парадигме // ЮРИСЛИНГВИСТИКА, № 6, 2005. С. 231–254.

Маковский М.М. Язык-Миф-Культура. Символы жизни и жизнь символов. М., 1996. 320 с.

Мечковская Н.Б. Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий. М., 1998. 321 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2. изд., испр. и доп. М., 2001. 989 с.

Успенский П.Д. Новая модель Вселенной. СПб.: Издательство Чернышева, 1993. 384 с.

Makarova M.M., Bordanova A.S. The fideistic factor of the national identity formation: to the issue of cultural aspect

In that article the main aspects of language fideistic mindset, the specifics of these structures and fideistic development in the modern Russian language (illustrated by words as well as morphemes) are discussed; some frequently used fideistic structures with a nuclear meaning of sacrality are considered. The historical component of fideism is briefly concerned, the examples of cultures with a developed religious mindset, a sacralization of certain aspects of life and processes, as well as the reflection of fideism in speech and writing are given. The historical and social aspects of the Russian language development, its formation and path through linguistic reforms and transformations are concerned. The topic of the danger of desacralization of a language sign is raised. The increasing role of libraries in conservation and multiplication of individuals' national identity is specifically highlighted. The patriotic upbringing, in turn, is mentioned as the fundamental and the main factor of the national self-consciousness nowadays. There are illustrated reasons for preserving a language as a leading factor of a national identity of people.

Keywords: fideism, fideistic paradigm, national identity, national self-consciousness, culture, history, patriotism.

Морохина Виктория Владимировна

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Образная номинация растений в русском и коми языках

В статье рассматриваются народные названия растений в русском и коми языках, проведена попытка проанализировать фитонимы с точки зрения этнолингвистики. Рассмотрение образной номинации в русском и коми языках обусловлено тем, что лексика народных названий отражает культуру и самосознание народов, уже давно живущих в тесном языковом и культурном контакте. Сопоставительный анализ образной номинации позволит выявить особенности восприятия действительности, в частности растительного мира, представителями разных народов – русского и коми – для установления специфики межкультурной коммуникации носителей этих языков. Это определило актуальность исследования.

Ключевые слова: образная номинация, фитоним, этнолингвистика, языковая картина мира, русский язык, коми язык.

Вопросами образной номинации в русском и коми языках и в, частности, в сфере номинации растений в русском языке, занимался ряд ученых, на работы которых мы опирались в своем исследовании. Это такие ученые, как А.К. Матвеев, М.Э. Рут, Е.Л. Березович, В.Б. Колосова, Е.А. Цыпанов и другие.

Рассмотрев образные наименования растений, извлеченные из диалектных словарей русского и коми языков, мы выявили семь сфер, ставших базой для внутренней формы слов-фитонимов. Это человек, семья, дом и двор, деревня, поле и луг, природное окружение и, условно говоря, внешний мир.

1. Обратимся к анализу представленного материала в русском языке. В сфере «Человек» наиболее продуктивным является имя человека, в частности, имя «Иван». Это

объясняется, во-первых, популярностью этого мужского имени в русской культуре. Во-вторых, тем, что это имя стало ассоциироваться с некоторыми национальными чертами русского человека: В.И. Даль писал, что Иван – это «простак, добряк» [Даль 2006: 5–6], в словаре русского арго слово «Иван» обозначает – «обычный человек (чаще глуповатый, наивный); дурак» [Елистратов 2000: 174]. В-третьих, имя «Иван» широко распространено в фольклоре (*Иванушка, Иван-дурак, Иван-царевич*). В связи с этим имя собственное получает свойства имени нарицательного, в частности, в названиях растений, например *Иван-чай* [СРНГ 12: 54], *болотный Иван* [СРНГ 12: 54], *Иван кочкин* [СРНГ 12: 54], *Иван-трава* [СРНГ 12: 55], *Иванова голова* [СРНГ 12: 55], *Иванова трава* [СРНГ 12: 55], *Иванов цвет* [СРНГ 12: 55].

К этой же сфере «Человек» в русском языке можно отнести признак «женщина», что прослеживается в таких наименованиях, как *девичья красота* [СРНГ 7: 316], *любовь девичья* [СРНГ 7: 316], *бабьи разметки* [СРНГ 2: 18], *бабий ум* [СРНГ 2: 19], *бабка* [СРНГ 2: 21], *матрѐнка* [СРНГ 2: 35]. Это можно объяснить тем, что чаще всего именно женщина взаимодействовала с растениями: ухаживала за огородом, собирала травы для лекарственного сбора и тому подобное.

Вторая сфера отождествления в русской образной номинации – это «Семья». Преимущественными опять же являются женские образы в фитонимах: *бабушка* [СРНГ 2: 30], *материнка* [СРНГ 18: 24], *мать-и-мачеха* [СРНГ 18: 41]. Любопытным в анализируемой сфере обнаруживается фитоним *мать-и-мачеха*. Образность возникла, вероятно, из-за особого строения листьев: «нижняя часть растения мягкая, как мать, верхняя же жесткая, как мачеха».

В следующей сфере, «Дом и двор», особенно выделяются фитонимы с образной номинацией продукты: «масло» (*масленок* [СРНГ 18: 12], *маслица* [СРНГ 18: 13], *масло* [СРНГ 18: 14]) и «молоко» (*молока* [СРНГ 18: 233], *молокай* [СРНГ 18: 233], *молокан* [СРНГ 18: 233]). Свое народное название фитонимы с

образной номинацией «масло», предположительно, получили, во-первых, из-за цвета, например, в фитониме *лилия желтая*, поскольку масло желтоватого оттенка. Во-вторых, в связи с ощущениями после соприкосновения с растением, к примеру, с *мокрицей*, так как эта трава влажная, сырая, напоминает масло после остужения и промывания в холодной воде, что являлось в древности основной частью приготовления данного продукта. Возникновение образной номинации фитонимов в группе «молоко» объясняется тем, что данные растения (*молочай*, *латук*, *одуванчик*) при надрезе выделяют белый сок, похожий на молоко.

Что касается сферы «Окружающая природа», то наиболее активным здесь является образная номинация, связанная с «камнем»: *каменный зверобой* [СРНГ 13: 19], *каменная золотарка* [СРНГ 13: 20], *исплек каменный* [СРНГ 13: 20], *каменный куст* [СРНГ 13: 20], *каменный можжевельник* [СРНГ 13: 20], *мойло каменное* [СРНГ 13: 20], *осолодка каменная* [СРНГ 13: 20], *каменная полынка* [СРНГ 13: 20], *каменная полынь* [СРНГ 13: 20], *каменный прострел* [СРНГ 13: 20], *уразник каменный* [СРНГ 13: 20], *каменный чай* [СРНГ 13: 20]. Данные фитонимы возникли в связи с тем, что рассматриваемые травы способны прорасти сквозь камни и непосредственно на них самих. Это явление позволило именовать их не иначе, как «каменный», что предполагает соотнесение не только с камнем, но и с характеристикой самого растения. Так, например, в Словаре русского языка (МАС) одно из значений слова «каменный» – ‘непоколебимый, стойкий, твердый’ [МАС 1986: 2, 23].

Далее обратим внимание на сферу «Внешний мир», в котором выделяются фитонимы с религиозной номинацией: *богородицына трава* [СРНГ 3: 53], *адамов*, *адамова борода*, *адамова голова* [СРНГ 1: 205], *адамово дерево* [СРНГ 1: 205], *адамова кость* [СРНГ 1: 205], *адамова трава* [СРНГ 1: 205]. Вероятно, народные названия эти растения получили из-за присущих им лечебных свойств: *богородицына трава* является ранозаживляющей, а *ятрышник* укрепляет иммунную защиту организма.

Таким образом, в русском языке особо выделяются фитонимы в сферах: «Человек», «Семья», «Дом и двор», «Окружающая природа», «Внешний мир».

2. Обратимся к народным названиям растений в коми языке. В сфере «Человек» наиболее активными предстают фитонимы с образной номинацией «голова»: *аньюр* [СКРБ: 1], *бабаюр* [СКРБ: 2], *вижсьюр* [СКРБ: 18], *виж юра купальнича* [СКРБ: 8], *вижсьюр турун* [СКРБ: 9], *вирёсьюр* [СКРБ: 9], *гарьюр* [СКРБ: 15], *гар юра турун* [СКРБ: 15], *гёнаюр* [СКРБ: 16], *гёрдьюр* [СКРБ: 17], *дедьюр* [СКРБ: 19], *маюр* [СКРБ: 39]. Объясняется это явление следующим: слово *голова* «ассоциируется с властью, жизненной энергией, силой, пространством рождения мыслей» [Масалева 2010: 9], что отображается в пословицах, например, *бур юр дырьи и ки-кокиды шань да тёлка* (при хорошей голове и ноги умны), *юрюд кё оз уджав, кокиды съёкыд* (дурная голова ногам покоя не даёт, букв., если голова не работает, то и ногам тяжело).

Народные наименования растений в данной группе, очевидно, возникли в связи с их внешней характеристикой, например, *вижсьюр* (мать-и-мачеха) буквально переводится как «жёлтая головка», *виж юра купальнича* (ветреница лютичная) – «купальница с жёлтой головкой», *вирёсьюр* (кровохлёбка лекарственная) – «кروвяная головка», *гёнаюр* (пушица) – «пушистая головка».

Следующая сфера «Дом и двор» представлена такими фитонимами, как: *вачача* [СКРБ: 6], *кёинчача* [СКРБ: 31], *лёзчача* [СКРБ: 37], *акань турун* [СКРБ: 1], *ваакань* [СКРБ: 6], *еджыд ваакань* [СКРБ: 21], *кёинакань* [СКРБ: 31], *кёкакань* [СКРБ: 31], которые в рассматриваемой сфере образуют группу «Игрушки».

Известно два значения слова «чача» – «игрушка» и «цветок» [Лыткин, Гуляев 1999: 303]. Возможно, изначально растение имело название с корнем «чача», например, *вачача*, что переводится как «водный цветок» и является весьма логичным для наименования кувшинки. Впоследствии же корень «чача» со значением «цветок» отошёл на второй план, и у этого же корня в

данном примере появилось другое значение – `игрушка`. В свою очередь, синонимом слова «игрушка» в коми языке является слово «акань» (кукла). Так образовался новый фитоним – *ваакань*. Эта смена значений корней наводит на мысль, что основная образность в рассматриваемой сфере заключается в слове «чача» со значением ‘цветок’, несмотря на отнесение слов с этим корнем к группе «игрушки».

В следующей сфере, «Окружающая природа», на первый план выходят фитонимы с образной номинацией «животные», в частности, овца (*балянёнъ* [СКРБ: 2], *балянянь* [СКРБ: 2], *баляпель* [СКРБ: 2]), лошадь (*вёванькыти* [СКРБ: 10], *вёвгормёк* [СКРБ: 10], *вёвзёр* [СКРБ: 10]), волк (*кёинакань* [СКРБ: 31], *кёинвотёс* [СКРБ: 31], *кёинсэтёр* [СКРБ: 31]), заяц (*кёчвёнъ* [СКРБ: 32], *кёчйён* [СКРБ: 32], *кёчшомакор* [СКРБ: 32]), корова (*мёсгаланка* [СКРБ: 40], *мёскыв турун* [СКРБ: 40], *мёссвеклё* [СКРБ: 40]).

В народных поверьях волка обычно отождествляли с нечистой силой, виной тому были его нападения на домашний скот и людей. Можно предположить, что вследствие ассоциативного языкового мышления возникло наименование ядовитого растения «волчье лыко». На коми язык данный фитоним переводится как *кёинвотёс*. Название растения *кёинсэтёр* (жимолость лесная, букв. волчья смородина) также получило образное наименование из-за опасности ядовитого растения.

Помимо подобного способа образной номинации на возникновение фитонима оказал влияние и другой фактор – сходство части тела животного и растения. Это языковое явление выражено в следующих названиях растений: фитоним *балянёнъ* (жимолость голубая, букв. вымя овцы) получил наименование из-за сравнения с выменем овцы; *вёвкокпыдёс* (копытень европейский, букв. ступня лошади) – из-за сходства листа травянистого растения с копытом лошади; уши зайца нашли отражение в образности фитонима *кёчвёнъ* (плаун булавовидный).

В этой же сфере особо выделяются фитонимы с образностью группы «птицы». Например, названия растений «сорока» (*катшаблюд* [СКРБ: 27], *катшамоль* [СКРБ: 27], *катшасин* [СКРБ: 27]) и кукушка (*кёкакань* [СКРБ: 31], *кёкбёрд* [СКРБ: 31], *кёкбёрдём турун* [СКРБ: 31], *кёкнитти* [СКРБ: 31], *кёксинва турун* [СКРБ: 31], *кёктоин* [СКРБ: 31], *кёкшабди* [СКРБ: 31]).

В современном коми языке внутренняя форма фитонимов *катшаблюд* и *катшасин* (ромашка) на уровне обыденного языкового сознания понимается как «сорочье блюдце» и «сорочий глаз», соответственно, вычлняя в его составе значимые части `катша` – «сорока», `блюд` – «блюдце» и `син` – «глаз». Однако, «на самом деле компонент *кати-*, появившийся в прапермскую эпоху, имел значение `белый`» [Ракин 1998: 581–582]. Следовательно, в основе образной номинации данных фитонимов лежит сравнение по цвету и по форме. Действительно, цветок ромашки напоминает белое блюдце и белки глаз.

Название растения *кёкнитти* (политрихум), *кёкшабди* (кукушкин лён), как в коми, так и в русском языке, образовалось ассоциативным образом: головка политрихума похожа на кукушку, сидящую на ветке. Фитоним *кёктоин* (хвощ) получил образное отождествление тем же способом, но к этому добавляется ещё и сема сравнения по форме головки хвоща с пестом.

Распределив по перечисленным сферам фитонимы с образной номинацией в русском и коми языках, можно сделать следующие выводы. Наиболее активными названиями растений с образным отождествлением в русском языке являются: в сфере «Человек» – группы «*имя человека*» и «*принадлежность к женщине*»; в сфере «Семья» – *члены семьи женского пола*; в сфере «Дом и двор» – *продукты молоко и масло*; в сфере «Окружающая природа» – *камень*; в сфере «Внешний мир» – *религиозные наименования (Богородицына трава, адамов, адамова борода)*. В коми языке классификация фитонимов с

образной номинацией выглядит иначе. Особо выделяются: в сфере «Человек» – группы «голова»; в сфере «Дом и двор» – группа «игрушки» (в значении «цветок»); в сфере «Окружающая природа» – группы «животные» (овца, корова, лошадь, заяц, волк) и «птицы» (сорока, кукушка).

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. 784 с.

Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. М.: Русские словари, 2000. 694 с.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР, Ин-т языкозн. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. 430 с.

Масалева Н.В. Соматизмы в русской языковой картине мира. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010.

Ракин А.Н. Этимология // Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г.В. Федюнева. М.: ДиК, 1998. 607 с.

Ракин А.Н. Словарь коми-русской ботаники. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2006. 320 с.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.–СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52 (издание продолжается). – СРНГ.

Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. – МАС.

Morokhina V.V. Figurative nomination of plants in the Russian and Komi languages

The article deals with folk names of plants in Russian and Komi languages, an attempt is made to analyze phytonyms from ethnolinguistic point of view. Consideration of figurative nomination in Russian and Komi languages is caused by the fact that vocabulary of folk names reflects culture and self-consciousness of the peoples

who have long lived in close linguistic and cultural contact. Comparative analysis of figurative nomination will reveal the peculiarities of reality perception, in particular, the vegetable world, by representatives of different peoples – Russian and Komi – in order to establish the specificity of intercultural communication of the speakers of these languages. This has determined the relevance of the research.

Keywords: figurative nomination, phytonym, ethnolinguistics, linguistic picture of the world, Russian language, Komi language.

Николаева София Александровна

Тверской государственный университет

Рыболовецкий промысел в языковой картине жителей района озера Селигер

В статье анализируются устойчивые словосочетания, зафиксированные в словаре «Селигер: материалы по русской диалектологии», отражающие рыболовецкий промысел. Диалектные единицы характеризуются по степени слитности составляющих компонентов (фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения) и по характеру диалектных единиц, встречающихся в них (фонетические, словообразовательные, морфологические, лексические и семантические). Были выделены основные тематические группы, в которых используются фразеологизмы, что позволило воспроизвести наиболее значимые для диалектоносителей фрагменты, сопровождающие этот промысел, а также все его этапы.

Ключевые слова: традиционная народная культура, рыболовецкий промысел, наивная картина мира, номинативная и экспрессивная функции.

Наиболее ярко национально-культурное своеобразие народа проявляется в образных средствах языка, среди которых одним из основных является фразеология. Воплощенные в ней образы могут носить как универсальный, общечеловеческий характер, так и национально-специфический, обусловленный мифологическими, религиозными представлениями нации, социально-историческим, духовно-нравственным опытом народа.

Языковая картина мира, как отмечает А.А. Буров, включает в себя словарь, совокупность образов, закрепленных в языковых знаках, идиостиль говорящего, языковую идеологию носителей

языка, тип ассоциативно-вербального отражения мира [Буров 2008: 43].

Термин «наивная картина мира» у Ю.Д. Апресяна является аналогом этого понятия, так как наивные знания (наивная геометрия, наивная физика пространства и времени и т. п.) извлекаются именно из единиц языка [Апресян 1995: 45]. Диалектная языковая картина мира относится к наивным, поскольку отражает наивные знания диалектоносителей о мире, извлекаемые из единиц языка.

В докладе проанализированы фразеологические единицы, в которых отражен рыболовецкий промысел жителей района озера Селигер, отраженный в словаре «Селигер: материалы по русской диалектологии» в 8 выпусках (2003–2020 гг.), в создании которого принимали участие ученые Санкт-Петербургского и Тверского государственных университетов.

Были времена, когда профессия рыбака была самой престижной на Селигере, именно рыбак был главным кормильцем и добытчиком.

С древних пор отлаживались устои и традиции народа, живущего на берегах озера Селигер, годами выстраивалось взаимодействие природы и человека, чем и был обусловлен баланс, где озеро славилось своими богатствами и красотой, а люди были обеспечены работой и пищей.

На протяжении существования промысла до самого его закрытия (в 60-е годы 20 века в связи с введением, как казалось тогда, прогрессивного способа ловли рыбы – электролова, который нанес непоправимый ущерб экосистеме Селигера) велась ежегодная работа по устройству и охране нерестилищ рыб, что поддерживало их высокую репродуктивность.

Не одно поколение профессиональных рыбаков работало на Селигере, сложились целые семейные династии, люди не просто работали на озере, они жили озером и были воспитаны в бережном отношении к нему. В ответ «жемчужина Верхневолжья» отвечала взаимностью и одаривала богатыми рыбными запасами, чистой водой и красивыми берегами.

В ходе исследования фразеологического состава тверских говоров, отражающего рыболовецкий промысел, мы проанализировали материал семи выпусков словаря «Селигер: материалы по русской диалектологии». Отобранные нами диалектные фразеологические единицы встречаются в Осташковском, Пеновском, Селижаровском, Торопецком и Фировском районах Тверской области, относящихся к западным среднерусским акающим говорам Селигеро-Торжокской группы.

В нашей работе используется определение фразеологизма, которое отражено в «Словаре фразеологической терминологии»: «Фразеологическая единица (фразеологизм, фразеологический оборот) – относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [Мокиенко 1989: 5].

По наиболее распространенной классификации, предложенной В. В. Виноградовым, в работе выделяется три типа фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания [Виноградов 1977: 140-161].

Эту классификацию фразеологизмов часто дополняют, выделяя вслед за Н. М. Шанским так называемые фразеологические выражения, которые также устойчивы, однако состоят из слов со свободными значениями, т. е. отличаются семантической членимостью и имеют принципиально важную синтаксическую особенность: представляют собой не словосочетания, а целые предложения [Шанский 1996: 69].

Собранный путем сплошной выписки материал, состоящий из 49 устойчивых сочетаний, отражающих существование и развитие рыболовецкого промысла в районе озера Селигер, был проанализирован по нескольким классификациям, первая из которых – структурно-семантическая характеристика фразеологизмов, включающая следующие типы:

1. 5 фразеологических сращений, например:

Δ *Лещей надавать*. ‘Побить кого-н.’. *Драка в автобусе была, один другом вмазал, лещей надавал*. Ост. Свапуще [Селигер 3: 210].

Выражение возникло в результате расщепления глагола «лескнуть» (‘хлестко, звонко ударить’) на словосочетание «дать леща» – с тем же значением. Далее произошло переосмысление и каламбурное сближение существительного «лещ» с наименованием рыбы.

2. 13 фразеологических единств, например:

> *Судная лодка*. ‘О большой лодке’. *Тогда парохода не было, в город на судных лодках ходили*. Ост. Коковкино [Селигер 3: 219].

3. 19 фразеологических сочетаний, например:

> *Рыбья артель*. ‘Косяк рыбы’. *Рыбья артель – это вроде стая*. Пен. Москва [Селигер 1: 18].

4. 7 фразеологических выражений, например:

> *Рыба в корму*. ‘Рыбацкое приветствие; пожелание успеха рыбаку’. *Мимо рыбака идёшь, если он на озере, крикнешь: «Рыба в корму, родной!»*. Фир. Яблонька [Селигер 3: 104].

Следующая классификация фразеологизмов распределяет их по характеру диалектных единиц, встречающихся в них:

1. Фонетические диалектизмы – лексемы, которые отличаются от литературного языка одной или двумя фонемами; найден 1 пример:

> *Гнать жерздь*. ‘Проталкивать невод жердью подо льдом’. *В пролубках жерздь гонят, невод подо льдом, подпихивают*. Валд. Красилово [Селигер 2: 80-81].

В «Словаре русских народных говоров»:

Жерздь, и, ж. ‘Жердь’. Кашин. Твер., 1897. Твер. *Жерздь тоньше, глубина толще*. «В языке местной интеллигенции оно не осознается как диалектизм». Калинин., Копорский, 1946. Новг., Пск., Яросл., Влад., Моск., Саратов. *Жерзди зимой в байне стоя, в предбайнике*. Тарт., Йыгев. Эст. ССР. ‘Толстая жердь’. Фасмер [с пометой «диалектное»] [СРНГ 9: 141].

2. Грамматические диалектизмы – формы слов, которые не существуют в литературном языке; было найдено 4 примера:

> **Озерной вѣтер.** ‘Ветер с озера’. *Как озерной вѣтер, так он холодный.* Дем. Полново [Селигер 4: 226];

3. Лексические диалектизмы – слова, обладающие собственным планом выражения, значение которых есть в литературном языке; найден 1 пример:

> **Ходить в кригу.** ‘Ловить рыбу специальной сетью, кригой’. *Ходить в кригу надо осторожно – это запертая ловля. Тихонько надо.* Тороп. Василево [Селигер 3: 137];

4. Семантические диалектизмы – лексические единицы, план выражения которых совпадает с литературным языком, а план содержания меняется; было найдено 5 примеров:

> **Бить дырки.** ‘Делать лунки в озере’. *Зимой в озере дырки бьём, снасти ставим.* Ост. Белка [Селигер 1: 44].

Бить. ‘Изготавливать что-либо, делать особым образом (в сочетаниях, обозначающих производственные процессы)’ [СРНГ 2: 301]. В данном случае «бурить, прорубать»;

5. Словообразовательные диалектизмы – слова, которые отличаются от слов литературного языка на 1–2 морфемы; был найден 1 пример:

> **Лесовая русалка.** ‘Русалка, которая живет в лесу’. *А баба распустил теперь волосы, как русалка лесовая, как коты её трепали.* Ост. Белка [Селигер 3: 206];

В ходе анализа были выделены следующие типы фразеологизмов:

1. Именные фразеологизмы; 27 образцов, например:

> **Глухие вёсла.** ‘Весла, закрепленные на одном месте’. *Закрепленные глухие вёсла: их вставишь и не надо в руках держать.* Ост. Шешь [Селигер 1: 174];

2. Глагольные фразеологизмы; 12 образцов, например:

> **Брать на глоток.** ‘Заглатывать крючок (о рыбе)’. *Червя до дна не долетает; шмок его: берёт на глоток [рыба].* Ост. Коковкино [Селигер 1: 173];

3. Адъективные фразеологизмы; 2 образца, например:

> **Скли́зкий, как у́горь.** ‘Об изворотливом, хитром человеке’. *Кто хитрый, так бабы говорят: тот склизкий, как у́горь.* Ост. Овинец [Селигер 7: 344];

4. Наречные, или адвербиальные, фразеологизмы; 6 образцов, например:

> **На луч.** ‘Особый способ рыбной ловли, когда рыбу привлекают светом’. *Большинство ловить рыбу ездят на луч, ставят козу [козлы], а там смольё горит, воду освещает.* Тороп. Дуброво [Селигер 3: 233];

Следующий выделенный нами принцип классификации – наличие или отсутствие оценочного компонента фразеологического высказывания.

Из выбранных нами фразеологизмов 35 выступают в номинативной функции, т.е. отражают наименования существующих реалий, и 13 – в экспрессивной, т.е. передают определенные чувства и эмоции.

В ходе исследования нами было выделено несколько тематических групп фразеологических единиц:

1. Наименование рыбы – 8 примеров. Из них 6 выполняют номинативную функцию, например

> **Берёзовый лец.** ‘Лец весеннего улова’. *Берёзовый такой лец, который нерестится во время появления серёжек у берёзы.* Тороп. Грядцы [Селигер 3: 210];

И 2 примера выполняют экспрессивную функцию:

> **Ёриш преподобный,** шутол. ‘Рыба ерш’. *Лец, густера, ёриш преподобный селигерский.* Ост. Городец [Селигер 5: 96].

2. Действия, сопровождающие ловлю рыбы – 7 примеров. Все выполняют номинативную функцию.

> **Поёхать одинкóм.** ‘Порыбачить с помощью невода’. *Одинкóм паёдешь по озеру, так и всякой рыбы наловишь.* Ост. Белка [Селигер 4: 485].

3. Действия, сопровождающие жизнь рыбаков – 2 примера. Также выполняют номинативную функцию.

> **Пройти́ на проры́в.** ‘Перейти (озеро) по льду’. *На проры́в не пройдёшь, оно [озеро] уж шипурóм, лёд-то*

шевельный. На прорыв – это на тот берег. Фир. Гребенёво [Селигер 5: 174].

4. Человек – 2 примера. Выполняют экспрессивную функцию.

> **Селигёрский ёри**, ирон. ‘Прозвище местных жителей’. *И людей-то зовут селигёрский ёри.* Ост. Городец [Селигер 2: 67].

5. Блюдо, кушанье, еда – 1 пример. Номинативная функция.

> **Ры́бная ко́рка.** ‘Особый вид рыбного пирога’. *Мы любим молоко с ры́бной ко́ркой.* Ост. Белка [Селигер 3: 104].

6. Мифологическое существо – 1 пример. Экспрессивная функция.

> **Лесова́я руса́лка.** ‘Русалка, которая живет в лесу’. *А баба распустил теперь волосы, как руса́лка лесова́я, как коты её трепали.* Ост. Белка [Селигер 3: 206].

7. Объекты местности – 1 пример. Номинативная функция.

> **Боло́тное о́зеро.** ‘Озеро с заболоченными берегами’. *Ну, боло́тное о́зеро с худыми берегами.* Ост. Волговерховье [Селигер 1: 55].

8. Явления природы, погоды – 3 примера. Из них 2 выполняют номинативную функцию, например:

> **Льди́нка в о́зеро упáла.** ‘Вода становится холоднее’. *Канчайте, рябята, купаться: Илья Пророк, льди́нка в о́зеро упáла.* Ост. Пачково [Селигер 4: 226];

И 1 пример – экспрессивную:

> **(Как) с плеча́.** ‘О сильном потоке воды (о дожде или разливе реки)’. *Глаз не показать поливень – как с плеча́ дождь идёт.* Ост. Бельково. *Вышел, а дождь-то как с плеча́.* Там же. *Речки идут с плеча́: дождь проиёл, они и разольются.* Ост. Залесье [Селигер 4: 393].

Фразеологизмы следующих 4 тематических групп выполняют только номинативную функцию.

9. Названия сетей – 7 примеров.

> **Болта́льная сеть.** ‘Разновидность рыболовной сети’. *Болта́льная сеть бывает, с ней, когда ловят, двое в лодке гребут, а третий тресты болтком разбалтывает.* Ост.

Заплавье. *Мы с братом на болтальные сети ловили.* Ост. Жар. *Болтальные сети – ботало по-научному. Закидываешь крюк, как буквой «с», и рыба в сетку запутывается.* Ост. Березово. *Весной неводом – снетков, а зимой – болтальным сетям.* Ост. Светлица. *Мой дед ловил рыбу болтальным сетям.* Ост. Глубочница [Селигер 1: 56-57].

10. Название снасти – 1 пример.

> **Прошестная плушка (плутка).** ‘Вид поплавка для невода’. *Плушки бывают прошестные и полипрошестные. Иногда полипрошестные сымаются, а прошестные остаются, чтобы невод опустился ниже ко дну. Против плутки всегда должен быть камень: и против прошестной, и против полипрошестной.* Ост. Карпово [Селигер 5: 187].

Плутка и **плушка**, ж. ‘Вид поплавка у невода или сети’. *Плутка сверху плавает, и сеть далеко видна.* Ост. Куряево [Селигер 5: 399].

11. Способы ловли – 2 примера.

> **Приворотный угол.** ‘Часть проруби, где невод поворачивают к выемке’. *От угла приворотного к выемке поворачивают.* Ост. Острица [Селигер 5: 104].

12. Средства передвижения – 6 примеров.

> **Обгонная доска.** ‘Доска по верху борта лодки’. *Наверху абгонная доска для жесткости, на верху борта.* Селижар. Ланино [Селигер 4: 160].

4 заключительные группы выполняют экспрессивную функцию.

13. Пожелание – 1 пример.

> **Рыба в корму.** ‘Рыбацкое приветствие; пожелание успеха рыбаку’. *Мимо рыбака идёшь, если он на озере, крикнешь: «Рыба в корму, родной!».* Фир. Яблонька [Селигер 3: 104].

14. Предостережение – 1 пример.

Δ **Язя есть нельзя.** ‘Предостережение об употреблении подозрительной пищи’. *Язя есть нельзя – это паговорка така; гаварит эта паговорка: дура не ешь.* Фир. Хриплы [Селигер 4: 115].

15. Оценка – 1 пример.

> *Склизкий, как угорь.* ‘Об изворотливом, хитром человеке’. *Кто хитрый, так бабы говорят: тот склизкий, как угорь.* Ост. Овинец [Селигер 7: 344].

16. Действие, основанное на переносном значении – 4 примера.

Δ *Нажраться огурцов.* ‘Наглотаться воды, купаясь’. *Если нахлябался вады в прудки, гаварят, нажрался агурцов.* Тороп. Василёво [Селигер 4: 34].

Обращение к фразеологии тверских говоров, и в частности говоров района озера Селигер, обусловлено стремлением прикоснуться к сокровищнице традиционной народной культуры данной местности, к основному до недавнего времени занятию жителей этого края – к рыболовецкому промыслу. Анализ фразеологических единиц, представленных в словаре «Селигер: материалы по русской диалектологии», показал, что рыболовецкий промысел был основным родом занятий жителей района озера Селигер вплоть до 60-х гг. 20 века. Он до сих пор сохраняется в народной памяти и языковой картине мира диалектоносителей и отражает современное состояние селигеро-торжковских говоров, так как материалы для словаря собирались в конце 20–начале 21 века. Анализ показал, что фразеологические единицы выполняют в основном номинативную функцию, запечатлевая основные детали и этапы этого трудного промысла, сохраняя при этом эмоциональную составляющую жизни рыбаков.

Литература

Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.

Буров А.А. Формирование современной русской языковой картины мира (способы речевой номинации): Филологические этюды. Монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2008. 319 с.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.

Селигер: материалы по русской диалектологии. Словарь / под ред. А.С. Герда, Н.В. Богдановой-Бегларян. Вып. 1–8. СПб.; Тверь: Изд-во СПбГУ; Тверской ун-т, 2003–2020. – Селигер.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.–СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52 (издание продолжается). – СРНГ.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.

Nikolaeva S.A. Fishing in the language picture of the inhabitants of the Seliger Lake area

The article analyzes the stable phrases recorded in the dictionary "Seliger: materials on Russian dialectology", reflecting the fishing. Dialect units are characterized by the degree of fusion of the constituent components (phraseological mergers, phraseological units, phraseological combinations, phraseological expressions) and by the nature of the dialect units found in them (phonetic, word-formation, morphological, lexical and semantic). The main thematic groups in which phraseological units are used were identified, which made it possible to reproduce the most significant fragments for dialect speakers accompanying this fishery, as well as all its stages.

Keywords: traditional folk culture, fishing, naive picture of the world, nominative and expressive function.

Петрова Мария Юрьевна

Вологодский государственный университет

Производные наименования человека в контексте проблем лингвистической конфликтологии

В работе анализируются производные наименования людей в период коронавирусной пандемии. В статье выявляются основные их функции в речевом конфликте, проводится анализ механизмов их образования и их ассоциативной координации. В зависимости от цели использования производных наименований в речевом конфликте они делятся на лингвокреатемы и игремы. Материалом для исследования послужил словарь коронавирусной эпохи, изданный Институтом лингвистических исследований Российской академии наук.

Ключевые слова: лингвоконфликтология, речевой конфликт, лингвистика креатива, неологизмы коронавирусной эпохи, лингвокреатема.

В языкознании (как и в остальных гуманитарных отраслях современной науки) принцип антропоцентризма является ведущим. Таким образом, личность человека изучается в разных направлениях и аспектах, например, в лингвистике креатива в центре внимания исследователей находится реализация творческих возможностей в использовании языковых средств, лингвокреативное мышление индивида. В период пандемии COVID-19 в русском языке появилось много неологизмов, которые быстро вошли в активный словарный запас, так как обозначали новые и необходимые для общества в то время явления. При этом с определением их лексического значения почти не возникает проблем, так как у них достаточно прозрачная внутренняя форма словообразовательного типа. Неологизмы были отражены в словаре русского языка коронавирусной эпохи, изданном Институтом лингвистических исследований Российской академии наук. Разное отношение

людей к возникшим реалиям часто становилось причиной речевых конфликтов, что является областью знаний лингвоконфликтологии. Одним из способов выражения своей позиции стали производные наименования оппонентов в споре и других людей, непосредственно связанных с темой конфликта. В зависимости от цели использования производного наименования в конфликте можно говорить о лингвокреатемах и играх.

Продукт любой лингвокреативной деятельности, проявляющей способность говорящих к конструктивному мышлению и порождению разного рода новаций, называется лингвокреатемой [Гридина, Коновалова 2022: 31-32]. Основной функцией возникновения лингвокреатема в эпоху коронавируса стала компенсаторная, так как эти слова значительно облегчали процесс коммуникации в условиях новых реалий. Для обозначения врачей, людей, заболевших ковидом с симптомами или без, оказавшихся на карантине использовались словообразовательные модели, привычные для нашего языка. Например, *бессимптомник* (ср. беспризорник), *ковидист* – ‘врач-специалист по коронавирусной инфекции’ (ср. акварелист), *карантинец* (ср. комсомолец). Помимо морфемных способов словообразования, часто встречаются неморфемные, в частности морфолого-синтаксический способ образования. Например, прилагательное *«ковидный»* употреблялось в качестве существительного, когда речь шла о человеке, зараженном коронавирусной инфекцией. В контексте речевого конфликта коммуниканты могли использовать эти лингвокреатемы, чтобы просто обозначить одну из перечисленных групп людей (врач, человек, заболевший ковидом или оказавшийся на карантине).

Еще одной немаловажной функцией появления лингвокреатема стало активное выражение своей позиции по отношению к самому вирусу и вызванными им ограничениями во всех сферах жизни. Учитывая специфику восприятия слов, выполняющих эту функцию, в этом случае можно говорить об играх. Игра – разновидность лингвокреатемы, содержащей в себе осознанно (намеренно) смоделированный парадокс,

основанный на одновременной актуализации и ломке, переключении ассоциативных стереотипов порождения, восприятия и употребления вербальных знаков [Гридина, Коновалова 2022: 31-32]. В работе Т.А. Гридиной «Языковая игра: стереотип и творчество» подробно рассматриваются конструктивные принципы создания игрем. Самым частым из них в образовании анализируемой нами группы слов является ассоциативная интеграция, основанная на совмещении значения и формы ассоциантов. Все эти производные наименования были образованы путем контаминации. Если анализировать их ассоциативную координацию, то слова, относящиеся к этому принципу создания игрем, можно разделить на несколько групп. Первая группа – наименования сторонников соблюдения всех ограничительных мер в речи ковид-диссидентов. У одного из слов, участвующих в контаминации, всегда есть корень, семантически связанный с карантином или названием вируса. Лексическое значение второго слова содержит отрицательную оценку действий и позиции «карантинomanов». Встречаются такие наименования как *ковидофреник*, *коронафреник* (ковид/корона + шизофреник), *короноек* (корона + параноик). Надо заметить, что в речи сторонников соблюдения карантина есть только одно наименование ковид-диссидентов, семантически связанное с психическими расстройствами человека – *ковидоидиот*. В этих словах, составляющих вторую группу, только отражается факт отрицательного отношения «ковид-нигилистов» к ограничительным мерам, например, *ковигист* (ковид + пофигист), *коронагностик* (корона + агностик). К третьей группе слов, образованных путем контаминации, относятся наименования по виду деятельности во время карантина. Лексическое значение второго слова может быть связано с конкретной профессией (*ковироучер* – коронавирусный + коучер), с отношением к труду (*карантиголик* – карантин + трудоголик) или с возникшим в условиях ограничения передвижения занятием (*карантье* – карантин + рантье). Ассоциативная координация слова «*ковидонавт*»

отличается от других слов этой группы. Она возникла и на основе соотнесения скафандра космонавтов с защитной одеждой врачей, работающих с больными коронавирусом, и на основе осознания значимости и опасности работы докторов в период пандемии.

Другим конструктивным принципом создания производных наименований является ассоциативная выводимость. Ее средствами стали ложная мотивация слова и структурные аналогии. Словом-прототипом для окказионализма «*зумби*», который обозначает людей, одержимых общением через зум, стала узуальная лексема «зомби». Название программы для видеоконференций является в этом случае псевдомотиватором (созвучной узуальной лексемой). Таким образом, в этом неологизме четко прослеживается схема ложноэтимологической реноминации из работы Т.А. Гридиной «Языковая игра: стереотип и творчество». Точно такое же преобразование произошло с этим словом и в английском языке: *zombie* – *zoombie*. Ассоциативная координация у этого наименования осуществляется на лексическом уровне (ср. зомбировать – ‘превращать человека в зомби – послушного исполнителя чужой злой воли’ и зумби как человек, попавший под влияние зума). Языковые схемы, относящиеся к неморфемным способам словообразования, встречаются чаще всего при анализе производных наименований человека в эпоху коронавируса. Среди них встречаются и слова, лексическое значение которых определяется легко, например, *ковидопаникер*, *коронаалармист*, *ковидоскептик*, и слова с корнями греческой этимологии, например, *карантинофил*, *карантинофоб*. Заметно выделяется из всех слов окказионализм «*зум-русалка*», так как вторая часть этого слова связана с восточнославянской мифологией. Русалка представляет собой существо в образе женщины с рыбьим хвостом, зум-русалка – ‘участник видеоконференции, который совмещает в одежде официальный – для видимой на экране части – и неофициальный стиль’. Наименований, образованных морфемным способом, меньше, чаще всего встречается суффиксальный способ словообразования, при этом эти

суффиксы имеют значение действующего лица (например, *гречник, ковид-енок, зум-ер*).

Таким образом, в словообразовательной структуре игрем всегда встречается элемент, отражающий реалии пандемии COVID-19, которые в свою очередь становились главным содержанием речевых конфликтов того времени (например, маски, зум, название нового вируса, вакцина от него). Среди всех производных наименований чаще всего встречаются те, которые отражают диаметрально противоположные взгляды на коронавирус и его ограничения, они являются наименованиями самих коммуникантов конфликта, если иметь ввиду спор «ковид-диссидентов» и «карантинманов». Слово «ковидоидиот» является единственным зафиксированным неологизмом в этом словаре, который встречается в речи обеих этих групп по отношению друг к другу. В лексическом значении других слов, проанализированных нами, может преобладать положительная оценка и юмор (например, *зум-русалка, карантинозавр*) или отрицательная оценка, связанная с зависимостью человека от новостей, интернета (например, *думскроллер, зумби*).

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1996. 214 с.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Лингвокреативный потенциал эргонимий в аспекте их порождения и восприятия: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики № 2 (52), 2022. С. 30–45.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская [и др.] / Ред. коллегия Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. редактор) [и др.]. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

Petrova M.Y. Derived naming of the person in the context of linguistic conflictology problems

The author analyzes derived namings of the person which appeared during the period of coronavirus pandemic. The article shows the main functions of these namings in conversational conflicts, the analysis of formation mechanisms and their coordination by associations. The derived namings can be divided into two parts: linguistical creations and game-units (this division depends also on the goal of use of such namings in conversational conflict). The material for the study was the dictionary of a Russian language during coronavirus pandemic published by the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: linguistic conflictology, conversational conflict, linguistic creativity, neologisms of the coronavirus era, linguistical creation.

Плесовских Дарья Владимировна

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Лингвистические средства изображения национального характера в литературном дискурсе и их передача при переводе

В статье рассматриваются русские фразеологизмы и их перевод на английский язык на материале художественных произведений. Выявлены причины проблемы передачи русского национального характера при переводе и выделены наиболее подходящие способы перевода лингвистических средств, для того чтобы сохранить настоящую «русскую душу» в произведениях на переводческом языке.

Ключевые слова: национальный характер, фразеологизм, перевод, картина мира, язык.

Национальный характер – это совокупность традиций, обычаев, стереотипов, особенностей поведения и образа мыслей, характерных для конкретного этнического сообщества. Кроме того, национальный характер человека может проявляться через язык, на котором он говорит.

Язык народа – это прежде всего его историческая память. С помощью него люди общаются между собой, передают знания и опыт из поколения в поколение. Язык играет огромную роль в формировании личности в современном социуме, так как определяет его картину мира. Она формирует тип отношения человека к окружающей его среде, систему ценностей, религию и задает нормы поведения. Таким образом складывается единая система взглядов, которая свойственна всем носителям языка.

В наше время существует огромное количество памятников истории и культуры разных народов. Одним из таких является книга. К теме русского национального характера в своих произведениях обращались многие писатели, такие как Александр Сергеевич Пушкин, Николай Алексеевич Некрасов,

Федор Михайлович Достоевский, Николай Васильевич Гоголь, Максим Горький и другие. Анализируя специфику языка в художественном произведении, мы можем проследить определенную картину мира, сквозь призму которой писатель видит мир. В литературе языковая картина мира может быть запечатлена в лексике и грамматике. Так, лингвистические средства, используемые автором, могут отражать не только быт и обычаи народа, но и особенности его восприятия мира, мотивов поступков.

В современном мире иностранные читатели сталкиваются с проблемой понимания русских текстов. Книга – это отражение национального характера, к которому принадлежит автор. Следовательно, переводчику для полного понимания текста и более точного его перевода необходимо знать культуру страны исходного языка.

Таким образом, *актуальность* данной работы определяется активным развитием международных отношений в современном мире. Для продуктивного общения людям следует понимать иноязычную культуру и знать своеобразие стилистики языка, чтобы избежать неприятных ситуаций в процессе коммуникации.

Целью исследования является определение лингвистических средств при изображении русского национального характера в литературном дискурсе и анализ их передачи при переводе на английский язык.

Цель исследования определила постановку его *задач*:

1. Выявить лингвистические средства в произведениях русских авторов при изображении национального характера;
2. Изучить произведения русских авторов, переведенных на английский язык;
3. Выявить языковую картину мира русского народа в понимании английскими авторами;
4. Определить, какие способы перевода использовал переводчик русскоязычного текста для передачи его национального характера.

В основе исследования лежит *метод* изучения и анализа текста и *метод* семантического анализа исследуемого объекта. Мы выявили 63 фразеологические единицы в русскоязычных художественных произведениях, отражающих национальный характер, часто переводимых на английский язык, среди них: Грибоедов А.С. «Горе от ума»; Гоголь Н.В. «Мертвые души»; Достоевский Ф.М. «Братья Карамазовы», «Идиот»; Пушкин А.С. «Евгений Онегин»; Толстой Л.Н. «Война и мир».

Предметом исследования являются тексты произведений русских писателей, отражающие русский национальный характер и их перевод на английский язык англоязычными переводчиками.

Объектом исследования являются англоязычные и русские лингвистические средства, зафиксированный в тексте, их природа, структура и семантика.

1. Языковая картина мира, как отражение национального характера, и ее роль при переводе.

По утверждению А.П. Садохина, языковая картина мира – это коллективный продукт миропонимания. Считается, что условия жизни людей определяют их сознание и поведение, что получает свое отражение в языке. С другой стороны, человек воспринимает мир преимущественно через формы родного языка [Садохин 2004: 103].

Следовательно, каждый человек видит мир сквозь призму своего родного языка, его структура определяет мышление человека и способ познания реальности. Люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир. Таким образом, национальный характер тесно взаимосвязан с языком.

Многие русские писатели изображают национальный характер в своих произведениях путем использования фразеологизмов, устойчивых выражений и антропонимов. Перечисленные лингвистические средства передают национально-культурное мировоззрение народа, его культурную самобытность и взгляды на различные ценности. В данной статье мы более подробно рассмотрим фразеологические единицы. К примеру, следующие фразеологизмы, активно используемые в

русском языке, отражают следующие черты национального характера:

1. Трудолюбие: «Как белка в колесе»; «Терпенье и труд всё перетрут»; «Дело мастера боится».

2. Гостеприимство, доброта: «Дать добро»; «Зайти на огонек».

3. Смелость, сила воли: «Стоять горой»; «Пройти огонь и воду и медные трубы».

4. Религиозность: «Никто не может, так Бог поможет».

В Большом энциклопедическом словаре «Языкознание» термин «фразеологизм» определяется как «общее название слов и предложений, которые связаны семантически. Они воспроизводятся в процессе речи в соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [Ярцева 1998: 682].

Иными словами, фразеологизм – это устойчивое выражение, смысл которого определяется совокупностью слов. Отсюда, возникает сложность их перевода. Для того чтобы фразеологизм был понятен иностранному читателю, переводчику необходимо знать не только значения отдельных слов на исходном языке и их аналог на языке-реципиенте, но и уметь передать их смысл в общем контексте. В таком случае, лингвисты используют переводческие трансформации.

В.Н. Комиссаров считает, что «переводческие трансформации – это преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле. И, поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц» [Комиссаров 1990: 172].

2. Примеры русскоязычных фразеологизмов и способы их перевода на английский язык.

Рассмотрим знаменитое выражение Александра Чацкого «Служить бы рад, прислуживаться тошно» из пьесы Александра

Сергеевича Грибоедова «Горе от ума», которое стало устойчивым в русском языке.

1) Служить – это глагол, обозначающий «работать, состоять на службе» [Ефремова].

2) Прислуживаться – это глагол, в значении «пытаться лестью и услугами заслужить чье-либо расположение».

Таким образом, выражение означает готовность человека нести честную службу для благой цели, защищать Родину, но не унижаться перед кем-либо ради получения поощрения. Можно сделать вывод, что в данной фразе отражаются следующие черты русского национального характера: гордость, свободолюбивость, патриотизм и честолюбие.

Мэри Хобсон, британская писательница, в англоязычном варианте «WOE FROM WIT» дала фразе следующий аналог:

«I'd love to serve. Servility is what I hate».

Дословный перевод: *«Я бы с удовольствием служил. Раболепие — это то, что я ненавижу».*

В русско-английском словаре крылатых слов И.А. Уолш, Николас Бенардаки дал фразе следующий перевод:

“Serve, willingly – be obsequious, never!”.

Перевод: *Служи, охотно – будь угодлив, никогда!*

В двух случаях переводчикам удалось передать первоначальный смысл фразеологизма «Служить бы рад, прислуживаться тошно» при помощи переводческих лексических и грамматических трансформаций. Переводчики используют описательный метод перевода фразеологических единиц, так как на языке-реципиенте нет идентичной фразеологической единицы. Кроме того, была заменена структура предложения путем лексико-грамматических трансформаций, опираясь на нормы английского языка. В первом случае, Мэри Хобсон добавляет подлежащее “I”, во втором предложении на первое место ставит также подлежащее “servility”, тем самым изменяя первоначальные формы слов и их части речи. Это обусловлено тем, что в переводческом языке нет аналога слову «прислуживаться», для того чтобы восполнить художественную-

идейную композицию, писательница, изучив значение слова на исходном языке, заменяет данное выражение синонимичным словом на языке-реципиенте.

Рассмотрим еще один пример из произведения Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы».

Текст на языке оригинала: *«Довела до того, что мальчишки и в самом деле стали было чрез нее над ним насмехаться и начали дразнить его тем, что он **маменькин сынок**»*.

Фразеологизм «маменькин сынок» используется в русском языке для обозначения избалованного, слабохарактерного мужчины, который думает и действует не самостоятельно, а по указам своей матери.

В англоязычном варианте, переведенном английской писательницей К. Гарнетт, дан следующий аналог: *«She went so far that the boys actually began to mock at him on her account and taunt him with being a "mother's darling"»*.

Дословный перевод: *«мамин любимец»*.

Выражение «mother's darling» имеет следующее значение: мальчик, который чем-либо заслужил уважение своей матери; любимый сын или любимчик.

В английском языке нет фразеологического аналога данному выражению. Писательница выбрала неудачный способ перевода, используя лексическую трансформацию. Соответственно, исходный смысл фразеологизма был изменен. У иностранного читателя может возникнуть когнитивный диссонанс: почему герои произведения насмехаются над любимым сыном матери, в то время как все дети стремятся к данной позиции.

По нашему мнению, в данном случае лучше использовать описательный метод перевода, то есть объяснить значение фразеологизма «маменькин сынок» исходного языка на переводческом языке другими словами; дать ему определение.

Таким образом, мы проанализировали более 50 русскоязычных фразеологизмов и сделали следующие выводы:

1) Фразеологизмы отражают наиболее характерные черты определенного этноса. Так, проведя смысловой анализ русских фразеологических единиц, можно сделать вывод, что русский национальный характер представляется смелым, гордым, патристичным, трудолюбивым.

2) В наши дни одна из главных проблем англоязычных переводчиков при переводе художественных произведений – передача своеобразного колорита русского национального характера, запечатленного в лингвистических средствах.

3) Чаще всего англоязычные переводчики используют описательный метод перевода фразеологизмов, применяя грамматические и лексические трансформации. Реже применяется дословный перевод. Если переводчик использует данный способ перевода, то ему обязательно следует делать сноски, которые будут объяснять устойчивые выражения исходного языка, в противном случае, иностранный читатель может не понять смысл.

Литература

Берков В.П., Уоли И.А. Русско-английский словарь крылатых слов. М.: Рус. яз., 1984. 281 с.

Васильевич А.П. К методике исследований гипотезы Сепира-Уорфа // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982. С. 24.

Девель Л.А. Язык для специальных целей сохранения культурного наследия (По материалам документации конвенций ЮНЕСКО) // Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок. Материалы XII Всеросс. н.-практ. конф. СПб.: СПбГУП, 2022. С. 44–46.

Казакова Т.А. Практические основы перевода. English <=> Russian. Учебное пособие. СПб.: Издательство «Союз», 2005. 320 с.

Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высш. шк., 1990. 254 с.

Леонтович О.А. «Сделать правду правдоподобнее»: к проблеме интерсемиотического перевода произведений Ф.М.

Достоевского // Коммуникативные исследования. Т. 9, № 3. Омск: ОГ., 2022. С. 485–499.

Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. 288 с.

Толковый словарь русского языка Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.10.22)

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Сов. энцикл., 1967. 542 с.

Читальный зал онлайн-библиотеки «Классика Книги». Литература на иностранных языках. URL: <http://klassikaknigi.info/lib/viewtopic.php?id=20> (дата обращения: 01.10.22)

Языкознание: Большой энцикл. слов. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. (репр.) «Лингв. энцикл. слов.» 1990 г. Москва: Большая рос. энцикл., 1998. 682, [3] с.: ил., табл.; 26 см. (Серия «Большие энциклопедические словари»).

Devel L.A., Popova N.V., Kirillova N.K., Goncharova V.V., Odinokaya M.A. Dictionaries and texts on cultural heritage preservation in translator training practice // 14th annual International Conference of Education, Research and Innovation. Valencia (Spain): IATED, 2021. С. 2995-3001.

Oxford's Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 02.10.22)

Plesovskikh D.V. Linguistic means of depicting a national character in literary discourse and their transmission in translation

The scientific article examines Russian phraseological units and their translation into English on the basis of works of fiction. Russian national character transmission problems are detected in translation and the most suitable ways of translating linguistic means are identified in order to preserve the real «Russian soul» in works in the translation language.

Keywords: national character, phraseology, translation, picture of the world, language.

Савушкина Анастасия Сергеевна
Смоленский государственный университет

Метод ареалов в лингвогеографическом описании смоленских говоров

В статье представлено теоретическое обоснование целесообразности использования лингвогеографии как средства доказательной базы в процессе исследования словообразовательной и семантической характеристики диалекта.

В работе представлена аннотация некоторых лингвогеографических методов, а именно: метода картографирования и метода ареалов. Применение нами данных методов является результатом изучения отсубстантивных существительных смоленских говоров со значением быта. Карта в данном случае – это наглядный результат проведенной теоретической работы. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что лингвогеография выступает в качестве визуализации лексико-грамматических особенностей смоленского диалекта и доказывает верность теоретических изысканий.

Ключевые слова: лингвогеография, карта, картографирование, метод ареалов, смоленские говоры.

Согласно мнению Р.И. Аванесова, лингвогеография выдвигает ряд вопросов перед исследователями, а именно:

- что является предметом, объектом лингвогеографии и какое место он занимает в системе языка;
- какими принципами следует пользоваться в лингвогеографии при составлении карты;
- как перевести язык карты на язык человека и как это можно использовать в процессе изучения языка в синхронии и диахронии;
- какие методы применять при составлении географического облика языка [Аванесов 1949].

При исследовании смоленских говоров в центре нашего внимания стоит лексико-грамматическая группа – бытовая лексика, выступающая в качестве объекта изучения. Цель нашего исследования – это словообразовательная и семантическая характеристика диалекта. Для более детального и точного рассмотрения мы сузили объект исследования до группы отсубстантивных существительных, образованных суффиксальным способом. Главный критерий для объединения слов в лексико-словообразовательные микрогруппы – это общее значение суффикса.

Первый этап работы – это сбор материала и теоретическая обработка данных, которая позволяет выявить особенности словообразовательного потенциала выбранного суффикса и определить его функционирование в смоленском диалекте на примере отдельно взятой группы слов. Второй этап исследования – это подтверждение теории практикой. Для данного этапа был выбран один из наиболее перспективных разделов лингвистики – лингвогеография. Наш выбор объясняется тем, что лингвистическая география основывается на принципе наглядности, охватывая три важных языковых компонента: время, пространство и структуру. Кроме того, на данном этапе развития лингвогеографии наибольшее внимание уделяется «объясняющей» языковой географии, так как для точного прочтения лингвистических атласов необходима теоретическая основа, которая должна четко отражать связь времени и пространства и восстанавливать последовательность языковых явлений, согласно научной точке зрения Т.И. Вендиной [Вендина 2010: 457–460].

Нами был выбран один из распространенных методов работы с картой – картографирование, который подразумевает системное и последовательное изучение материалов карты в увеличенном масштабе. Более того, этот метод позволяет говорить о тождественности пространственных языковых единиц, выявляя ареальные связи внутри отдельно взятого диалекта.

При рассмотрении лингвогеографических картографических материалов необходимо обратить внимание на ряд признаков. Во-первых, на формально-картографические особенности ареала:

- 1) описание ареала с точки зрения пространства (дистантные или контактные области);
- 2) расположение ареалов, то есть в каких из трех языковых групп они функционируют;
- 3) характер границ ареалов (обширный\островной, непрерывный\разорванный).

Во-вторых, на сами лингвистические характеристики ареала:

- 1) разновидность основы соответствующих слов (мотивированные\немотивированные),
- 2) выделение однокоренных соответствующих слов;
- 3) размещение соответствующих слов (в одной или разных языковых группах);
- 4) факт соперничества слова в пределах одной лингвистической области;
- 5) семантика соответствующих слов (прямое\переносное);
- 6) классификация лексических корреспонденций (случайные или входящие в определенную микросистему).

[Вендина 2009: 27–28]

В данном вопросе мы идем вслед за Т.И. Вендиной, которая предлагает использовать карту в случае изучения развития языкового явления, возникновения этнических групп и подробного языкового анализа с точки зрения времени и пространства. Мы же привлекаем данные лингвогеографии для подтверждения теоретических результатов исследования. Отметим, что полученные результаты в собственно лингвистическом анализе диалектного материала соответствуют лингвогеографическому описанию этого же материала. Таким образом, карта приобретает новый статус. В лингвогеографии под картой мы понимаем средство изучения. В наших исследованиях карта выступает в качестве средства

доказательной базы. В этом, на наш взгляд, и состоит новизна нашей работы. Мы считаем, что привлечение данных из лингвогеографии с целью более точной характеристики диалектного явления целесообразно, так как диалект изначально привязан к определенной территории. Иначе говоря, территориальная принадлежность является одной из основных характеристик диалекта. Кроме того, привлечение картографирования в данном вопросе не противоречит основным функциям данного приема, которые сформулированы Т.И. Вендиной – изучение характера исследуемого материала и преобразование значения карты в язык человека.

Согласно мнению Р.С. Кузнецовой, картографический метод – это средство и результат исследовательского процесса. [Кузнецова 2010: 88–92]. Это важный метод, который позволяет изучить:

1. качественные и количественные признаки;
2. взаимосвязи и взаимозависимости;
3. временную и пространственную динамику и эволюцию;

В данном методе можно выделить несколько приемов и средств, которые помогают реализовать суть метода. Главное, грамотно и умело сочетать их для достижения исследовательской цели.

Рассмотрим один из картографических методов – метод ареалов.

Его суть заключается в том, что он позволяет отобразить на карте отдельную территорию распространения того или иного объекта или явления. Причем он изображает широкое рассеянное размещение этих объектов и явлений, а не широкое и сплошное.

Ареалы бывают разные:

1. заливка или штриховка, если карта многослойна и описывает большое количество объектов и явлений;
2. немасштабный значок (то или иное явление не входит в изображаемую область, но является важным для составления полной картины);

3. цветной фон + значки или цветные штриховки (взаимосвязь отдельных явлений в пределах одной области); величина значка зависит от количественного признака;

4. чередование цветных полос (комплексы явлений или объектов);

5. подписи;

6. буквы.

Мы остановились на третьем виде ареала – цветной фон и значки (или цветные штриховки), так как в таком случае ареал в полной мере соответствует целям и задачам нашего исследования: он отображает взаимосвязь отдельных явлений (в нашем случае – взаимосвязь грамматических явлений) в пределах одной области – Смоленской области.

Преимущества ареалов в нашем исследовании сводится к следующим параметрам:

1. отображение явлений и объектов в системности и взаимодействии;

2. один и тот же ареал может использоваться на разных картах, если он обозначает похожее временное изменение, которое произошло с одним и тем же явлением или объектом;

3. чем точнее данные о явлении или объекте, тем точнее изобразительное средство ареала;

4. в легенде карты можно указать градацию и сочетание изобразительных средств ареалов в зависимости от плотности распространения тех или иных явлений и объектов;

5. трудность в составлении атласа может заключаться в степени наглядности изображаемого явления или объект: чем нагляднее явление\объект, тем проще изобразить это на карте [Кузнецова].

Способы проведения ареалов, используемый нами, – это формальный, то есть использование ареал-линии. На наш взгляд, этот способ наиболее объективен, так как упрощает прочтение карты за счет разделения карты на отдельные ячейки, которые представляют собой определенные территории. Сплошной ареал

на карте появляется тогда, когда между отдельными территориями появлялась прямая связь и обмен информацией.

Подведем итог. Карта – это способ локализации диалектного явления. При изучении смоленских говоров карта позволяет совместить принципы наглядности и научности, реализовать принцип взаимосвязи теории и практики. В нашем случае карта – это не самоцель, а средство представления информации, доказательство в пользу теоретических изысканий. Мы считаем, что привлечение данных из лингвогеографии оказывается целесообразным, поскольку расширяет наше представление о диалектном материале (в узком смысле) и возможностях лингвогеографии как науки (в широком смысле).

Литература

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1949. 340 с.

Вендина Т.И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексемы) / Институт славяноведения РАН. М., 2009. 532 с.

Вендина Т.И. Лингвогеография и проблема декодирования языка карты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, № 4 (2), 2010. С. 457–460.

Иванова А.И., Бояринова Л.З. Словарь Смоленских говоров: в 11 т. Смоленск: СГПИ, 1974–2005.

Кузнецова Р.С. Картографические способы отображения ареалов // Теоретические проблемы экологии и эволюции. Теория ареалов: виды, сообщества, экосистемы (V Любимцевские чтения). Институт экологии Волжского бассейна РАН (Тольятти), 2010. С. 88–92.

Лунькова Е.С. Словообразовательная и морфемная система смоленских говоров: сравнительно-сопоставительный анализ. Смоленск, 2007. 408 с.

Savushkina A.S. The method of areas in the linguistic and geographical description of Smolensk dialects

The article presents a theoretical justification of the expediency of using linguogeography as a means of evidence base in the process of studying the word-formation and semantic characteristics of a dialect. The paper presents an abstract of some linguogeographic methods, namely, the mapping method and the area method. Our application of these methods is the result of studying the substantive nouns of Smolensk dialects with the meaning of everyday life. The map in this case is a visual result of the theoretical work carried out. The conducted research allows us to conclude that linguogeography acts as a visualization of the lexical and grammatical features of the Smolensk dialect and proves the validity of theoretical research.

Keywords: linguogeography, map, mapping, area method, Smolensk dialects.

Сухнева Маргарита Олеговна

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

**Отражение лексикографических особенностей в статьях
онлайн-словарей на примере словаря Мультитран и
коллокация в нем национальной идентичности**

В данной работе рассмотрены основные параметры многоязычных онлайн-словарей и их лексикографические особенности. Представлены преимущества использования электронных словарей в сравнении с бумажными версиями. Также дается комплексная характеристика словаря Мультитран, где доказывается его высокая функциональность и приводится коллокация национальной идентичности.

Ключевые слова: словарь, лексикография, онлайн-словарь, компьютерная лексикография, Мультитран, национальная идентичность.

Словари представляют собой своего рода «копилку» лексикографического материала, которые в первую очередь оказываются полезны для профессиональных переводчиков. Разработка типологии словарей – одна из важнейших задач теории лексикографии. Вопросы систематизации типов словарей детально изучали многие лингвисты (Л.В. Щерба, В.П. Берков, М.Л. Апажев, Б.Ю. Городецкий, П.Н. Денисов, В.В. Дубичинский, Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, Л.П. Ступин, А.М. Цывин, Н.Ю. Шведова и др.). Анализ типологии словарей позволяет, во-первых, осмыслить уже реализованные направления работы лексикографа, а во-вторых – прогнозировать пути и возможности создания новых словарей [Lew, Mitton 2013].

Проникновение компьютера в лексикографию первоначально заключалось в создании машинных банков данных, в разработке методов формирования этих банков, представления информации и ее использовании. Со временем стали актуальными задачи облегчения и ускорения работы

пользователя словарем за счет перевода печатных словарей в электронный формат, создания «корпусов» данных и новых видов словарей, использующих преимущества глобальной сети связей и возможности различных поисковых систем [Девель 2011: 93–94]. Вопросы создания многофункциональных текстовых баз данных, или корпусов, находятся в центре внимания лексикографов и рассматриваются в русле как теоретической, так и практической лексикографии. Создатели словарей пересматривают свои лексикографические работы на корпусной основе.

Значительное количество первоначально напечатанных словарей сегодня доступно в онлайн-формате. Развитие электронной лексикографии предопределило ее преимущества, такие как, например, обновляемость корпуса словаря, автоматизация поиска, другие дополнительные возможности [Шевчук 2010: 73–75]. Исследователи отмечают, среди прочего, что электронный формат ускоряет процесс поиска искомой словарной единицы и за счет гиперссылок быстро перенаправляют пользователя к нужной информации. Кроме того, онлайн-словарь исправляет неверное правописание слова, предлагает варианты его функционирования в контексте, обширную информацию о его грамматических особенностях, этимологии, описывает состав слова, его дериваты, фразеологию, дает варианты произношения с аудиозаписью, иллюстрации и многое другое [Караулов 1981: 125–126].

Актуальность. Объектом исследования является прагматическая составляющая использования современных электронных словарей, а ее предметом – электронный словарь Multitran. Актуальность данной работы обусловливается тем, что помимо анализа основных лексикографических особенностей онлайн-словарей также приводится характеристика словаря Мультитран, что выступает показательным примером эффективности электронных версий словарей.

Материал и методика исследования. Электронные словари явились новой ступенью в развитии лексикографии. Мы

соглашаемся с Румянцевой Е.А. и рядом других ученых, которые выделяют две принципиально важные характеристики электронных словарей – возможность полнотекстового поиска и потенциально неограниченный объем [Попов 2012: 117]. Они сочетают в себе все основные функции бумажных словарей и имеют ряд преимуществ.

Во-первых, они способны своевременно отражать изменения, происходящие в языке. Ведь, как известно, язык – это живой организм, претерпевающий постоянную обработку и обновление в речи его носителей. Слова приходят в язык и уходят из него, обрастают новыми значениями и коннотациями – и все это в течение нескольких лет, особенно если речь идет об определенных слоях лексики, таких как, например, сленг. Так, например, достаточно популярный англо-русский словарь Мюллера, впервые изданный в 1960 году в изданиях 1978, 1994 и 2015 годов претерпел лишь небольшие изменения [Румянцева 2010]. При работе с электронными словарями, пользователь имеет возможность лично участвовать в пополнении словарной базы, регистрируясь на сайтах словарей в интернете. Там же имеется возможность дополнять уже существующие словарные статьи, внося свои комментарии, исправляя ошибки других.

Во-вторых, это обширность тематик, предоставляемых такими словарями при том, что собраны они все в одной электронной оболочке. Человеку, желающему перевести текст, в котором одновременно присутствуют слова относящиеся, например, к технической специальности и к филологии, больше не нужно ходить по магазинам в поисках соответствующих специальных словарей, а затем занимать ими полки. Достаточно просто набрать искомое слово в поисковой строке и нажать на клавишу «ввод» [Kwary 2012]. Проблема объема словарных статей из-за ограниченности объема издаваемых книг здесь также решена. В электронном словаре не существует страниц, текст можно пролистывать курсором мыши, а объем соответствующей программы для скачивания на персональный компьютер очень мал.

В-третьих, основные электронные словари имеют как онлайн, так и стационарные версии, не требующие постоянного подключения к интернету. Конечно, существуют определенные недостатки, такие как необходимость предварительной установки словарей, иногда связанная с получением лицензии, ограничение объема, но все же любой электронный словарь заведомо обширнее бумажного [Марус 2014: 53].

В-четвертых, любой современный электронный словарь включает в себя ряд обучающих функций таких, например, как возможность прослушать произношение слова, выбрать определенные слова для заучивания, просмотреть формы слова в разных падежах и т. д. [Рублева 2010: 132].

Ориентированность словаря Мультитран на взаимодействие с пользователями в Интернете привела к появлению основного преимущества данного сервиса – большому количеству коллокаций и терминов, активно функционирующих в языке на данный момент. Пользователю не нужно ничего скачивать или выявлять данную комбинацию. Достаточно ввести данную комбинацию в строку поиска словаря – можно быть уверенным, что среди предложенных вариантов хотя бы один используется в необходимой искомой специальной области, являясь аутентичным и не неся в себе отпечатка интерференции родного языка [Мультитран].

Результаты. После ознакомления со словарем Мультитран был проведен анализ его данных. Критерии отбора составлялись на основе наиболее частых запросов непосредственных пользователей. Результаты комплексной характеристики представлены ниже (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Критерий	Характеристика словаря Мультитран
Объем словника	Приблизительно 12 млн. вхождений
Количество языковых пар	13 языковых пар; рабочие языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, нидерландский, латышский, эстонский, африкаанс, эсперанто, калмыцкий
Наличие примеров	Даны в словарной статье отдельным блоком с

употребления слов	тематическим делением
Наличие гиперссылок	Гиперссылки используются для перехода между словарными статьями
Проверка орфографии	Производится подбор вариантов при орфографической ошибке
Возможность расширения словаря пользователями	Имеется

Из данных таблицы следует, что словарь Мультитран располагает интеллектуальным вводом текста, имеет детальное тематическое членение словника, обеспечивает быстрый переход между рабочими языками и при таких характеристиках удобен в большей мере для профессионального перевода текстов различной тематики.

Исследуя вопрос относительно коллокации **национальной идентичности** в данном словаре в русско-английской языковой паре, нами были выявлены следующие варианты его использования (см. Таблицу 2).

Таблица 2.

The screenshot shows the Multitrans dictionary interface. At the top, there are navigation buttons: 'Вход | Russian | Соглашение пользователя', 'СЛОВАРИ', 'ФОРУМ', 'КУПИТЬ', 'СКАЧАТЬ', 'ОТЗЫВЫ', and 'КОНТАКТЫ'. A search bar contains the text 'национальная идентичность' with a search button and language selection options for 'Русский' and 'Английский'. Below the search bar, there is a list of search results for the term 'национальная идентичность' in Russian, with corresponding English translations and source citations. The results include:

- Тематика: Русский; Английский
- возстановить свою национальную идентичность: recover our own identity (in the face of challenges to its most basic ideals; New York Times *Alex_Odeychuk*)
- история войны как одна из скреп национальной идентичности: history of the war as part of a binding national identity (*Alex_Odeychuk*)
- национальная идентичность: national identity (Bloomberg *Alex_Odeychuk*)
- национальная идентичность: national distinctness
- поиски современной национальной идентичности: quest for a modern national identity (*Alex_Odeychuk*)
- современная национальная идентичность: modern national identity (New York Times *Alex_Odeychuk*)
- утратить свой язык и национальную идентичность: lose their language and identity (*Alex_Odeychuk*)
- формирование национальной идентичности: nation-building (англ. термин взят из кн.: Cultural engineering and nation-building in East Africa *Alex_Odeychuk*)
- чувство национальной идентичности: sense of national identity (CNN, 2021 *Alex_Odeychuk*)
- элементы национальной идентичности: elements of national identity (Reuters *Alex_Odeychuk*)
- этно-национальная идентичность: national distinctness
- язык межэтнического общения как элемент общей национальной идентичности: shared language as part of a common identity (Guardian, 2020 *Alex_Odeychuk*)

At the bottom of the screenshot, there is a link for 'Короткая ссылка'.

Согласно словарю Мультитран, национальная идентичность является преимущественно политическим термином. Наиболее частое использование отмечается в таких выражениях, как 'восстановить национальную идентичность', 'поиски национальной идентичности', 'утратить национальную идентичность', 'формирование национальной идентичности' и

'чувство национальной идентичности'. При этом английские аналоги могут быть следующие: «*own identity*», «*national identity*» (наиболее распространенный вариант), «*national distinctness*», «*nation-building*» (использующееся в контексте формирования национальной идентичности) и «*common identity*».

Выводы. Компьютерная лексикография в настоящее время уверенно становится приоритетным направлением, превосходя классическую лексикографию. При этом, компьютерная лексикография является не просто механической заменой классической лексикографии, а новой ступенью её развития, вводя в обиход совершенно новые понятия, методы и приёмы организации словника. Из всего вышесказанного можно сделать закономерный вывод, что поскольку компьютерная лексикография является совершенно новой областью прикладной лингвистики, то и нерешённых проблем здесь огромное множество. В числе первых можно отметить проблему классификации электронных словарей, проблему достоверности, содержащейся в них информации, проблему принципов построения как всего словаря в целом, так и отдельных словарных статей. В таких условиях необходимо вырабатывать принципиально новый подход к новым феноменам, изменять, трансформировать имеющиеся критерии, принципы и правила. В настоящий момент этот процесс уже начинается, хотя, как уже отмечалось, он осложнён многими особенностями периода «перехода» от классической лексикографии к электронной. Тем не менее во многих работах, в особенности в статьях зарубежных коллег, уже намечается этот «принципиально новый подход», который, вероятно, и определит будущую лексикографическую парадигму. Проведенный нами анализ и представленная характеристика словаря Мультитран являются одним из способов классификации онлайн-словарей с целью выявления их лексикографических особенностей. При этом онлайн-словарь Мультитран позволяет рассмотреть коллокацию национальной идентичности и способы ее использования. В данном исследовании мы привели ряд примеров, содержащих аспект

национальной идентичности и ее аналоги в английском языке, доказывающих удобство работы со словарем.

Литература

Девель Л.А. Англо-русский учебный словарь. Лингводидактические проблемы использования в информационном поиске и дистанционном обучении в непрерывном образовании. Монография. СПб.: КультИнформпресс, 2011. 135 с.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 368 с.

Попов С.А. Информационные технологии переводчика. Учебное пособие. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. 234 с.

Марус М.Л. Сравнительный анализ современных многоязычных онлайн-словарей на примере словарей Мультитран и АВВУ Lingvo Online // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 1. С. 51–55. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14511.htm> (дата обращения 16.10.2022)

Рублева О.С. Слово в электронном словаре: с позиций пользователя электронными ресурсами. Диссертация ... канд. филол. наук. Киров, 2010. 160 с.

Румянцева Е.А. Аспекты разработки двуязычных учебных электронных словарей. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/rumyanceva.htm> (дата обращения 16.10.2022)

Шевчук В.Н. Электронные ресурсы переводчика: Справочные материалы для начинающего переводчика. М.: Либрайт, 2010. 128 с.

Электронный словарь Мультитран. URL: <http://www.multitrans.ru> (дата обращения 16.10.2022).

Kwary D.A. Adaptive Hypermedia and User-Oriented Data for Online Dictionaries: A Case Study on an English Dictionary of Finance for Indonesian Students // International Journal of

Lexicography. 2012. Vol. 25. Issue 1 (March). URL: <http://ijl.oxfordjournals.org/content/25/1/30.full> (дата обращения 16.10.2022)

Lew R., Mitton R. Online English Learners' Dictionaries and Misspellings: One Year On // International Journal of Lexicography. 2013. Vol. 26. Issue 2 (June). URL: <http://ijl.oxfordjournals.org/content/26/2/219.full>. (дата обращения 16.10.2022)

Sukhneva M.O. The reflection of lexicographic features in online dictionaries entries using the example of Multitran dictionary and collocation of national identity given there

The article deals with the main dimensions of the online-dictionaries and their lexicographic features. The benefits of electronic resources usage in contrast to traditional versions are shown. Also the complex characteristic of the Multitran dictionary is given. The latter proves its high functionality. The collocation of national identity is added to the description of the dictionary.

Keywords: dictionary, lexicography, online-dictionary, computer lexicography, Multitran, national identity.

Терентьева Татьяна Егоровна

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

**Фразеологическая семантика, отражающая характеристику
человека (на материале устойчивых сравнений
«Фразеологического словаря русских говоров Нижней
Печоры»)**

В статье рассматривается семантический аспект изучения диалектной фразеологии, а именно характеристика человека в устойчивых сравнениях, представленных во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры». На материале печорских говоров были выявлены основные лексико-семантические группы сравнительных оборотов, и это позволило сделать вывод о том, что центре внимания носителей диалекта всегда находится человек, ведь практически все единицы так или иначе характеризуют его внешность, состояние, характер, деятельность и т.д. Как выглядит человек, как он себя ведет, каковы его черты характера – всё это очень важные показатели для носителей народного живого языка. При этом оказывается, что в их поле зрения попадают именно отклонения от нормы, которые выделяют человека, причем чаще обращается внимание на негативные (порицаемые) проявления, будь то пьянство, безумие, небрежность, внешнее уродство, нелюдимость или что-либо подобное. Таким образом, для социума (народа) важно обозначить то, что демонстрирует отличие какого-либо человека от других людей, и чаще всего это оказываются его недостатки, а отнюдь не достоинства.

Ключевые слова: диалектная фразеология, фразеография, словарь, устойчивые сравнения, семантика, Низовая Печора.

Фразеология – это такой пласт языка, который ярко демонстрирует культурные и исторические особенности народа, а также особенности его образа мышления.

В центре внимания людей, естественно, всегда находится сам человек, будь то отдельный индивидуум или представитель какого-либо коллектива. На протяжении многих веков люди задумываются о цели своего существования, о своей роли в жизни общества и о многих других вопросах, которые не могли не найти отражения в языке.

Диалектная фразеология прочно связана с народом, его бытом, традициями, так как она функционирует в устной речи, которая позволяет сохранить ее самобытность. Подавляющее большинство фразеологизмов в говорах служит для того, чтобы экспрессивно характеризовать, положительно или отрицательно оценивать действия и состояния людей, их поступки, черты характера. Они часто указывают на образ, созвучный эпохе, социальной или профессиональной среде человека.

Особенно показательны в этом отношении устойчивые сравнительные конструкции, так как сравнение – это не просто способ сопоставления чего бы то ни было с окружающей действительностью, но и яркое средство оценки человека, явлений природы, повседневных ситуаций и мн. др.

Экспрессия сравнений основана на том, что их образы черпаются из наиболее актуальных и традиционных сфер жизни и деятельности человека. Чтобы быть ярким, образ должен быть общепонятным и зримым. Поэтому ядро многих сравнений составляют образы животного и растительного мира, традиционного крестьянского быта, производственной деятельности человека.

Анализ устойчивых сравнений в печорских говорах, отраженных во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» (далее – ФСРГНП), позволяет говорить, что устойчивые сравнительные обороты печорских говоров характеризуют преимущественно человека и что такие фразеологизмы имеют ярко выраженную коннотацию. Об этом А.И. Федоров пишет так: «Фразеологические обороты создаются не для того, называть какой-либо предмет, явление, а для того,

чтобы характеризовать предмет мысли, давая ему эмоциональную оценку» [Федоров 1980: 47].

Чаще всего оценка носит неодобрительный характер: во фразеологии обычно порицаются различные недостатки людей. Это совпадает с мнением В.М. Мокиенко: «Народный живой язык очень живо и оперативно реагирует на отрицательные стороны общественной жизни, на отрицательные качества людей или целых общественных групп, на отрицательные действия и поступки. К положительным же явлениям народная речь относится более спокойно: ведь это норма, обыденность» [Мокиенко 1975: 48].

Человек носителями печорского говора характеризуется с разных сторон.

Самый многочисленный пласт составляют такие фразеологизмы со сравнительными союзами в составе, которые характеризуют:

– внешность человека (его лицо, волосы, комплекцию, рост), например: *как керзовая голяшка* – ‘о лице с щербинами от оспы’ [ФСРГНП 1: 310], *как будто шишко замотал* – ‘о растрепанных, спутанных волосах’ [ФСРГНП 1: 339];

– внешние признаки его здоровья или нездоровья, например: *как ветошь* – ‘о худом, изможденном человеке’ [ФСРГНП 1: 304];

– красоту или ее отсутствие, например: *как леший в совике* – ‘о некрасивом, непривлекательном человеке’ [ФСРГНП 1: 315].

В отдельную группу объединяются устойчивые сравнительные обороты, характеризующие другие атрибуты внешнего облика человека – его неопрятную манеру одеваться (например, *как кукушка одеться* – ‘одеться пестро, безвкусно’ [ФСРГНП 1: 313]) или неуклюжесть походки (например, *как квашня идти* – ‘идти медленно, тяжело, переваливаясь с боку на бок’ [ФСРГНП 1: 310]).

Однако, согласно известной поговорке «встречают по одежке, а провожают по уму», внутренний мир и состояние человека также всегда заслуживали особого внимания со

стороны. Поэтому отдельную группу могут составить фразеологические единицы, которые оценивают:

– душевное состояние человека, например: *в горе как в море* – ‘о том, кто переживает много горя’ [ФСРГНП 1: 67], *как студёной водой облило* – ‘о состоянии страха’ [ФСРГНП 1: 332];

– финансовое состояние, например: *как подпорожный голик* – ‘о малоимущем человеке’ [ФСРГНП 1: 325];

– семейное положение, например: *как яга ягишна* – ‘об одинокой немолодой женщине’ [ФСРГНП 1: 242];

– различные качества характера, например: *как запечный ивашка* – ‘о нелюдимом человеке’ [ФСРГНП 1: 308], *как дырявый мешок* – ‘о небережливом человеке’ [ФСРГНП 1: 306], *как кочка на болоте* – ‘о выскочке’ [ФСРГНП 1: 313], *как слепой баран* – ‘о человеке невнимательном’ [ФСРГНП 1: 331], *как заедный комар* – ‘о надоедливом человеке’ [ФСРГНП 1: 307].

Через сравнение в печорской фразеологии оценивается и деятельность человека, например: *как будто упасть с печки в погреб* – ‘неудачно сказать’ [ФСРГНП 1: 59], *словно как на море без весла* – ‘без ощутимых результатов’ [ФСРГНП 2: 293], *как курица на яйцах сидеть* – ‘сидеть неподвижно, не вставая с места’ [ФСРГНП 1: 314] и т. д.

Анализ устойчивых сравнений, употребляемых в печорских говорах, показывает, что то, как выглядит человек, как он себя ведет, каковы его черты характера, – это очень важные показатели для носителей народного живого языка.

При этом положительным характеристикам людей (особенно их красоте, которая заметна прежде всего) внимание тоже уделяется, но происходит это крайне редко, например: *как шерстная куделя* – ‘мягкие, легкие, пушистые волосы’ [ФСРГНП 1: 338], *как калиточка* – ‘о красивой, румяной девочке’ [ФСРГНП 1: 309], *как из муки высшего сорта* – ‘светлолицый, белокожий’ [ФСРГНП 1: 308].

Хуление зазнаек, лентяев, указание на неопрятность, ненадежность, глупость, неумелость и т. п. черты – часто встречающиеся в печорской фразеологии примеры, так как такие

отклонения от нормы достойны порицания. Это заметно и благодаря лексикографическим пометам, с которыми приводятся в словаре подобные фразеологические единицы: «презр.», «шутл.», «ирон.», что говорит о негативной коннотации, сопровождающей то или иное описываемое устойчивое сравнение.

Получается, что для общества, для коллектива – и в целом для народа – важно обозначить то, что демонстрирует отличие какого-либо человека от других людей, и чаще всего это оказываются его недостатки, а отнюдь не достоинства.

Литература

Мокиенко В.М. В глубь поговорки. М.: Просвещение, 1975. 176 с.

Федоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск: Наука, 1980. 192 с.

Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2-х тт. / Н.А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008.

Terentyeva T.E. Phraseological semantics reflecting the characteristic of a person (based on the material of stable comparisons of the «Phraseological Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora»)

The article considers the semantic aspect of the study of dialect phraseology, namely the characteristics of a person in stable comparisons presented in the "Phraseological Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora". Based on the material of the Pechora dialects, the main lexical and semantic groups of comparative turns were identified, and this allowed us to conclude that the focus of attention of dialect speakers is always a person, because almost all units somehow characterize his appearance, condition, character, activity, etc. What a person looks like, how he behaves, what his character traits are – all these are very important indicators for native speakers of the national living language. At the same time, it turns out

that deviations from the norm that distinguish a person fall into their field of vision, and attention is more often drawn to negative (reprehensible) manifestations, be it drunkenness, insanity, negligence, external ugliness, unsociability or something similar. Thus, it is important for the society (people) to designate.

Keywords: dialect phraseology, phraseography, dictionary, stable comparisons, semantics, Lower Pechora.

Фалеева Анна Сергеевна
Вятский государственный университет

**Средства вербализации внутреннего состояния человека
в «Областном словаре вятских говоров»**

Отражение в языке картины мира его носителей вызывает интерес лингвистов к изучению семантики различных языковых единиц. Настоящая статья посвящена исследованию лексики и фразеологии «Областного словаря вятских говоров», используемой для вербализации внутреннего физического и психологического состояния человека. Характеризуя данный словарный материал, автор останавливается на тех единицах, в толкованиях которых содержатся слова *состояние, чувство, ощущение*. Выявляется, что вятский человек в большей степени обращает внимание на физиологические состояния, а душевные переживания описывает при метафорическом сопоставлении с физиологическими ощущениями; носитель вятского диалекта чаще вербализует тяжелые психологические состояния, а состояния радости, спокойствия считает «нормой» и не говорит о них; многочисленные номинации получают те состояния, которые препятствуют жителю сельской местности в занятиях повседневным трудом (болезнь, горе, тревога), единичные лексемы используются для обозначения состояний, не выводящих человека из рутинных дел. Образное осмысление внутренних состояний, выражающееся в форме глагольных метафор и фразеологизмов, свидетельствует о том, что для вятского человека его внутреннее состояние, ощущения и переживания не второстепенны.

Ключевые слова: семантика, диалектизмы, фразеологизмы, внутреннее состояние, вербализация.

Диалектный словарь, содержащий не только собственно лингвистические, но и энциклопедические сведения, предоставляет исследователям разнообразную информацию о

картине мира диалектоносителей [ср. в связи с этим: Козырев, Черняк 2021; Сметанина 2022]. Обращаясь к диалектным словарям как к источнику знаний о жизни народа, ученые чаще всего описывают наименования материальных объектов: птиц, домашних животных, лекарственных растений, построек, блюд и т. д. Работ, посвященных диалектной вербализации физиологических и эмоциональных состояний человека, сравнительно немного [ср., напр.: Айбабина 2021; Березович, Леонтьева 2021], хотя диалектоносители, ведя речь об обыденных реалиях, нередко упоминают те состояния, которые они испытывали. Исследование словесного выражения внутренних состояний актуально, так как позволяет сделать выводы о предмете переживаний диалектоносителей.

Цель статьи – на материале «Областного словаря вятских говоров» [ОСВГ] выявить значимые для диалектоносителей состояния и описать особенности их вербализации.

Материалом исследования явились 114 дефиниций, содержащих лексемы *состояние*, *чувство*, *ощущение*. Понятия *чувство* и *ощущение* могут отождествляться с понятием *состояние*, ср.: «*Ощущение* – состояние, чувство, впечатление, вызванное чем-л.»; «*Чувство* – внутреннее психическое состояние человека, его душевное переживание; способность отозваться на жизненные впечатления» [БТС 2000: 773, 1484]. Безусловно, отобранные для анализа дефиниции не охватывают все номинации внутренних состояний, представленных в ОСВГ. Так, в словаре встречаются лексемы, которые толкуются при помощи глаголов со значением состояния: *гомошиться*, ‘беспокоиться’; *ерепениться* ‘беспокоиться, волноваться’. Однако подобные номинации должны стать предметом специального изучения диалектной лексики, обозначающей конкретное состояние.

Анализ языкового материала позволяет выделить несколько семантических групп.

1. Номинации плохого самочувствия или болезни (32 единицы). Симптомы заболеваний в основном вербализуются

при помощи глаголов совершенного вида, треть из которых составляют безличные: *забрать* ‘заболеть’, *засгибать* ‘о плохом состоянии здоровья’, *искобылить* ‘о болезненном состоянии’. Ср.: *Бок у меня забрало как*. Кчп. *Что тебя сегодня засгибало?* Нлн. *Всю меня искобылило, перевернуло, извороцело*. Слб. Глаголы несовершенного вида представлены единицами *сгадывать* ‘о состоянии тошноты и рвоты’, *сгибать* ‘о болезненном состоянии’, *чукать* ‘быть в болезненном состоянии’ и др.

Среди фразеологизмов данной группы два связаны с действием сверхъестественных сил: *диконькой схватил* ‘о состоянии паралича рук, ног у человека’, *суседко давит* ‘о состоянии тяжести, сдавленности в области груди’. Глагол *загрызть* в сочетании *загрызть грыжу* ‘о болезненном состоянии при грыже’ подразумевает безличное действие, метафорически сопоставляемое с действием воображаемого «хищного зверя». Используются также выражения со словами *сердце* и *душа*: *сердце заливаает* ‘о тяжелом физическом состоянии’, *в худых душах (быть)* ‘в болезненном, плохом состоянии здоровья’, что говорит о взаимосвязи физиологического и психического состояния.

К другим средствам экспликации состояния болезни относятся наречие *немогучи* ‘в состоянии болезни’, слова категории состояния *неладно* ‘плохо (о самочувствии)’, *моторосно* ‘об ощущении тошноты, тяжести, недомогания’ и существительное *морок*, называющее слепоту. Отметим, что в толкованиях почти не содержится описания конкретных болезней: лексемы обычно называют тяжелое состояние в целом.

Отмечены слова, обозначающие **состояние крайне тяжелое, пограничное, близкое к смерти (4 единицы)**: *зауморить* ‘подвергнуть состоянию, близкому к смерти’; *окостолычиться* ‘прийти в плохое состояние, умереть’. Большого в предсмертном состоянии называют субстантиватом *нежилой*, а для описания такого состояния используют наречие *толенько*: *Ох, толенькё мне стало, зови робёнков-ту, благословлю их*. Орч.

2. Номинации процесса выздоровления, физиологическое состояние бодрости, силы (11 единиц). В данной группе заметны глаголы совершенного вида с приставками **о-** и **от-**: *окарать* ‘выздороветь’, *отважить* ‘об улучшении физического состояния’, *откотосать* ‘об улучшении самочувствия во время болезни, о прекращении или ослаблении болей’. Возвращение здорового состояния может обозначаться словами с приставкой **за-**, ср. *запроворить* ‘смочь что-либо сделать, почувствовать силу, возможность двигаться, выполнять работу’. Само состояние активности выражается глаголами несовершенного вида *проворить* ‘мочь, иметь силы, быть в состоянии что-н. делать’, *владать* ‘иметь силу, чувствительность, двигаться, быть в состоянии работать’, *коштовать* ‘мочь, иметь силы; чувствовать части своего тела’. Фразеологизмы *быть в можете* ‘быть в состоянии, в силах что-н. сделать’ и *быть во ставу* ‘быть в силе, в здоровом состоянии’ синонимичны глаголам *могти* и *могчи* – диалектным вариантам слова *мочь*.

3. Номинации состояния усталости (9 единиц) представлены лексемами *бутнуться* ‘лечь, упасть на постель в состоянии усталости’, *размодеть* ‘размориться, прийти в расслабленное состояние (от жары)’, *угореть* ‘устать, сильно утомиться’, ‘почувствовать себя плохо (от жары, качки и т.п.)’; а также выражениями как *росомаха* ‘об уставшем, расслабленном человеке’, *сердце заливает* ‘о тяжелом физическом состоянии’ (в том числе от усталости), *тюки пришли* ‘о состоянии усталости’. Для обозначения работы в этом состоянии используется глагол *тельшить* ‘быть в плохом физическом состоянии’: *Я еле тельшу – так устала*. Снч. Слово категории состояния *матно* вербализует усталость, близкую к скуке; существительное *морок* обозначает крайнюю усталость, на грани с безразличием. Таким образом, в ОСВГ отражается несколько видов усталости: физическая расслабленность (от жары, окружающей атмосферы), усталость от тяжелой работы, психологическая усталость (скука, безразличие).

4. Номинации состояния сна (9 единиц). Глаголы *примарить, размарить, разматрениться* обозначают состояние погружения в сон. Выражение *глаза сшивать* обозначает крайнюю степень сонливости, когда глаза закрываются непроизвольно. Состояние сна может характеризоваться и с позиции наблюдателя: *с хорком* ‘с храпом’. Несколько слов вербализуют процесс пробуждения: *прочувствоваться* ‘проснуться’, *разгумажиться* ‘проснуться, прийти в чувство’ (действия субъекта сна), *растураस्कать / растурушкать* ‘разбудить, заставить проснуться’, *тураскать* ‘будить ото сна, приводить в чувство кого-нибудь’ (действия того, кто будит).

5. Номинации бессознательного состояния (8 единиц). Такое состояние может быть вызвано употреблением алкоголя, ср.: *забрать* ‘о состоянии опьянения’, *обушмарить* ‘затуманить сознание, одурманить чем-н. (о действии вина, табака, угара и т. д.)’, *отурить* ‘опьянить, привести в состояние опьянения’. По отношению к пьяному человеку употребляется фразеологизм *хоть в лубки связывай*, возможно, мотивированный лексемами *лубка* – ‘корзинка’, *лубок* – ‘лубяной цилиндр’ [СРНГ 1981: 172]. Бессознательное состояние может быть вызвано и другими причинами (усталостью, болезнью, замешательством), ср.: *отуриться* ‘прийти в замешательство, смятение, потерять чувство реального’, *заумереть* ‘плохо себя почувствовать; потерять сознание’, *завести глаза* ‘очутиться в бессознательном состоянии’. Для обозначения выхода из бессознательного состояния используются глаголы *растурушкать* ‘привести в чувство, в сознание (о пьяном)’, *опамятоваться* ‘прийти в чувство, сознание’.

6. Номинации душевного состояния (16 единиц). Малое количество таких слов свидетельствует о том, что психологическим ощущениям вятский человек уделял гораздо меньше внимания, чем физиологическим. Вероятно, у крестьянина просто не оставалось времени на саморефлексию: занятый физическим трудом, он отмечал только те

психологические состояния, которые мешали ему в повседневной работе.

Так, выделяется группа слов со значением **плохого, подавленного настроения вследствие какого-то огорчения (4 единицы)**, представленная словами категории состояния *бритко* и *брытно* ‘противно, горько (о душевном состоянии)’ и глаголами *сболеть* ‘заболеть (о душевном состоянии)’, *околошматить* ‘привести в состояние отчаяния, безнадежности’. В данных глаголах психологические ощущения передаются через сопоставление с физическими.

Состояния **волнения, тревоги, обычно связанные с плохими предчувствиями (6 лексем)**, передаются единицами *гребтеть* ‘беспокоиться, находиться в состоянии тревоги’, ‘предчувствовать недоброе’; *гребтит на сердце*. Ср.: *Ой, как на сердце гребтит, будто сейчас придут и скажут плохое*. Шбл. Здесь же назовем фразеологизмы *защипало селезёнку, на душе скоблит*. Вновь можно заметить, что душевное состояние осмысляется через сопоставление с физиологическими ощущениями.

Волнение и тревога могут быть вызваны **состоянием страха (4 единицы)**, для его вербализации используются лексемы *остаметь / остаменеть* ‘стать неподвижным от испуга, изумления’, *страхота* ‘страшно, с чувством страха’, *сполох* ‘чувство страха; испуг’, фразеологизм *сердце заливаёт / заливаётся*. Ср.: *Как ходко мцат на лошаде, что сердце заливаёт*. Урж.

Номинации **положительных эмоциональных состояний** в ОСВГ единичны: *весельство* – ‘веселье, радость’, *радестёхочкий, радёхочкий, радый* – однокоренные синонимы слова *радостный*. Лексема *спокой* ‘спокойствие’ используется в основном в отрицательных контекстах: *Ни день ни ночь покоя не давали*. Лз. Фразеологизмы, называющие состояние облегчения, успокоения (*от сердца схлынуло, от сердца отвалило*) предполагают, что до этого душевное состояние было плохим.

Вне групп остаются некоторые наименования состояний, которым вятский человек, очевидно, не придавал большого значения, так как они не мешали его повседневной жизни. Это физиологические состояния *вязкости во рту, икоты, зуда, жара, голода*; психологические состояния *раздражения, забывчивости, растерянности, азарта, отвращения, досады, облегчения, влюбленности, возмущения, гнева* (всего 25 единиц).

Отметим, что в вятских говорах существует и безэквивалентная по отношению к литературному языку лексика. Так, для обозначения смешливости используется безличный глагол *исхватывать*: *Опять тебя начало **исхватывать!*** Мрш. Для номинации состояния неполной сытости – существительное *полусытенье*: *Я еще **в полусытенье***. Свт. Ощущение толчков в голове передается глаголом *тункать*: *В голове **тункает**, наверное, угорела*. Афн.

Среди частей речи, выражающих значение внутреннего состояния, чаще всего используются глаголы (68), в частности, безличные (36). На втором месте устойчивые выражения (24), образно представляющие внутренние ощущения. Другие формы единичны: слова категории состояния (6), существительные (4), наречия (3), прилагательное (1).

Таким образом, вятский диалектоноситель в большей степени обращает внимание на физиологические состояния, а душевные переживания описывает путем метафорического сопоставления с физиологическими ощущениями, причем чаще вербализует тяжелые психологические состояния. Состояния, которые препятствуют повседневному труду (болезнь, горе, тревога), получают многочисленные номинации, в то время как номинации состояний, не выводящих человека из рутинных дел, единичны.

Литература

Айбабина Е.А. Некоторые особенности номинации болезней в диалектах коми языка // Ежегодник финно-угорских исследований, № 1, 2021. С. 16–22.

Березович Е.Л., Леонтьева М.О. Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах: общий обзор // Научный диалог, № 6, 2021. С. 9–28.

Большой толковый словарь русского языка: А-Я / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1534 с. – БТС.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Диалектная лексикография: многомерность объекта и многообразие типов словарей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, № 202, 2021. С. 183–192.

Областной словарь вятских говоров. / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров: ВятГГУ и ВятГУ, 1996–2018. Вып. 1–12. – ОСВГ.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 17. Л.: Наука, 1981. 384 с. – СРНГ.

Сметанина З.В. О втором издании «Областного словаря вятских говоров»: новый взгляд и новые подходы // Вопросы лексикографии, № 23, 2022. С. 31–48.

Faleeva A.S. Means of verbalization of the inner state of a person in the «Regional Dictionary of Vyatka dialects»

The reflection of the picture of the world of its native speakers in language arouses the interest of linguists in studying the semantics of various linguistic units. This article is devoted to the study of dialect vocabulary and phraseology from «Regional Dictionary of Vyatka dialects» used to verbalize the internal physical and psychological state of a person. Characterizing this vocabulary, the author draws attention on those units whose interpretations contain the words *state, feeling, sensation*. It is revealed that the Vyatka person pays more attention to physiological states, and describes emotional experiences in metaphorical comparison with physiological

sensations; the native speaker of the Vyatka dialect more often verbalizes severe psychological states, and considers states of joy, calmness to be the «norm» and does not talk about them; numerous nominations are given to those states that hinder the inhabitant of rural areas in everyday work (illness, grief, anxiety), single lexemes are used to denote states that do not lead a person out of routine affairs. The figurative understanding of internal states, expressed in the form of verbal metaphors and phraseological units, indicates that for the Vyatka man his internal state, sensations and experiences are not secondary.

Keywords: semantics, dialectisms, phraseological units, internal state, verbalization.

Хиленко Екатерина Владимировна
Волгоградский государственный университет

**Лексическое значение существительных «страдание»
и «удовольствие»: структурно-семантический
и психолингвистический аспекты**

В статье анализируется семантика антонимичных эмотивных лексем *страдание* – *удовольствие* на основе данных лексикографических источников, результатов компонентного анализа, свободного ассоциативного эксперимента и лингвистического интервьюирования.

Ключевые слова: лексическое значение слова, лексикографическое значение слова, психолингвистическое значение слова, компонентный анализ, метод свободного ассоциативного эксперимента, лингвистическое интервьюирование.

Междисциплинарный подход, направленный на выявление особенностей семантики языковых единиц, занял важное место в современной лингвистике, поскольку интеграция методических приемов разных наук открывает новые возможности перед исследователями. В нашей работе предпринята попытка совмещения структурно-семантического и психолингвистического подходов к описанию лексического значения эмотивных существительных «страдание» и «удовольствие» на основе сопоставления лексикографических данных, результатов свободного ассоциативного эксперимента и лингвистического интервьюирования.

Толковые словари отражают «*некий сигнификат, сформировавшееся в языковом сознании носителей понятие, в основе которого лежит представление о предметах и явлениях окружающего мира, их свойствах*» [Матвеева 2020: 92]. При этом объектом описания является наивное знание пользователей языка о слове, так как главная задача лексикографического

источника данного типа «натолкнуть» читателя на узнавание языковой единицы. Формулируя лексическое значение, лексикограф часто опирается на собственное представление о важности тех или иных компонентов значения, поэтому в толкованиях одних и тех же лексем в различных словарях возможны разночтения, это обуславливает необходимость привлечения данных нескольких лексикографических источников [Рудакова 2015: 152]. Обобщение данных ряда толковых словарей русского языка позволило выявить лексикографическое значение рассматриваемых слов: *страдание* – это ‘нравственная боль, мука, мучение’, а *удовольствие* – ‘чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний’.

Следующим этапом исследования семантики языковых единиц, по нашему мнению, является использование метода компонентного анализа, позволяющего расщепить установленное лексикографическое значение «на составные части, вычленение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения (наличие более общих и более частных элементов, т. е. иерархичность организации), так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц (совпадение или нейтрализация элементов верхних уровней и совпадение дифференцирующих признаков нижних уровней)» [Селиверстова 2002: 82].

Описывая семантическую структуру эмотивного значения, вслед за Е.Г. Дмитриевой, мы выделяем категориально-лексическую сему ‘эмоциональное переживание’. Данная сема реализуется через интегральные семы ‘характер эмоционального переживания’ и ‘интенсивность эмоционального переживания’ [Дмитриева 2010: 14]. В лексикографических источниках у рассматриваемых лексем отмечается ‘высокая степень’ интенсивности эмоции. Интегральная сема ‘характер эмоционального переживания’ в семантической структуре существительного «страдание» реализуется в дифференциальном признаке ‘отрицательное’, а в семантической

структуре существительного «удовольствие» – в дифференциальном признаке ‘положительное’.

Лексическое значение, отраженное в толковых словарях, отличается от значения, зафиксированного в языковом сознании говорящего. Использование экспериментальных методов позволяет установить психолингвистическое значение слова – «упорядоченное единство всех семантических компонентов, реально связанных с данной звуковой оболочкой в сознании носителя языка» [Фридман 2006: 18]. В работе использовался метод свободного ассоциативного эксперимента, его ключевой особенностью является получение «чистой» реакции, актуализирующей наиболее яркий семантический компонент значения слова-стимула, который способствует передачи образа мира, запечатленный в языковом сознании носителей языка. В марте 2022 в Волгоградском государственном университете проводилось анонимное анкетирование среди студентов разных направлений подготовки. Испытуемым предлагалось пройти опрос, в котором необходимо было указать слово или словосочетание, которое первое пришло в голову испытуемому как реакция на стимул.

Ассоциативное поле «страдание» в русском языковом сознании может быть представлено следующим образом: *боль* (11 + *болезнь, болеть, жизнь – боль*) – 13; *мука* (3 + *мучение – 2, мучительное*) – 6, *горе, одиночество* (3 + *страх одиночества*) – 4; *грусть, расставание, слезы* – 3; *любовь, потеря, разочарование, тягость, учить* (1 + *учёба*) – 2; *а как иначе, автобус, апатия, бессонница, бесцельное существование, будущее, влюбленность, война, выбор человека, грех, давящая тяжесть, делает человека сильнее, депрессия, домашняя работа, Достоевский, дота, желание бросить, животные, заломленные руки, заняться не любимым делом, зачёты, избиение, испытания, кисло, команда, кость, кошмар, крест, крик, кровь, много дел, молитва, монотонная работа, мытарство, надо прекратить, надрыв, не бывает, не выносить, не класс, недостаток сна, непритворное, неразделенная любовь,*

несчастье, нет слова, ночь, обильный дождь, обман, общение, ожидание, озноб, оковы, опустошение, от неразделенной любви, от потери, от разлуки, от разочарования, отношения, отчаяние, паук, переживания, по жизни в России, подготовка, подумать о чём-то приятном, поиск, попытка, предательство, предназначение, проигранная катка, пустое, разбитость, разлука, Раскольников, расстроил, рисунки на окне, самобичевание, сессия, синий, слезы, смерть близкого, спокойствие, ссора близким, страшное, стресс, судьба, творчество, театр, температура, терзание, ударить в спину, усталость, утрата, хочу есть, цены, человек, чёрный, яд – 1.

Рассмотрим результаты, которые мы получили для лексемы «страдание». По данным лексикографических источников, в ее семантической структуре интегральная сема ‘*характер эмоционального переживания*’ реализуется через дифференциальный признак ‘*отрицательное*’, который отражен в лексемах *нравственная боль, мука, мучение*. В ответах респондентов преобладают частотные реакции *боль, мука, мучение, горе, одиночество, грусть, слезы* и единичные – *апатия, бессонница, давящая тяжесть* и др. Для страдания характерной чертой в толковых словарях выступает ‘*высокая степень*’ интенсивности эмоции, а в речевой организации говорящего нет конкретного указания на силу проявления эмоционального состояния. Отличительной особенностью экспериментальных данных является наличие потенциальных сем ‘*проявление эмоционального переживания*’, и ‘*причина эмоционального переживания*’, которые актуализированы в сознании носителей языка. Так, существительное *страдание* обладает ‘*внутренним состоянием*’ и ‘*внешним проявлением эмоционального состояния*’ (реакции *боль, мука, горе, слезы, бессонница*). Компонент значения ‘*причина эмоционального переживания*’ связан с отрицательными событиями (ответы респондентов *разочарование, расставание, любовь, потеря, тягость, бесцельное существование* и т.д.).

Рассмотрим ассоциативное поле «удовольствие». *Еда* – 9; *сладкое* (3 + *сладость* – 4) – 7; *вкусная еда* (3 + *еда* – 2), *наслаждение* (4 + *насладиться*) – 5; *сон* – 4; *игры, кайф, радость, сладость* – 3; *любовь, секс, спорт счастье, удовлетворение, мечта, расслабление, тепло* – 2; *безмятежный, блаженство, вечер с родными, взгляд, возбуждение, встреча с любимым, выходной, вышивать, грех, долгое, достигнутые цели, достижение чего то, друзья, есть, желание, закончить что-либо, имеется, искренняя улыбка, искушение, каникулы, книга, коктейль, комфорт, кушать, лето, личное, мало, мамы, мир, ммм, море, мороженое, музыка, мурашки, найти что-то новое, наплывает, наука, новые эмоции, о да, общение, объятия, орфография, от времени, от еды, от каждой прожитой минуты, отношения, ощущение после хорошей тренировки, плитка шоколада, победа, под отдых, поесть, помощь другим, потягушки, почитать, причина, проведённое с любимым человеком, проводить время с друзьями, прогулка, просмотр одного сериала с подругой, процесс, путешествия, путь, работа, себялюбие, сильно хорошо, слова, смех, тишина, торт, трапеза, улыбка, хобби, цветы, человек, чистота, шоколад, шопинг, эйфория, эклеры, эндорфины, яблочное – 1.*

Интегральная сема ‘*характер эмоционального переживания*’ проявляется и в лексикографическом, и в психолингвистическом значениях как положительная эмоция. Об этом свидетельствуют, например, частотные ассоциации *наслаждение, кайф, радость, счастье* и т.д. Обращаясь к семе ‘*интенсивность эмоционального переживания*’, мы обнаружили в словарных дефинициях ‘*среднюю степень*’, а в ответах носителей языка этот компонент однозначно интерпретировать достаточно сложно. Однако присутствует ассоциация *очень хорошо*, которая может указывать на силу эмоционального состояния. Потенциальные семантические признаки реализованы в реакциях говорящих. Так, ассоциативное поле лексемы «удовольствие» связано с ‘*внутреннем состоянием*’ эмоционального переживания, которое определяется через следующие реакции испытуемых:

наслаждение, радость, счастье, удовлетворение. Сема *‘причина эмоционального переживания’* указывает в большей степени на положительные события, однако попадаются реакции, реализующие отрицательный признак в языковом сознании носителя языка, например, слова *грех, искушение*, что выявляет у лексемы «удовольствие» в русском языковом сознании оттенок значения *‘эмоция, вызванная порочными наклонностями или страстью’*.

Экспериментальные методы помогают выявить особенности семантики языковых единиц, представленных в сознании носителя языка. Однако полученные результаты не абсолютны, поскольку качество полученных данных во многом зависит от условий проведенного эксперимента, состояния, в котором прибывает респондент, от его пола, возраста, профессии, социального статуса и других важных факторов. Анализ лексической семантики слова как феномена обыденного языкового сознания невозможен без сочетания оптимального количества разных способов описания значения. Для достаточно четкого выявления дифференциальных признаков интегральных сем *‘характер эмоционального состояния’* и *‘интенсивность эмоционального состояния’*, реализующихся в лексическом значении существительных «страдание» и «удовольствие» мы воспользовались методом лингвистического интервьюирования. Опрос показал, что в значении существительного «страдание» реализуются дифференциальные признаки *‘отрицательное’* и *‘высокая степень интенсивности’*; а в семантике лексемы «удовольствие» – *‘положительное’* и *‘высокая степень интенсивности’*.

Таким образом, обращение исследователя к лексикографическим источникам является одним из надежных и проверенных способов изучения семантической структуры слова. Однако информация, представленная в словарных статьях, не проявляет ее абсолютно. Психолингвистические методы способствуют расширению информации, стоящей за словом в языковом сознании говорящего. В этой связи использование

комплексного анализа семантической структуры лексического значения позволяет глубже проникнуть в слово, что позволяет исследователю объективно оценивать и интерпретировать языковой факт.

Литература

Дмитриева Е.Г. Изменения смысловой структуры глаголов эмоций в древнерусском тексте // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2010. № 1–11. С. 14–19.

Матвеева О.А. К проблеме лексикографической и речевой репрезентации лексического значения (на примере слова творец) // Научные горизонты. 2020. № 11(39). С. 91–101.

Рудакова А.В. Методика обобщения словарных дефиниций при описании интегрированного лексикографического значения слова // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 58. С. 152–156.

Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 959 с.

Фридман Ж.И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания. Диссертация ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 219 с.

Khilenko E.V. The lexical meaning of the nouns «suffering» and «pleasure»: structural-semantic and psycholinguistic aspects

The article analyzes the semantics of antonymic emotive lexemes *suffering – pleasure* on the basis of data from lexicographic sources, the results of component analysis, free associative experiment and linguistic interviewing.

Keywords: lexical meaning of a word, lexicographic meaning of a word, psycholinguistic meaning of a word, component analysis, method of free associative experiment, linguistic interviewing.

Шварева Екатерина Ильинична
Санкт-Петербургский государственный университет

**Функции растяжек гласного в дискурсивных словах
мда и *нда***

В статье описываются функционально-семантические особенности дискурсивных слов *мда* и *нда* с растяжкой гласного, активно функционирующих в повседневной русской речи и ее имитациях в художественных текстах или текстах СМИ. В настоящем исследовании применяются многокомпонентный контекстный и дискурсивный виды анализа для определения количественных характеристик и функций исследуемых единиц (размышление, осуждение / неодобрение / недовольство, поддержка коммуникации и др.). В работе представлены различные графические варианты растяжек (*мдаа** с повторением гласного и *мда-а** с написанием через дефис), а также выявляется их частотность и зависимость написания единицы от длительности гласного. Материалом для настоящего исследования послужили четыре ресурса: основной (ОП), устный (УП), газетный (ГП) и мультимедийный (МП) подкорпусы Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Для работы был составлен пользовательский подкорпус, для которого методом сплошной выборки было отобрано 69 контекстов с *мда** и 40 контекстов с *нда**.

Ключевые слова: дискурсивные слова, растяжка гласного, спонтанная речь, повседневная речь, гезитация.

Для устной спонтанной речи характерны функциональные единицы, которые придают тексту собственно «дискурсивный характер», т. е. делают его динамичным и превращают в коммуникативное событие, а также определяют его тональность и субъективность, делают его персонально окрашенным [Бабаева 2008]. Такие единицы называются дискурсивными (ДЕ), и в настоящем исследовании рассматриваются особенности именно

этих единиц – на примере дискурсивных слов *мда* и *нда* (подробнее о ДЕ см., например: [Баранов и др. 1993; Дискурсивные слова... 1998, 2003; и др.]). Растяжка гласного является одной из таких особенностей, реализующихся в спонтанной устной речи.

Растяжка гласных (звуковое продление) – это «материально выраженное фоносемантическое средство, сущность которого заключается в увеличении – сверх обычного – длительности произнесения какого-либо звука» [Пузырев 2014: 263]. Растяжка гласных и согласных – это одна из разновидностей хезитационных явлений в устной речи [Чэн Чэнь 2021: 47–48]. Данное явление рассматривается исследователями как «своего рода цитация речи разговорной» [Гимаева 2016: 59]. Как пишут Е.А. Земская и ее соавторы, «устному КЛЯ (кодифицированному литературному языку. – *Е. Ш.*) не свойственны все те многообразные модуляции, которые использует РР (разговорная речь. – *Е. Ш.*): растяжки гласных, “резкое” с удлинением произнесение согласных (*к-как ты сказал? ч-черт побери! н-путаница опять!..*)» [Земская и др. 1981: 61].

Материалом для настоящего исследования послужили четыре ресурса: основной (ОП), устный (УП), газетный (ГП) и мультимедийный (МП) подкорпусы Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [<https://ruscorpora.ru/new>]. Для пользовательского подкорпуса методом сплошной выборки было отобрано 69 контекстов с *мда** и 40 контекстов с *нда** (см. табл. 1)¹.

Таблица 1. Количество отобранных единиц в подкорпусах

Написание / Подкорпус	Мда-а*	Мдаа*	Нда-а*	Ндаа*
ОП	34	11	19	8

¹ Символ (*) здесь и далее обозначает, что возможна любая последовательность гласных в структуре дискурсивного слова.

ГП	7	3	3	1
УП	1	13	0	9
Всего	42	27	22	18

На материале пользовательского подкорпуса были исследованы варианты написания ДЕ. На письме традиционно используют два графических варианта написания растяжек:

1. **Мдаа*** (с повторением гласного один или несколько раз):

– *Да, в начале я намудрил, сам не понимаю, что написал – Мдаааааа... заумно как-то... – Можно проще, но я сегодня еще не совсем оправился от выходных...* (ОП).

2. **Мда-а*** (через дефис с повторением один или несколько раз):

– *Мда-а... – снова промычал Волька* (ОП).

В отобранном материале была проверена частотность графических вариантов растяжек.

Частотность **мда***: **мдаа** – 17 контекстов (25 % от общего количества ДЕ **мда*** в 69 единиц); **мдааа** – 9 контекстов (13 %); **мдааааааа** – 1 контекст (1 %); **мда-а** – 28 контекстов (41 %); **мда-а-а** – 14 контекстов (20 %).

Частотность **нда***: **ндаа** – 11 контекстов (28 % от общего количества ДЕ **нда*** в 40 единиц), **ндааа** – 3 контекста (7 %), **ндаааааа** – 3 контекста (7 %), **ндаа-а** – 1 контекст (3 %), **нда-а** – 19 контекстов (48 %), **нда-а-а** – 3 контекста (7 %).

Таким образом, самыми частотными графическими вариантами растяжек стали варианты с написанием через дефис – **мда-а** (41 %) и **нда-а** (48 %).

При составлении пользовательского подкорпуса отмечались также синтаксические особенности, например, положение дискурсивной единицы в предложении и постановка знаков препинания. Было обнаружено, что в 43 % случаев контексты с **нда*** и в 36 % случаев контексты с **мда*** сопровождаются многоточием, ср.:

• *Человек с Глазами-Сверлами вынул из кармана недопитую бутылку коньяка, отхлебнул из горлышка и сказал: – Мда-а... Те поэты, которые ходят к нам с доносами на вас, таких стихов не напишут...* (ОП).

Важной составляющей данного исследования было определение функций и значений единиц *мда** и *нда**. Значения и функции рассматриваемых ДЕ не описаны в академических словарях, поэтому для работы были привлечены данные из словарей неформальной лексики и различных интернет-источников, которые могут дать представление об этих единицах.

Слово *мда** было обнаружено в словаре молодежного сленга, «модном» словаре, Викисловаре и на сайте молодежного жаргона. Были отмечены следующие его функции и значения:

• «Словарь молодежного сленга» [<https://teenslang.su>]: разочарование, расстройство, огорчение, сожаление, размышление, озадаченность, задумчивость, недовольство и ирония;

• «Модный словарь» [<https://vsekidki.ru/>]: неудовлетворенность и разочарование;

• Викисловарь [<https://ru.wiktionary.org/>]: озадаченность, недоверие, задумчивость;

• сайт молодежного жаргона [<https://xn----8sbfgf1bdjhf5a1j.xn--p1ai/>]: разочарование.

Единица *нда** в интернет-источниках встречается гораздо реже. Ее значения были отмечены в Викисловаре (озадаченность, недоверие, задумчивость) и в статье на Яндекс дзен (задумчивость, грусть и разочарование) [«Мда» и «нда» 2018].

Помимо интернет-словарей, функции *мда** и *нда** были выявлены в ряде научных работ. Так, например, К. Петрова отметила, что данные слова могут играть роль поддержки коммуникации [Petrova 2013: 52]. Е.А. Гришина рассматривала *мда** и *нда** как *да* со специфическим показателем итогового *да*, в данном случае – с носовым призвуком в начале [Гришина 2011: 175]. Она отмечала, что «носовым призвуком и растяжкой

гласного это же *да* воспринимается как некоторый итог размышлениям слушающего» [там же: 203].

Работа с интернет-словарями, научными статьями, результатами лингвистического опроса позволила выявить следующие значения ДЕ *мда** и *нда**: (1) разочарование, (2) сожаление/грусть, (3) осуждение / неодобрение / недовольство, (4) озадаченность/недоумение, (5) размышление, (6) ирония, (7) поддержка коммуникации, (8) хезитация, (9) утвердительная функция, (10) вопросительная функция.

В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ употреблений единиц *мда** и *нда** – результаты представлены в таблице 2. Первая цифра в каждой строке таблицы обозначает количество контекстов, в которых встретилась та или иная функция (значение). Например, среди всех контекстов с *мда** (69) встретилось 29 контекстов, где данная единица имела значение размышления. Так как количество контекстов с *мда** и *нда** различается, было принято решение посчитать также процент от общего количества контекстов, чтобы сопоставление было более корректным. При подсчете общей суммы по всем значениям и функциям процент составил больше 100 в связи с полифункциональностью и полисемантической дискурсивных единиц.

Таблица 2. Значения и функции *мда* и *нда* с растяжкой

Значение (функция)	<i>Мда*</i>	Значение (функция)	<i>Нда*</i>
размышление	29 (48 %)	размышление	25 (62 %)
осуждение / неодобрение / недовольство	24 (40 %)	осуждение / неодобрение / недовольство	14 (35 %)
поддержка коммуникации	21 (35 %)	поддержка коммуникации	11 (27 %)
озадаченность / недоумение	7 (12 %)	хезитационная	4 (10 %)
ирония	6 (10 %)	озадаченность / недоумение	3 (7 %)
разочарование	6 (10 %)	сожаление / грусть	2 (5 %)
утвердительная	4 (7 %)	утвердительная	2 (5 %)

гезитационная	4 (7 %)	разочарование	2 (5 %)
сожаление / грусть	3 (6 %)	вопросительная	—
вопросительная	—	ирония	—
Всего	69	Всего	40

Самыми частотными значениями/функциями (топ-3) стали следующие:

- **Мда***: размышление, осуждение / неодобрение / недовольство, поддержка коммуникации (относительно равномерное распределение частот: 35–48 %);

- **Нда***: размышление, осуждение / неодобрение / недовольство, поддержка коммуникации (с явным преобладанием значения размышления (62 %) и относительно равномерным распределением у двух других: 27–35 %).

Из сопоставительного анализа следует, что ДЕ *мда** и *нда**, представленные с растяжкой гласного, становятся относительно синонимичными, так как у обеих единиц чаще всего встречаются одни и те же значения.

Во время работы сопоставлялись также ДЕ с растяжкой и без нее. В таблице 3 представлена частотность значений и функций *мда** и *нда** без растяжки.

Таблица 3. Значения и функции *мда* и *нда* без растяжки

Значение	Мда	Значение	Нда
осуждение / неодобрение / недовольство	36 (46 %)	поддержка коммуникации	34 (61 %)
размышление	31 (39 %)	осуждение / неодобрение / недовольство	13 (23 %)
поддержка коммуникации	26 (33 %)	гезитационная	13 (23 %)
гезитационная	17 (22 %)	размышление	12 (21 %)
разочарование	11 (14 %)	утвердительная	3 (5 %)
ирония	11 (14 %)	сожаление	3 (5 %)
озадаченность / недоумение	7 (9 %)	разочарование	2 (4 %)
сожаление	1 (1 %)	ирония	2 (4 %)
утвердительная	1 (1 %)	вопросительная	2 (4 %)
вопросительная	—	озадаченность /	1 (2 %)

		недоумение	
Всего	79	Всего	56

Сопоставление позволяет заключить, что функции и значения рассматриваемых ДЕ различаются в зависимости от того, употребляется единица с растяжкой или без. Без растяжки *мда** чаще всего используется в значении осуждения / неодобрения / недовольства, а *нда** – в функции поддержки коммуникации. С растяжкой же *мда** и *нда** чаще всего используются в значении размышления.

Данные результаты могут быть связаны с тем, что растяжка является показателем хезитации, то есть продление гласных может заполнять паузы колебания, размышления, обдумывания чего-либо. Именно из-за этой особенности растяжки гласных значение размышление оказывается самым частотным.

В ходе исследования сопоставлялась также длительность звучания гласного в ДЕ с растяжкой и то, как графически выглядела единица при расшифровке. Определение длительности производилось в программе Praat.

Для этого аспекта работы был взят мультимедийный подкорпус НКРЯ. Из него было отобрано 10 контекстов с *мдаа* и 10 контекстов с *мда*. Такое количество контекстов не может дать точных данных, однако позволяет выработать методику анализа подобных явлений. Кроме того, промежуточные результаты могут помочь сформулировать гипотезу для продолжения исследования.

Важно отметить, что в МП отсутствуют контексты с графическим вариантом растяжки через дефис. В корпусе представлено только написание без растяжки (*мда* – 184 вхождения; *нда* – 81 вхождение) и с однократным повторением последнего гласного (*мдаа* – 10 вхождений; *ндаа* – 4 вхождения).

В таблицах 4 и 5 представлены контексты, которые были прослушаны в программе Praat, и указана длительность гласного в ДЕ, которые там встретились.

Таблица 4. Длительность гласного в контекстах с растяжкой

Контекст	Длительность (сек)
— Я одного не понимаю. А почему она сразу все не сказала? — Логично и понятно. Ну сказала бы она сразу про свадьбу/ стали б вы с ней гулять? Вряд ли. — Мдаа . Уникальная она у вас.	0,405
— Мдаа . Надо немедленно организовать аборт. — А? Какой?	0,427
— Ну/ что там происходит? — Наши играют французскую жизнь. — Ха-ха... Мдаа! Искусство в большом долгу!	0,459
— Так не ездили бы? — А как? — Мдаа! в этом смысле Вам не позавидуешь/ тоска по Родине у Вас чисто профессиональная.	0,403
Си... Симптомы... Так! Вялый... Мдаа! Частый... Ну/ не всегда... И/ наконец/ жидкий... Оо! Неужели у меня инфлюэнца!	0,417
Спокойно/ дружок/ спокойно. Дышите. А теперь не дышите. Мдаа .	0,301
Мдаа ... Принеси/ пожалуйста/ мячик/ а?	0,546
— Считать умеешь? — Умею. Раз/ два/ три/ четыре/ семнадцать/ двадцать. Так. — Мдаа!	0,380
— Попил вечером молока/ и всё. Исчез. — Мдаа . Фердыщенко.	0,404
— Ну вот и всё! Извините! — Люстра! — Мдаа ... Ничего сегодня выдался... денек.	0,466
Средняя длительность	0,421

Таблица 5. Длительность гласного в контекстах без растяжки

Контекст	Длительность (сек)
— Меньшиков/ третий. — Да. — Елизавета/ на четвертый. — Мда .	0,129

— Вы азартный человек... — Мда. — ... и любите это дело.	0,052
— Мне не нравятся эти чашки. — Мда? Что вы говорите! А какие вам нравятся?	0,155
Мда... Девушка выходит замуж. Мать невесты... нищая торговка и пьяница.	0,194
— Это... для всех нас большая потеря. — Мда. — Пусть земля ему будет пухом.	0,123
— Ой/ я не нарочно. Девчонки/ можно с вами познакомиться? — Мы с незнакомыми лягушонками не знакомимся. — Мда!	0,071
Мда.	0,172
Иракий! Мне кажется... не надо уж так уж очень серьёзно... относиться к эпизоду. У женщин всё бывает. Показалось... почудилось... и прошло. Правда? М? Мда...	0,080
Верующие туристы. Мда... Все мы туристы. Идем... неизвестно откуда/ неизвестно куда. Хорошо/ если маршрут... приведет нас к Богу.	0,337
— Мда. — Да. — Да. О государственной измене и требую передачи дела о мёртвых душах в военный суд.	0,304
Средняя длительность	0,162

Сопоставив данные, можно сделать вывод, что средняя длительность гласного, графически представленного с растяжкой, больше, нежели у гласного без растяжки: средняя длительность гласного в слове *мда** с растяжкой – 0,421 сек; средняя длительность гласного в слове *мда** без растяжки – 0,162 сек.

Таким образом, проведенный анализ показал, что растяжки при написании дискурсивных слов *мда** и *нда** показывают длительность гласного. Самыми частотными графическими вариантами растяжек являются *мда-а* (41 %) и *нда-а* (48 %). Кроме того, зачастую *мда** и *нда** с растяжками сопровождаются

в тексте многоточием (36 % для *мда** и 43 % для *нда**). В ходе исследования были установлены также функционально-семантические особенности использования ДЕ: *мда** и *нда** с растяжками используются в основном для выражения значения размышления, тогда как без растяжек *мда** чаще всего используется в значении осуждения/неодобрения/недовольства, а *нда** – в функции поддержки коммуникации.

Литература

Бабаева Р.А. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008.

Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

Гимаева А.Д. Многофункциональность фоносемантических средств (на примере звуковых проделений) // Проблемы фоносемантики: Материалы Международного научного семинара, Орехово-Зуево, 23–25 ноября 2016 года / Отв. ред. А.В. Пузырев. Орехово-Зуево: Гос. гум.-технол. ун-т, 2016. С. 57–63.

Гришина Е.А. Да в русском устном диалоге // Russian Linguistics, № 35 (2), 2011. С. 169–207.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1988. 447 с.

Дискурсивные слова русского языка: варьирование и семантическое единство. Сб. статей / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М.: Азбуковник, 2003. 207 с.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

Пузырев А.В. О системном подходе в лингвистике: учебное пособие для студентов филол. спец-тей. М.: ВНИИгеосистем, 2014. 520 с.

Чэн Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка. СПб.: Нестор-История, 2021. 231 с.

«Мда» и «нда» // Яндекс дзен. 2018. URL: https://zen.yandex.ru/media/philological_maniac/mda-i-nda-5bbf051e60011700aa85bdd9 (дата обращения: 21.04.2022).

Модный словарь. URL: <https://vsekidki.ru/> (дата обращения: 21.04.2022).

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new> (дата обращения: 21.04.2022). – НКРЯ.

Petrova K.A. Interjections as Pragmatic and Discourse Markers in Russian and Bulgarian. // ЕЗИКОВ СВЯТ. ORBIS LINGUARIUM, 2013, бр. 11, кн. 1, Благоевград, ЮЗУ, Филол. ф-т, УИ „Н. Рилски“. С. 48–54. URL: https://www.researchgate.net/publication/350958460_INTERJECTIONS_AS_PRAGMATIC_AND_DISCOURSE_MARKERS_IN_RUSSIAN_AND_BULGARIAN (дата обращения: 12.06.2022).

Сайт молодежного жаргона. URL: <https://xn----8sbfgh1bdjhf5a1j.xn--plai/> (дата обращения: 21.04.2022).

Словарь молодежного сленга. URL: <https://teenslang.su> (дата обращения: 21.04.2022).

Shvareva E.I. Functions of vowel extensions in discursive words *mda* and *nda*

The paper describes the functional and semantic features of discursive words *mda* and *nda* with vowel extension, actively functioning in everyday Russian speech and its imitations in fiction texts or mass media texts. The current study applies multi-component contextual and discursive types of analysis to determine the quantitative characteristics and functions of the units under study (reflection, condemnation / disapproval / discontent, communication support, etc.). The paper presents different graphical variants of

stretching (*mdaa** with vowel repetition and *mda-a** with hyphenation) and reveals their frequency and the dependence of the word spelling on the duration of the vowel. The material for the present study is based on four resources: the main, spoken, newspaper and multimodal sub-corps of the National Corpus of the Russian Language. A user sub-corpus was compiled for the work, for which 69 contexts with *mda** and 40 contexts with *nda** were selected by continuous sampling.

Keywords: discursive words, vowel extension, spontaneous speech, everyday communication, hesitation.

Шевченко Надежда Викторовна
Институт лингвистических исследований РАН

**Прозвища, основанные на именах собственных
(на материале липецких говоров)**

В статье рассматриваются прозвища, основанные на именах собственных, являющихся прецедентными и известными жителям региона (в данном случае – жителям Липецкой области). Прозвища даются на основе общего сходства, отдельных деталей внешнего облика (прически, одежды и т.п.), географических наименований, связанных с конкретным носителем прозвища, черт характера и пр. В качестве прецедентных имен собственных рассматриваются как имена и фамилии литературных героев или исторических деятелей, так и наименования географических мест, связанные с ситуацией в жизни конкретного носителя прозвища или его деятельностью (профессией, родом занятий).

Ключевые слова: прецедентные имена собственные, ситуация, текст, прозвище, метафора, ирония, образ.

Любые прозвища, основанные на именах собственных, оказываются прецедентными, поскольку человек получает прозвище по уже имеющемуся имени, фамилии, ситуации, артефакту и т.п., которые были раньше, и данного носителя прозвища соотносят с прецедентом на основе какого-то одного признака или нескольких.

Однако прецеденты у прозвищ, образованных от собственных имен, бывают разные.

Понятие *прецедент* существует давно. В словарях он понимается как «прецедент (лат. praecedens ‘идуший впереди’) – случай, имевший ранее место и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода» [СИС 1954: 562]. Однако понятие «прецедентные феномены» и их классификации появились в лингвистической науке сравнительно недавно. Поводом к появлению термина и целой области

исследований послужило введение Ю.Н. Карауловым понятия прецедентного текста, под которым исследователь понимает тексты «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2010: 216–237].

Вслед за понятием «прецедентный текст» возникают понятия прецедентного высказывания, прецедентного имени, прецедентной ситуации, прецедентного культурного знака и т.д.

Наиболее полной и разработанной считается классификация прецедентных феноменов В.В. Красных, в которой ученый выделяет четыре типа прецедентных феноменов: прецедентные ситуации, тексты, высказывания и имена [Красных 2003: 169–230].

Прецедентные имена представляют собой особую группу имен собственных, которые называют широко известных в определенном кругу людей, известные в определенной местности географические и некоторые другие объекты. Эти имена занимают промежуточное положение между именами собственными и именами нарицательными. Как имена собственные они сохраняют связь с обозначаемым лицом или объектом, как имена нарицательные они обладают некоторым значением оценочного характера.

Среди прецедентных имен Ю.А. Блинова [Блинова 2020: 115–122] выделяет 3 класса: *антропонимы* (имена собственные личные), *хремотонимы* (названия продуктов материальной и духовной деятельности человека, например, названия книг, фильмов, песен, музыкальных групп) и *хрононимы* (названия событий, явлений). Чаще всего прецедентными становятся имена собственные, принадлежащие выдающимся личностям. Это известные исторические личности, политики и государственные деятели; деятели искусства; ученые и философы.

Прецедентные ситуации связаны со значимым событием в истории той или иной страны или мира. Такие ситуации могут иметь названия, обозначающие определенные акции. Например, недавно возникшая акция «*Бессмертный полк*» как символ памяти воинов, отдавших жизнь за Родину. В других случаях прецедентные ситуации могут иметь косвенное обозначение датами: 1917 г. как ситуация, обозначающая Октябрьскую революцию в России.

Прецедентные *тексты* – тексты, известные широкому кругу лиц, принадлежащие той или иной лингвокультуре и имеющие для них особое значение. Такие тексты или отрывки из них многократно цитируются. Для отечественной культуры прецедентными являются тексты сказок (о курочке Рябе, Красной Шапочке, Репке, стихотворение К. Симонова «*Жди меня*», символизирующее надежду на возвращение домой солдата, защищающего Родину, и др.).

Прецедентными могут быть и отдельные *высказывания* из произведений известных писателей, поэтов: «...*здесь русский дух, здесь Русью пахнет*», «*И дым отечества нам сладок и приятен*» и др.

В.В. Красных также предлагает классификацию прецедентных феноменов по критерию широты охвата – от социума до общечеловеческого сообщества и выделяет следующие группы прецедентных феноменов:

1. Социумно-прецедентные – феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (возрастного, социального, конфессионального, профессионального и т. д.), т.е. феномены, которые могут не зависеть от национальной культуры: общие, например, для всех мусульман (конфессиональный социум) или для врачей (профессиональный социум).

2. Национально-прецедентные феномены, известные любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу.

3. Универсально-прецедентные феномены (ПФ), известные любому среднему современному *homo sapiens* и входящие в «универсальное» когнитивное пространство («универсальную» когнитивную базу). Обращаясь к этому типу ПФ, надо иметь в виду, что один и тот же ПФ для носителей различных культур может иметь несколько различающиеся инварианты восприятия (Том Сойер или Дон Кихот в восприятии носителей русской, белорусской, американской и испанской культур).

Несколько иной вариант аналогичной классификации представлен у Г.Г. Слышкина, который выделяет микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные и общечеловеческие прецедентные тексты.

Прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными. В последнем случае к ним относятся произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т.д. (улыбка Джоконды, роденовский мыслитель, песенка «В лесу родилась елочка») Вербальные прецедентные феномены могут быть как собственно вербальными (прецедентное имя и прецедентное высказывание), так и вербализуемыми (прецедентный текст и прецедентная ситуация) [Красных 2003: 169–230].

В большинстве случаев прецедентные феномены несут в себе скрытую оценку, поэтому, общаясь с представителями других культур, следует иметь представление о наиболее важных прецедентных феноменах, связанных с этими культурами. В противном случае процесс общения может давать сбои, вести к непониманию или недопониманию, а порой и к откровенному конфликту, особенно если прецедентные феномены становятся концептуально значимыми.

Концепт (от лат. *conceptus* ‘зачатый’) содержит идею «зачаточной истины» [Слышкин 2004: 18]; центром его является ценность, «поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит ценностный принцип» [Слышкин 2004: 24]. А поскольку прецедентные феномены несут в себе скрытую оценку, они практически всегда концептуально значимы.

Например, фраза, приведенная немцем русскому профессору в качестве какого-то знания русского языка (без знания ее смысла) «Бабы – право! Мушки – лево!», привела к конфликтной ситуации между ним и русским профессором, воевавшим в Великой Отечественной войне. У него в Саласпилсе погибли отец и мать, которым, по всей вероятности, перед расстрелом командовали: «Бабы – вправо! Мужики – влево!» [Слышкин 2004: 40–41].

Г.Г. Слышкин выделяет два типа концептов прецедентных феноменов: 1) концепты единичных прецедентных феноменов; 2) концепты прецедентных миров.

К единичным прецедентным феноменам относятся прецедентные личности (*Наполеон, Гагарин, Цезарь*), события, или ситуации (*битва при Ватерлоо, совет в Филях*), артефакты (*хрустальный башмачок*), географические объекты (*Париж, Китеж-град*), животные (*Буцефал*).

К концептам прецедентных миров относятся концепты исторических эпох и периодов («*СССР сталинской эпохи*»), концепты воображаемых и реконструируемых миров («*Мертвые души*» *Н.В. Гоголя*) [Слышкин 2004: 124, 156].

Прозвища, основанные на именах собственных, являющихся (по классификации В.В. Красных) национально- или универсально-прецедентными, наиболее часто встречаются в различных регионах России. Национально- и универсально-прецедентные имена собственные ярко характеризуют типичные особенности внешности и поведения конкретного персонажа, чаще всего встречающиеся в жизни. Неудивительно, что они легко становятся прозвищами конкретных лиц.

Прозвища в липецких говорах, образованные от имен собственных (более 140), имеют разные прецедентные феномены. Есть прозвища, основанные на узко семейных, групповых или региональных прецедентах, известных носителям только конкретного региона или группы, а есть прозвища (зафиксировано свыше 40 единиц), в основе которых лежат национальные или универсальные, общечеловеческие

прецедентные феномены, многие из которых оказываются концептуально значимыми. Прозвища в липецких говорах, образованные от имен собственных, в этом плане можно условно разделить на три группы.

К **первой группе** (прозвища, основанные на узко семейных, групповых или региональных прецедентах, известных носителям только конкретного региона или группы) относятся прозвища, образованные от собственных имен, фамилий отчеств или от имен, фамилий, отчеств ближайших родственников (мужа, деда, матери и т.п.): *Авдоха* (женск. прозвище от имени *Авдотья*), *Агапка* (прозвище женщины по имени деда *Аган*), *Айнечка* (женск. прозвище от фамилии *Айникова*), *Алёнуха* (жен. прозвище от собст. имени *Алёна*) *Аксак* (муж. прозв., образованное от фамилии *Аксаков*), *Алехан* (муж. прозвище по имени деда *Алексей*).

Ко **второй группе** (в основе их лежат национальные, общепринятые прецедентные имена) относятся прозвища а) с именами с закрепленными за ними конкретными значениями (в т.ч. и переносными, метафорическими): *Акулька* – растяпа, *Алик* – пьяница, алкоголик, *Аноха* – простофиля, дурак, *Аниска* – задиристая, драчливая, бойкого нрава, женщина, веселая по характеру; б) библейского происхождения: *Ангел*, *Антихрист*, *Анчихрист*, *Анчутка*, дающие их носителю (кроме *Ангел*) негативную оценку, связанную с отсутствием веры в Бога или с нечистой силой; в) называющие человека по месту происхождения (географическому) или национальности: *Аварочка*, *Абрек*, *Аляска*, *Амурец*, *Азиатка*, *Армянин*, *Армян*, *Африканец*, *Болгар*, *Казак*, *Калмык*, *Кацан*, *Индус*, *Касимка* (татарин).

Дополнительного пояснения требуют входящие в эту группу прозвища *Аляска*, *Кацан* и *Анчутка*. *Аляской* жители липецких говоров называли учительницу географии, видимо, заострившую на своих уроках беседу об Аляске; *Кацан* – не местный, бродяга, косолапый, неопрятный, с плохим выговором (хотя общепринятое прозвище означает русского человека,

проживающего в Москве или Московской области); *Анчутка* в липецких говорах в разных регионах имеет разные значения: а) чудная, взбалмошная женщина; б) прозвище от имени Анна; в) нечуткий, жестокий человек. *Ах ты анчутка! Глянь, как мать убивается!* (девушка водилась с мальчиками и не признавала девочек); д) прозвище дано по характеру и поведению: смелая, никогда не унывает, в поисках мужа разъезжает по всему региону; е) человек, не верующий в бога. *Ох, и анчутка ты, внучок мой*), отчаянная женщина; з) женщина маленького роста, некрасивая, с черными волосами. '*Анчутки* – чертенята. *Допился до анчуток*' [Даль 1: 19]; '*Анчутка* – 1. Черт, дьявол, бес; антихрист. *В бане видели чертей, банных анчуток, кикиморами что прозываются. Употребляется больше у детей и женщин. Штоб тебя анчутка стрескал, ишь как напужал. Анчутка тебя забери. Пойди-ка ночью в лес, там тебя анчутка схватит. Не ругайся на ночь, анчутка приснится.* Чертенюк, бесенок. Водяной черт. Водяной, страшилище, живущее в реках и прудах; им пугают детей. Леший; домовый. 2. Неяха, грязнуля. 3. Человек, представляющий себя бедным, несчастным' [СРНГ 1: 262–263]. В словарях, особенно в СРНГ, у названного слова также имеется множество значений, и все они связаны со значениями прозвищ, встретившихся в липецких говорах. Данные прозвища встречаются в большинстве говоров, не только в липецких. Как правило, они известны в основном жителям конкретного региона или группы. Переносным значением (метафорическим или метонимическим, они либо не обладают (группа 1), либо обладают с вполне определенным значением (группа 2).

К **третьей группе** отнесены прозвища, основанные на прецедентных именах собственных, известных всем носителям национальной или мировой (общечеловеческой) культуры. Во-первых, такие прозвища зависят от знания жителями региона определенных исторических фактов или художественных произведений (в т. ч. фильмов и мультфильмов) национального или универсального значения, т.е. характеризуют общекультурный статус жителей конкретного региона, во-

вторых, такие прозвища всегда образны (метафоричны или метонимичны): *Афоня* (по одноименному названию фильма «Афоня» – человек и внешне, и по поведению похож на героя фильма)

Все такие прозвищные имена мы условно разделили на следующие подгруппы: прецедентные имена антропонимического характера, клички животных из произведений и из реальной жизни, национальные имена, имена библейского происхождения; прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, артефакты.

К прозвищам, имеющим прецедентные имена национального и общечеловеческого плана, нами отнесены: а) имена исторических и известных личностей (*Адольф, Архимед, Балдарис, Басай, Бах, Беладонна*), б) имена персонажей из художественных произведений, фильмов и мультфильмов (*Абай, Абдулла, Айболит, Афоня, Баба Яга, Бармалей, Буратино, Гулливер, Емеля*); в) имена собственные с закреплённым за ними конкретным значением (*Емеля – дурак, пустомеля, Альфонец – от Альфонс) – любитель жить за счет женщин*); г) клички животных, преимущественно из произведений, мультфильмов и т.п., но и из реальной жизни, ставшие прозвищами жителей регионов (*Артемон, Барсик, Брекекеке*); д) имена библейского происхождения (*Ананья, Андрон*).

К прецедентным высказываниям отнесено прозвище *Бонифаций* (носитель этого прозвища любил повторять, что коня А. Македонского звали *Бонифаций*, хотя на самом деле его звали *Буцефал (Букефал)*, а *Бонифаций* – лев из мультфильма).

К прецедентным ситуациям отнесено прозвище *Аврора* (носитель прозвища, запрягая каждый раз свою лошадь, называл ее *Аврора*).

Прозвище, связанное с артефактами, – *Астор*.

Почти все анализируемые прозвища, основанные на именах собственных, можно отнести к национально-прецедентным и в большинстве своем концептуально значимым для русской культуры феноменам, даже если они имеют иноязычное

происхождение (*Адольф, Астор*), некоторые – к универсальным прецедентным феноменам (*Архимед, Бах, Беладонна, Альфонс*).

Из прозвищ-антропонимов это, прежде всего, прозвище *Адольф*, которое в русской культуре ассоциируется с 1941 г. в основном с именем Гитлера и дает негативную оценку человеку с таким прозвищем, даже если его так называют по ассоциации с внешним видом (формой полицейского); *Басай* – с фамилией Шамиля Басаева, чеченского террориста 90-х гг. 20 в., и тоже дает негативную оценку человеку с таким прозвищем. Положительную оценку несут прозвищные имена: *Балдарис* (любимый хоккеист XX в. в СССР) и универсально-прецедентные имена *Архимед* и *Бах*, которые в любой европейской культуре (и не только) ассоциируются с ученым-математиком или с музыкантом. К нейтральным прозвищным именам можно отнести *Беладонна*, которое в первую очередь ассоциируется со страной его происхождения – Испанией.

Из хремотонимов прозвище *Абай* дает не только положительную оценку называемому, но и оказывается концептуально значимым для представителей восточных национальностей бывшего СССР: казахов, башкиров, киргизов и т.п. Остальные прозвища – имена персонажей фильмов и мультфильмов – для русской культуры концептуально значимы и дают либо положительную (*Айболит*), либо ироническую (*Афоня, Абдулла, Буратино, Гулливер*), либо негативную (*Баба Яга, Бармалей*) оценку. Концептуально значимыми эти прецедентные имена оказываются потому, что все, живущие в России, знают и помнят названных героев произведений: знаменитые фильмы «Афоня» (*Афоня* – Леонид Куравлев), «Белое солнце пустыни» (*Абдулла*), «Айболит» Корнея Чуковского и т.д.

Особого внимания заслуживают прозвища *Ананья* и *Андроп*.

Ананья – подлиза, угодливый человек. ‘*Ананья* – лиса, угодливый и ласковый человек: *В людях Ананья, а дома каналья*’

[Даль 1: 16]. '*Ананья* – о ласковом и угодливом человеке. *В людях ананья, а дома не найдешь*' [СРНГ 1: 253].

Андрѡп – хвастун, лжец. *Андроп* сам виноват. *Андроп* (*Андрон* – греч. мужской, мужественный, муж-победитель). '*Андронъ / Андрець – Андронъ* – шест, жердь, совок, плица, черпак. Подпускать *андрона* – врать, лгать, хвастать. *Андроны едут* – коли кто некстати важничает, дуется. *Андроны толстогубые* – то же' [Даль 1: 17]. '*Андрон* – о хвастуне, лжеце. *Андрона подпускать* – лгать, хвастать' [СРНГ 1: 258].

Андроп и *Андрон* – имена греческого происхождения. Имеют значение «мужественный, муж-победитель». В говорах *Андроп* приобретает значение, противоположное изначальному, но близкое тому, которое дано в словаре В.И. Даля и в СРНГ.

Прозвища, в основу которых легли известные клички животных (*Аврора, Артемон, Барсик, Бонифаций, Брекекеке*), даны либо по ассоциации с кличками персонажей из произведений, мультфильмов, за исключением *Барсик*, имени концептуально значимом в русской культуре (почти всех котов на Руси кличут *Барсиками* или *Васьками*). Поэтому мужчина, имеющий прозвище *Барсик*, похож и внешне, и поведением на кота, любящего лежать на диване и волочиться за представительницами женского пола.

Прозвища лиц, в основе которых лежат известные наименования животных, можно разделить на две группы: а) внешнее сходство (*Артемон* – курчавые волосы, *Брекекеке* – выпученные большие глаза, как у лягушонка); б) постоянное использование в речи говорящих конкретных имен: *Аврора, Бонифаций*.

Прозвища-хрононимы: артефакты (*Астор*). К прозвищам-артефактам отнесено прозвище *Астор* – *мужчина с такой же прической, как на пачке сигарет с аналогичным названием* (в СССР повсеместно продавались такие сигареты). 'Большинство фамилий, в том числе и фамилия *Астор*, произошло от отчеств (по крестильному или мирскому имени одного из предков), прозвищ (по роду деятельности, месту происхождения или какой-

то другой особенности предка) или других родовых имен' [familiya. website> astor]. *Астор* (англ. *Astor*) – топоним и имя собственное. *Асторы* – крупнейшие, наряду с Рокфеллерами и Вандербильтами, представители американской буржуазной аристократии XIX – начала XX веков. *Джон Джекоб Астор IV* – американский миллионер, предприниматель, писатель, член известной семьи *Астор* и подполковник, участник Испано-американской войны. Погиб во время крушения «Титаника» [Астор – Академик dic.academic.ru]. Концептуально значимым, прецедентным именем в данном случае оказывается наименование пачки сигарет, широко употребляемых курильщиками в СССР. Прозвище здесь ассоциируется с пачкой сигарет и изображением на ней мужчины с определенной прической, но никак не соотносится с выпускающими такие сигареты владельцами заводов Асторами и тем более с изображением одного из владельцев таких заводов. Поэтому это прозвище отнесено нами к концептуально значимым артефактам (пачке сигарет).

Итак, в прозвищах липецких говоров, являющихся национальными и универсальными прецедентными феноменами, преобладают прозвища – имена собственные: а) исторических или известных личностей; б) героев произведений, фильмов или мультфильмов; в) прозвища с именами собственными, имеющим связь с кличками животных из произведений или мультфильмов. Артефакты единичны. В большинстве своем эти прозвищные имена концептуально значимы и, в первую очередь, для русской культуры.

К прозвищам диалектного характера можно отнести *Ананья*, *Андроп* и *Анчутка*, т.к. в говорах они давно закрепились с определенным значением и современному носителю языка без комментария вряд ли будут понятны. Остальные прозвища могут быть известны любому носителю русского языка.

Прозвища, имеющие отношение к прецедентным ситуациям, главным образом связаны с названиями географических объектов и/или национальностей. Концептуально

значимыми для русской культуры здесь могут быть *Абрек, Азиатка, Армянин, Армян, Казак, Калмык, Кацан*.

Литература

Блинова Ю.А. Прецедентные агионимы как средства вербализации концепта ВЕРА/НЕВЕРИЕ в новейшем немецко-язычном романе. Самара: Самарский нац. исследов. ин-т, 2020. Раздел: история. Т. 26. вып. 4. С. 115–122.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. М.: Дрофа, Русский язык Медиа, 2008. Т. I. 699 с.; Т. 2. 779 с.; Т. III. 555 с.; Т. IV. 683 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДК «Гнозис», 2003. 375 с.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ. М., Просвещение, 1968. 632 с.; М.: Языки славянской культуры, 2003. 632 с.

Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Алёхина и проф. Ф.Н. Петрова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954. 858 с. – СИС.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.–СПб.: Наука, 1965–2021. Вып. 1–52 (издание продолжается). – СРНГ.

Суперанская А. В. Древнерусские имена и прозвища в основах наших фамилий. Журналистика и культура русской речи. 2003, № 4. С. 67–69.

Суперанская А.В. Имя – через века и страны. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 192 с.

Академик dic.academic.ru – Астор.

Shevchenko N. Nicknames based on proper names (on the examples of Lipetsk region dialect)

The article discusses nicknames based on proper names that are precedent and known to residents of the region (in this case – residents of Lipetsk region). Nicknames are usually given to people on the basis of general similarity, features of appearance (haircut, clothing), place – names linked to a particular nickname bearer, character traits, etc. Names and surnames of literary or history heroes, as well as place – names linked to professional activities or occupation of a particular nickname bearer or a life situation that he faces can be used as precedent proper names.

Keywords: precedent proper names, situation, text, nickname, metaphor, irony, image.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрианова Дарья Витальевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, yakonukdar@yandex.ru

Беляева Евгения Александровна – младший научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, belyaeva87@yandex.ru

Борданова Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Буренков Владислав Андреевич – студент, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Brain66653@gmail.com

Ду Сянь – аспирант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Институт русского языка и словесности, 1256618347@qq.com

Жулева Мария Игоревна – студент, Оренбургский государственный педагогический университет, zhuleva.mariya@mail.ru

Зверева Александра Юрьевна – магистрант, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, asya.zvereva.99@bk.ru

Кампаделли Розалия Аннарита – аспирант, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, campadellirosalia@gmail.com

Карпушова Алина Юрьевна – магистрант, Волгоградский государственный университет, alina.karpushova@yandex.ru

Колосовская Татьяна Леонидовна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

Костина Екатерина Дмитриевна – студент, Санкт-Петербургский государственный университет, st076549@student.spbu.ru

Ложкина Виктория Александровна – студент, Санкт-Петербургский государственный университет, viktorialozhkina@mail.ru

Локалина Юлия Сергеевна – студент, Санкт-Петербургский государственный университет, lokalina13@mail.ru

Макарова Мария Максимовна – студент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, makarova.il@mail.ru

Морохина Виктория Владимировна – студент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, victoriasyktvkar@gmail.com

Николаева София Александровна – студент, Тверской государственный университет, nickolaeva.nadejda2017@gmail.com

Петрова Мария Юрьевна – студент, Вологодский государственный университет, mariyapetrova.2001@mail.ru

Плесовских Дарья Владимировна – студент, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, dasha.plesovskikh@bk.ru

Савушкина Анастасия Сергеевна – студент, Смоленский государственный университет, anastaciasavushkina@yandex.ru

Сухнева Маргарита Олеговна – бакалавр, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, margarita0403@yandex.ru

Терентьева Татьяна Егоровна – студент-магистрант, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, tanya.ter.13@mail.ru

Фалеева Анна Сергеевна – аспирант, младший научный сотрудник, Вятский государственный университет, FaleevaAnn@yandex.ru

Хиленко Екатерина Владимировна – студент, Волгоградский государственный университет, ekaterinahilenko@yandex.ru

Шварева Екатерина Ильинична – студент-бакалавр,
Санкт-Петербургский государственный университет,
kat_shvareva@mail.ru

Шевченко Надежда Викторовна – кандидат
филологических наук, Институт лингвистических исследований
РАН, Санкт-Петербург, speranza249@mail.ru

Научное издание

**Современная русская лексикология, лексикография
и лингвогеография. 2022**

Подписано к печати 28.12.2022 г.
Формат 60х90/16. Тираж 300 экз. 13,75 усл.-печ. л.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
iliran@mail.ru
<https://iling.spb.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона» 190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного
канала, д. 199